
ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«Привет пионерам Китая!» — старательно выводит московская школьница в блокноте дорогих гостей, членов делегации Общества китайско-советской дружбы, с которыми она встретилась на Ленинских горах, у здания университета.

Фото Л. Гессельберга.

На первой странице обложки: Владимир Владимирович Маяковский.

Фото А. Штернберга.

На последней странице обложки: Москва. Площадь Маяковского и Большая Садовая улица.

Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 28 (1361) 12 июля 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Жатва на Кубани

По дорогам Кубани машина мчится час, другой, третий... Куда ни посмотришь, всюду стеной возвышается густая колосистая пшеница, плывут комбайны, торопятся грузовики. На дорожных указателях мелькают названия казачьих станиц.

На обочине столб с указателем: «Станица Березанская». Здесь проходит граница колхозных владений, на которых работает комбайнер Григорий Перерва.

Восемь лет назад Перерва сменил руль автомашины на штурвал комбайна. Сколько тысяч гектаров хлеба и подсолнечника скошено, какие горы пшеницы намолочены за эти годы! А такого урожая, как нынче, кажется, еще не было.

Голубой «Сталинец» неторопливо движется по загону. Пшеница стоит, не шелохнется. Мотовило, мелькая лопастями, подгребает упругие стебли к режущему механизму. Подкошенная масса по ленте транспортера устремляется в молотилку, и вот в бункер уже струится поток крупного янтарного зерна.

Обильные хлеба вырастили колхозники артели имени Сталина в содружестве с механизаторами Березанской МТС. Теперь слово за комбайнерами. Что ж, агрегат коммуниста Григория Перервы не будет простаивать ни минуты. Комбайнер внес в конструкцию машины много усовершенствований. Они позволят свести потери зерна к минимуму, поднять производительность труда.

С высокого мостика «Сталинца» взору открываются неоглядные колхозные нивы. На них трудятся Григорий Перерва и его друзья. Более 10 тысяч гектаров колосовых надо убрать в колхозе имени Сталина. На жатву брошены все 35 комбайнов местной МТС. На противоположной стороне большака работает «Сталинец» Ивана Бойко, а вдалеке, на горизонте, раскинулся участок березанских комбайнеров Щиглаковых. Наталья Сергеевна, задорная, смешливая казачка с обветренным лицом, стоит на мостике «Сталинца». Ее муж Иван Ефимович водит самоходный комбайн.

Наталью Щиглакову, мастера комбайновой уборки, хорошо знают в станицах. Она овладела специальностью комбайнера еще в довоенные годы. Когда началась война, Щиглакова стала шофером на фронте, а затем вновь вернулась к штурвалу. За отличную работу правительство наградило Наталью Сергеевну орденом Ленина.

Иван Ефимович, в отличие от жены, в молодости и не думал о теперешней специальности. Он хотел быть водителем автомобиля. Но встреча с Натальей изменила его намерения. Пошел он сначала штурвальным к ней на комбайн. А теперь и сам водит могучую машину.

На предуборочном собрании бригада обсуждала договор социалистического соревнования.

— Обещаю убрать четыреста гектаров колосовых, — сказала Наталья Щиглакова.

— Мое обязательство — триста пятьдесят гектаров,— поддержал ее муж.

— Что ж это такое получается!— поднялся с места Пантелей Шкурба, большой любитель шуток.— На бригаду приходится восемьсот гектаров хлеба. А эта семейка надумала оставить на мою долю какие-то полсотни. Не бывать этому! Сам уберу не менее пятисот гектаров.

Разговор, завязавшийся на собрании, был перенесен на поле. «Соперники» ревниво оспаривают первенство. Хорошо работают Щиглаковы. Но Пантелей Шкурба — казак не промах: того и гляди на самом деле вырвется вперед...

Горячие дни наступили для колхозников и механизаторов Кубани. Обезлюдела станица Березанская: население переселилось в степь. Опустели и другие станицы и хутора.

Жатва развертывается на огромном фронте. Колхозники и механизаторы Кубани борются за то, чтобы за 15 дней убрать урожай колосовых культур, а план хлебосдачи завершить за 20 дней.

Колхозные обозы с хлебом нового урожая движутся по степным проселкам и большакам.

В добрый путь, кубанские казаки!

А. ПОДХОМУТНИКОВ

→ Комбайнеры Наталья Сергеевна и Иван Ефимович Щиглаковы.

↓ Агрегат Григория Перервы на уборке. За копнителем прицеплена специальная волокуша, которая собирает солому после копнителя и тянет ее до конца загона.

Фото О. Кнорринга.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО

ПО ГОРОДАМ СОЮЗА

Разговор с Владимиром Маяковским о путешествиях

Валентин **КАТАЕВ**

Вы любили, Владимир Владимирович, путешествовать. «Мне необходимо ездить, — писали Вы в своей книге «Мое открытие Америки».— Обращение с живыми вещами почти заменяет мне чтение книг». Немало Вы ездили по земному шару. Но больше всего Вы путешествовали по родной стране. Вы страстно любили свою социалистическую Родину. Вы восхищались сказочно-быстрым ростом ее городов, зорко всматривались в черты нового. Вашей поэзии было в высшей степени присуще чувство нового. Вы, как никто другой, понимали всю неповторимую красоту нашей жизни.

На сотни эстрад бросает меня,
на тысячу глаз молодежи.
Как разны земли моей племена,
и разен язык
и одежи!

Из длительных путешествий по «своей земле» Вы возвращались в «свою Москву», полный новых мыслей, чувств, впечатлений. Вы приезжали веселый, помолодевший. В Вас чувствовался могучий прилив новых творческих сил, как в Антее, прикоснувшемся к матери-земле.

Посреди Вашей комнаты на полу лежал открытый чемодан с дорожными вещами и множеством записок, полученных Вами от слушателей во время выступлений. Такими же записками были набиты карманы. Вы извлекали их из жилета, из брюк, из пиджака. Вы разглаживали их своей большой широкой ладонью и сортировали по городам, числам и содержанию, раскладывая пачками на письменном столе. Вы очень любили собирать эти записки. Вы гордились ими. За всю Вашу жизнь их накопилось у Вас тысячи. Это было вещественное выражение общения с читателями. Каждая записка напоминала Вам какой-нибудь советский город. Вы редко делились своими впечатлениями. Но каждый раз Ваши друзья знали, что скоро Вы расскажете в стихах о том, что видели во время путешествия.

Вот что Вы, например, написали о Свердловске:

У этого
города
нету традиций,
бульвара,
дворца,
фонтана и неги.
У нас
на глазах
городище родится
из воли,
Урала,
труда
и энергии!

Вы написали это, Владимир Владимирович, четверть века назад — в 1928 году. Тогда бывший захолустный Екатеринбург только еще начинал по-настоящему превращаться в тот Свердловск, который мы знаем сегодня, в 1953 году. Вы, Владимир Владимирович, не видели еще на улицах Свердловска даже трамвая. Вы приезжали в Свердловск на поезде. Сегодня Вы, несомненно, прилетели бы сюда: давно уже действует авиалиния Москва — Свердловск. В Свердловске за 20 лет построены сотни тысяч квадратных метров жилой площади.

Радостно сообщить Вам, Владимир Владимирович, что Вы совершенно безошибочно угадали могучие индустриальные очертания будущего Свердловска. Здесь выстроены десятки мощных заводов; среди них такие гиганты, как Уралэлектроаппарат, Уралмаш, Уралхиммаш, три автогенных завода, велосипедный, инструментальный...

Вы не очень любили статистики. Но я уверен, что цифры, которые я упоминаю, Вам очень понравились бы.

Только в техникумах и институтах обучается 30 тысяч студентов. В городе находится филиал Академии наук СССР. Более 150 библиотек располагают книжным фондом до 5 миллионов томов. Драматический театр. Музыкальная комедия. Театр юного зрителя. Филармония. Киностудия. Девять кинотеатров. Около 40 дворцов культуры и клубов. Уральская консерватория имени Мусоргского, один из крупных центров музыкальной жизни на Урале... Таким стал этот «городище», который только рождался на Ваших глазах.

Побывав в Кузнецке, Вы сказали:

Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!

Так и случилось!

Вы совершенно точно предсказали:

«Здесь будет город-сад!» — предугадал поэт, побывав в Кузнецке. Сегодняшний Сталинск действительно похож на город-сад.
Фото Г. Санько.

Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

Сегодняшняя Сибирь воспламенена сотнями и тысячами электрических солнц, а Ваша изумительная строфа о городе-саде стала классической, ее знает каждый грамотный советский человек:

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

Возвратившись из поездки в Баку, Вы писали:

«Я помню дореволюционный Баку. Узкая дворцовая прибрежная полоса, за ней грязь черного и белого города, за ней — тройная грязь промыслов, с архаической фонтанной и желоночной добычей нефти. Где жили эти добыватели — аллах ведает, а если и жили где, то недолго.

...После годовщины десятилетия я опять объехал Баку.

...Это уже не сколок с московской культуры. Разница не количественная, а качественная. Это столичная культура — экономиче-

Четверть века назад Маяковский писал, что Свердловск «родится из воли, Урала, труда и энергии». Неузнаваемым стал ныне этот город. На снимке мы видим один из центральных районов уральской столицы — Площадь пятого года.
Фото Ж. Берланда и Ю. Добронравова.

ского, политического и культурного центра Азербайджана».

Так писали Вы в статье «Рожденные столицы» в 1927 году. Своим зорким глазом поэта-провидца Вы разглядели очертания растущей столицы Советского Азербайджана. Вы восхищались этим сказочно-быстрым ростом. Но что бы сказали Вы, Владимир Владимирович, если бы познакомились с сегодняшним Баку! Это поистине нечто изумительное! И прежде всего изумились бы Вы, что бакинцы добывают нефть со дна моря...

Двести пятьдесят пять с половиной миллионов рублей было вложено за два последних года в жилищное строительство города. Открыт республиканский стадион имени Сталина. Используя рельеф местности, архитекторы-строители разместили трибуны на 40 тысяч человек величественным полукругом, открывая широкую перспективу на Бакинскую бухту, на весь город.

На улицах, в парках, вдоль автомагистралей Баку и его нефтяных районов высажено около 700 тысяч деревьев и декоративных кустарников. Сооружается двенадцатиэтажный дом.

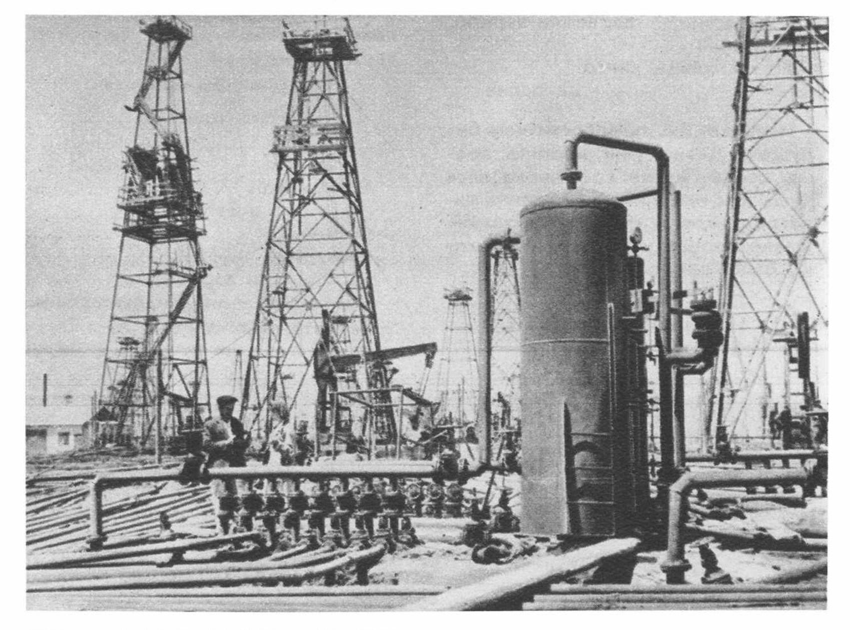
Путешествуя по родной земле, Вы зорко вглядывались в черты нового и коротко, но метко фиксировали свои поэтические наблюдения:

По-новому
улицы Новочеркасска
черны сегодня —
от вузовцев.

Ныне вузовцев в Новочеркасске несравненно больше. В городе 5 институтов и 9 техникумов. Можно считать, что каждый пятый прохожий, которого Вы встретили бы на улице, — студент.

Улицы Новочеркасска еще во времена Маяковского были «черны от вузовцев». Теперь в этом городе каждый пятый житель — студент. На снимке: группа студентов у Новочеркасского политехнического института.
Фото О. Кнорринга.

«Еще полторы тысячи скважин ждут своей очереди».— писал Маяковский в 1926 году. Сколько тысяч скважин было пробурено после того, сколько нефти дал стране нефтяной Баку!
Фото Ф. Шевцова.

Представляя себе будущий Волго-Дон, Вы писали:

один на Кубани сияет лампас —
лампас голубой
Волго-Дона.

Вы видели этот голубой лампас в отдаленном будущем. Для Вас это еще была лишь поэтическая метафора. Для нас же, Ваших современников, она стала уже реальной действительностью.

Вы любили, Владимир Владимирович, Крым:

И глупо звать его
«Красная Ницца»,
и скушно
звать
«Всесоюзная здравница».
Нашему
Крыму
с чем сравниться?
Не с чем
нашему
Крыму сравниваться!

Помнится, Вы восхищались ливадийским дворцом, в котором отдыхают крестьяне. Теперь таких дворцов, построенных советской властью, десятки.

Вы писали о будущем Днепрогэсе:

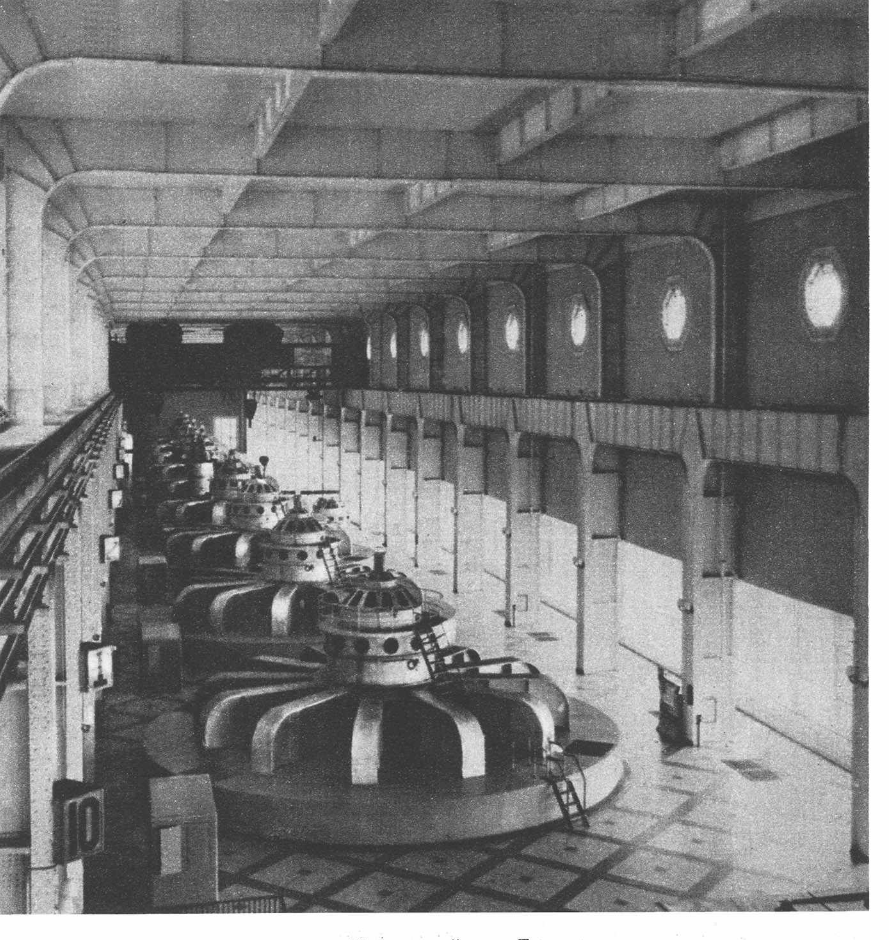
Где горилкой,
удалью
и кровью
Запорожская
бурлила Сечь,
проводов уздой
смирив Днепровье,
Днепр
заставят
на турбины течь.

И Вы оказались правы. Днепр заставили течь на турбины! Но Вы не знаете, что была кровавейшая война с фашизмом. Вы не знаете, что Днепрогэс был захвачен врагами, взорван, снова возвращен Родине и вторично отстроен!

О, если бы Вы видели величественный подвиг советского наро-

«Лампас голубой Волго-Дона» сегодня стал действительностью.
Фото Дм. Бальтерманца.

Машинный зал Днепрогэса.
Фото Н. Козловского

Грузия льет сталь. Рустави — молодой город грузинских металлургов.
Фото П. Луценко.

«Ляжем пляжем в песочке рыться мы бронзовыми евпаторийцами».
Фото М. Рунова.

да, отстоявшего дело коммунизма от всех темных сил капиталистического мира! Если бы Вы были тогда с нами! Какими изумительными стихами воспели бы Вы, Владимир Владимирович, нашу победу!

В стихах «Владикавказ — Тифлис» Вы обмолвились следующими словами:

Я жду,
 чтоб гудки
  взревели зурной,
где шли
 лишь кинто
  да ослик.

И снова Вы предвосхитили будущее. Давно уже прошло время, когда Грузия воспринималась лишь как идиллическая страна виноградников и горных пейзажей. Давно прошло время, когда можно было писать:

Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин.

Грузия стала индустриальной страной. Грузия льет сталь. Здесь вырос большой промышленный город Рустави. Ему недавно лишь минуло пять лет, а как он чудесно выглядит! Там, где была древняя Руставская крепость, теперь задымили заводские трубы, глухая степь озарена электрическими огнями. Бывшие крестьяне стали металлургами.

В своих путевых стихах Вы роняли меткие характеристики, маленькие жемчужины истинной, светлой, веселой поэзии.

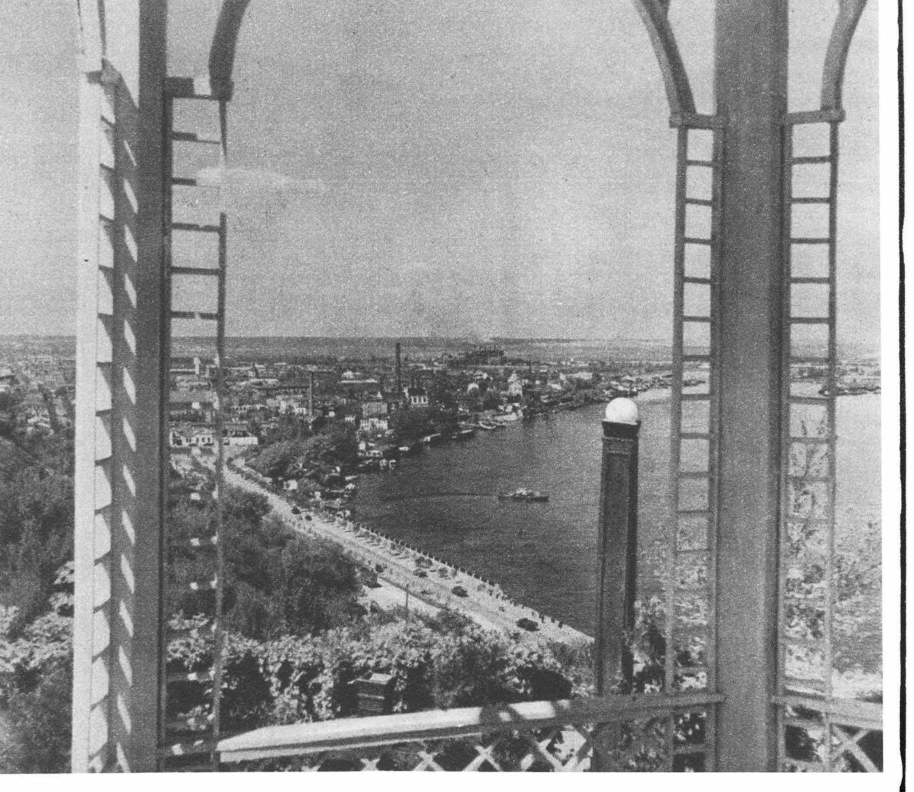
О Евпатории Вы написали:

Очень жаль мне
 тех,
  которые
не бывали
 в Евпатории.

О Киеве:

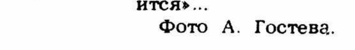
Вот стою
 на горке
  на Владимирской.
Ширь во-всю —
 не вымчать и перу!

«Ширь во-всю»... Так и сейчас выглядит Киев с Владимирской горки.

Фото Н. Козловского.

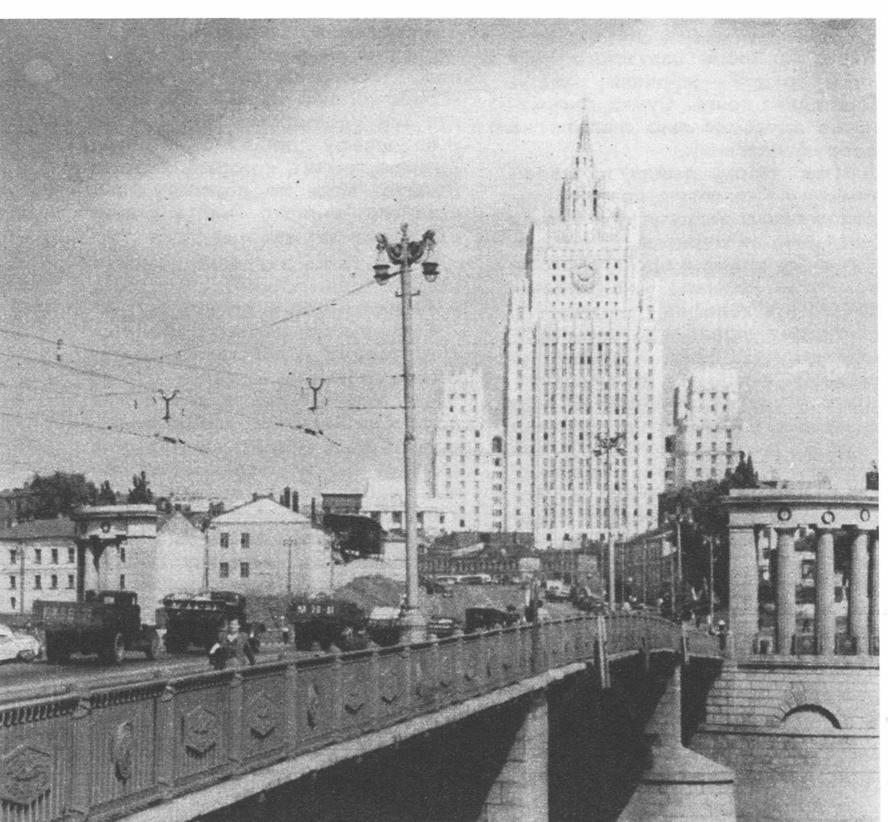
Посмотрите же, Владимир Владимирович, как сейчас выглядят воспетые Вами места родной земли. Евпатория в летние месяцы отдается в полное владение детям. А Киев — Киев становится еще прекрасней, хотя и в нем хозяйничали враги. И если бы Вы могли сегодня подняться на Владимирскую горку, какая перед Вами открылась бы ныне ширь!

Из всех городов мира Вы больше всего любили Москву.

Не надо быть пророком-провидцем,
всевидящим оком святейшей троицы,
чтоб видеть,
как новое в людях роится,
вторая Москва
вскипает и строится.

Вот она, Владимир Владимирович, «вторая Москва». Поедем по ее новым улицам. Не узнаете? Еще бы! Ну, скажите, например, какая это площадь? Триумфальная? Нет, не угадали. Это площадь Маяковского, Ваша площадь, Владимир Владимирович. Здесь будет стоять Ваш памятник. Его еще нет, но он будет. Вот место, где его поставят. Видите цветы? Памятника еще нет, а цветы уже носят. Вас, отдавшего «всю свою звонкую силу поэта» великому делу революции, любит советский народ. То, что Вы, поэт-провидец, предсказывали из далекого вчера, этот народ, ведомый Коммунистической партией, совершил. И он повторяет Ваши слова о том, что

Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.
Партия —
спинной хребет
рабочего класса.
Партия —
бессмертие нашего дела.

«Вторая Москва вскипает и строится»...

Фото А. Гостева.

«Наш Маяковский» — так называют в Чехословакии великого советского поэта, чье искусство здесь, как и во всех странах народной демократии, стало достоянием масс.

Первый перевод его стихов на чешский язык появился в 1920 году в журнале «Кмен», который редактировал известный поэт С. К. Нейман.

О значении творчества Маяковского для чешской литературы, в частности для драматургии, еще в 1922 году писал один из основоположников революционной пролетарской литературы в Чехословакии, замечательный поэт и публицист Иржи Волькер. В статье «О литературе» он отмечал, что наряду с влиянием прогрессивной чешской драматургии XIX века на драматургов оказывают влияние «русские революционные поэты, например, Маяковский». Горячим пропагандистом творчества Маяковского уже в первой половине двадцатых годов выступил профессор Зденек Неедлы.

В 1927 году Маяковский читал свои произведения и разговаривал со своими чешскими читателями в Виноградском народном доме в Праге. Его выступления, вызвавшие тогда широкий отклик в прогрессивной чехословацкой прессе, и по сей день памятны многим писателям, деятелям компартии, широким кругам чешских рабочих. К организации вечера в народном доме имели отношение Юлиус Фучик, Мария Майерова, поэт Иозеф Гора.

Фучик, еще будучи студентом, в начале 20-х годов, в спорах о революционной поэзии часто ссылался на пример Маяковского, на его произведения. В 1926 году в журнале «Авангард» (№ 7) Фучик, подчеркивая огромное значение советской культуры, указывал на «безусловный успех революционных стихотворений Маяковского».

В день своего выступления на Виноградах поэт встретился у Марии Майеровой с чешскими писателями. Туда же, как рассказывает Майерова в своих воспоминаниях (написанных специально для Государственной библиотеки-музея В. В. Маяковского), «пришел Фучик с первым известием о предстоящем вечере».

Маяковский познакомился в Праге с художниками, архитекторами, театральными деятелями. Он говорил с ними о задачах революционного искусства и, в частности, делился опытом поэта и художника-сатирика. Советский поэт рассказывал о своей работе над плакатом в «Окнах Сатиры Роста», с увлечением беседовал о карикатуре. Как вспоминает художник Гоффмейстер, Маяковский говорил о лаконизме, характерности и тенденциозной остроте карикатуры.

Маяковский и Мария Майерова. Снято 26 апреля 1927 года на квартире писательницы.

Рядом с дружеским шаржем, сделанным Гоффмейстером на Маяковского, последний на память карикатуристу вписал текст «Левого марша».

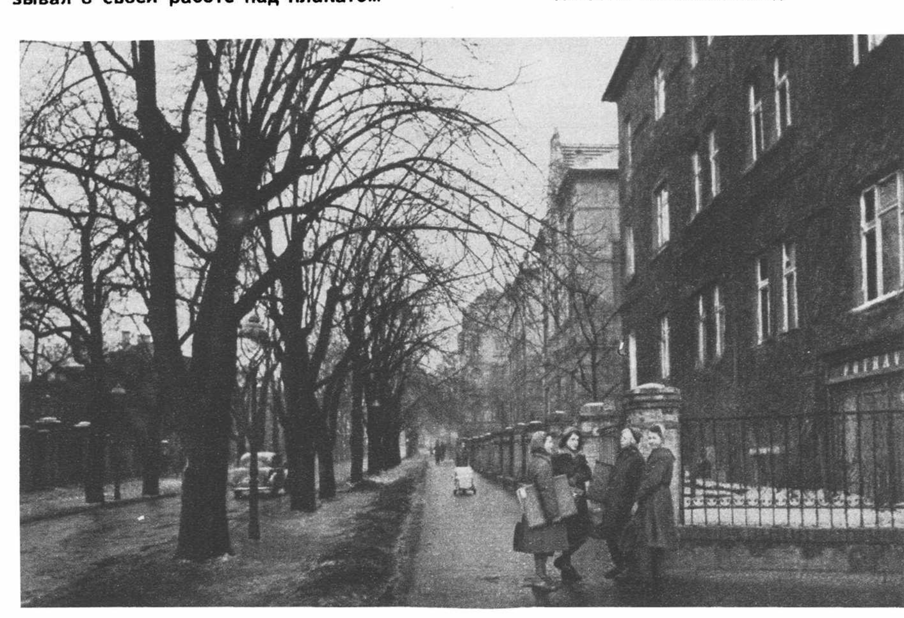
О популярности Маяковского в сегодняшней Чехословакии красноречиво свидетельствуют такие факты. В 1950 году вечера и выставки, посвященные его творчеству, в Праге, Готвальдове, Братиславе, Остраве, Пльзене, Подебрадах, Таборе и других городах посетило 500 тысяч человек. С 1945 года в Чехословакии было издано 27 книг Маяковского, общим тиражом 326 350 экземпляров; 33 чешских и словацких писателя опубликовали свои стихи, воспоминания, статьи в сборнике «Наш Маяковский».

В 1947 году Театр юных пионеров к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции осуществил постановку поэмы «Владимир Ильич Ленин». Режиссер Ваньятко поставил в том же году в Большом павильоне пражской постоянной выставки поэму «Хорошо!». В январе 1948 года в молодежном театре «Диск» состоялась премьера комедии Маяковского «Баня».

Лозунги, плакаты с текстами Маяковского заняли свое «рабочее место» над станками рабочих Чехословакии, помогая бороться за выполнение пятилетнего плана.

Именем великого советского поэта названа одна из улиц Праги.

Любовь ФЕЙГЕЛЬМАН

Улица Маяковского в Праге

Государственная библиотека-музей В. В. Маяковского в Москве.

В ПЕРЕУЛКЕ ЗА ТАГАНКОЙ

Лев КАССИЛЬ

К этому дому в скромном московском переулке молодые поэты, начинающие литераторы приближаются с таким же примерно чувством, с каким юнга или молодой нахимовец подходит к трапу легендарного революционного броненосца.

Тихий переулок за Таганкой «огромлен» мощной славой. Сколько раз из конца в конец мерил его своими «саженьими шагами» знаменитый поэт! И кто из ныне пишущих хотя бы раз в жизни не прошел тут, по переулку, который носит теперь имя поэта!

Здесь, в доме № 15/13, с 1926 года жил Владимир Владимирович Маяковский.

Ныне тут Государственная библиотека-музей В. В. Маяковского.

Расчищено пространство на подступах к дому, снесены мелкие постройки, что торчали на углу бывшего Гендрикова переулка и Больших Каменщиков. Тесный, захламленный дворик сегодня превращен в зеленый сквер, хорошо видный за сквозной, легкой оградой. Но сохранилось знакомое крыльцо с навесом — крыльцо, к которому еще при жизни поэта так неодолимо тянуло революционную молодежь и всех, кто горел жадным стремлением помочь штыком, молотом и стихом молодой Советской стране. Это здесь однажды, поздним вечером, раздались вдруг под окнами молодые голоса. Возвращавшиеся домой в общежитие рабфаковцы дружным хором проскандировали, по-своему переиначив строки «Левого марша»:

Проулок, мощенный
славой!
Запомните адрес все
вы...
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Лестница, которая вела в квартиру Маяковского, сейчас закрыта для прохода. А бывало, поэт легко перемахивал в несколько шагов крутые ступеньки, когда ладились жизнь и работа, или тяжело отжимал ступеньку за ступенькой, если возвращался домой усталый либо с грузом обид... Сегодня наверх надо подняться по новой внутренней лесенке из вестибюля библиотеки.

И вот она, всегда готовая, как и прежде, гостеприимно открыться, дверь в квартиру поэта! Немало людей вышло в литературу, поэзию, на правильную трудовую дорогу через эту дверь. Кто только тут не стучался, не звонил, не томился в первом авторском волнении!..

Столовая в квартире поэта.

Она открывается. И за ней видна знакомая передняя. Слева, около зеркала, на вешалке его шляпа, пальто, трость, словно хозяин только что вернулся домой и прошел к себе, радушно приглашая вас следовать за ним.

В маленькой светлой столовой все сохраняется так, как было заведено в доме при жизни Маяковского, подчиняясь его вкусу, скромным привычкам и строгим требованиям труда поэта.

Войдем в эту простенькую, но очень уютную, лишенную каких бы то ни было претензий на роскошь и в то же время по-своему весело-приветливую столовую. Глянцево отсвечивают крашеные, свежевымытые полы. Две низенькие удобные банкетки в полосатых чехлах расположились по бокам высокой молочно-белой кафельной печи, возле которой, прислонясь к ней спиной и целиком, доверху, загородив ее собой, Владимир Владимирович любил читать друзьям стихи.

Как всегда, стоят живые цветы на обеденном столе, который, когда собирался народ у Маяковского, раздвигали и ставили по диагонали маленькой столовой, чтобы могло усесться побольше...

Справа, у двери, на леднике, возле большого цветастого чайника, грудой — журналы, газеты. Очередная почта. Сумка письмоносца здесь обычно пустела на добрую половину.

Встав утром, выйдя из своей комнатки в столовую, поэт первым делом шел к этому углу и брался за газеты, за журналы, за письма.

А в это время в противоположном углу комнаты уже начинал трезвонить телефон.

Аппарат укреплен в узком простенке между окном и дверью из столовой в комнату Маяковского. Шнур у трубки длинный. И, разговаривая, Маяковский обычно крупно, мягко шагал из своей комнаты в столовую и обратно.

2-35-791.. Хорошо знали в Москве этот номер. Сегодня телефонная трубка висит на рычажке неподвижно. А когда-то она не успевала остынуть, качаясь, как снова приходилось Маяковскому браться за нее. Звонили из редакции. Просили приехать на завод. Заказывали плакаты. Сообщали новости со всего мира, еще не поспевшие в газету. Доругивались противники. Читали удачные строки, написанные ночью, друзья.

— Очень здорово, что позвонили! — радушно басил Маяковский, скосив в трубку свой большой горячий глаз. — А стих дам завтра же. Тема вполне роскошная. Сама в строку лезет.

И он уходил в свою комнату, где на столе ждала его раскрытая записная книжка и рядом автоматическая ручка с уже обнаженным пером.

Здесь и сегодня все выглядит так, будто Маяковский лишь на мгновенье прервал работу, вызванный к телефону.

Какая-то корабельная чистота, строгий уют маленького, но отлично организованного пространства, обстановка, в которой все нужно, все просто и удобно для жилья и работы, усиливают сходство комнатки с каютой.

Очень простой, невысокий шкаф с небольшим зеркалом. Тахта, над которой висит мексиканский плащ, превращенный в коврик. И рабочий письменный стол-бюро, где все удобно, все под рукой...

В шкафу виден клетчатый джемпер-жилет, который хорошо известен всем по портрету Маяковского, снятого на выставке «Двадцать лет работы».

И все здесь выглядит компактным, походным, взятым в дорогу и находящимся в движении.

Собраны тут, бережно хранятся и те предметы действительно путевого обихода, которые нужны были Маяковскому в его частых поездках. Ведь он «земной шар чуть не весь обошел», и недаром стоит на шкафу маленький школьный глобус, всегда находившийся в комнате Маяковского. «Полпредом» советского стиха он изъездил Европу и Америку, чтобы «стихом побрататься» с трудовым народом других стран.

Не терпевший грязи и неряшливости ни в людских отношениях, ни в стихотворной строке, поэт и

в быту был исключительно опрятен. Неприхотливый, применявшийся к самым трудным условиям жизни, он везде — и дома и в дороге — требовал лишь одного — абсолютной чистоты. И нет никакого преувеличения в тех строках, где он признавался, что ему «кроме свежевымытой сорочки... ничего не надо».

Бережно собраны в кабинете многочисленные записные книжки поэта с черновиками, заготовками стихов, рифм. Известно, какое значение придавал всей этой предварительной работе Маяковский. Трудно сегодня без волнения следить по стершимся страницам, как рождалась «сила слов, слов набат».

С гордостью хранил Владимир Маяковский свои многочисленные газетные удостоверения, корреспондентские билеты, документы, выданные ему редакциями журналов, в которых он сотрудничал. «Я писатель, газетчик, я должен все видеть!» — говорил он, если его куда-нибудь не пропускали, и вынимал из кармана редакционное удостоверение.

Он внимательно следил за работой других поэтов в газете, подбадривал их, неутомимо призывал литераторов к участию в публицистической злободневной работе: «Мы знаем десятки случаев и важных проблем сегодняшнего дня. А где поэт? Куда, к чортовой матери, эти поэты запропастились? Их нет ни в одной газете...»

Внизу, под квартирой, где жил Маяковский, сейчас пристроен новый светлый полукруглый читальный зал. Если комнатка-кабинет Маяковского во всем напоминает капитанскую каюту, то читальный зал, насквозь прохваченный светом, схож с нарядной и уютной салон-рубкой большого парохода. Зал никогда не пустует. Всегда здесь встретишь молодежь, студентов, школьников.

Молодые почитатели Маяковского любят приходить на лекции о поэте, которые регулярно организуются в библиотеке-музее. Для этого отведен специальный лекционный зал.

С волнением рассматривают посетители афиши, рассказывающие о бесчисленных выступлениях Маяковского перед читателями в разных краях нашей советской земли, плакаты «Окон Сатиры РОСТА». Более трех тысяч таких плакатов нарисовал Маяковский в трудные для революции годы. Он сам говорил, что стихотворных подписей к этим плакатам он сочинил столько, что хватило бы на «второе собрание сочинений». Сбылось предсказание поэта, что «через годы — над этими окнами будут корпеть ученые, охраняя от времени скверненькую бумагу... это — красочная история трех боевейших годов Союза... это — предки всех советских сатирических журналов...»

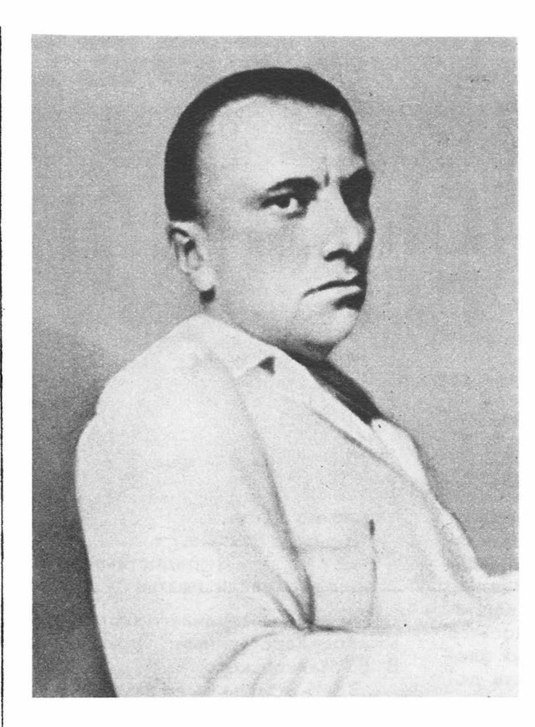
В одной из комнат музея — модель танка «Владимир Маяковский». В годы Великой Отечественной войны танк этот участвовал во многих боях и прошел славный путь до самого Берлина.

А неподалеку высятся стенды, повествующие об участии Маяковского в сегодняшней борьбе за мир. Здесь, рядом со стихами Владимира Владимировича, видишь слова крупнейших прогрессивных деятелей человечества, отдающих дань глубокого уважения и безмерного восхищения нашему поэту. Вот запись Назыма Хикмета, который, посетив этот дом, как бы снова пожал «сильную руку друга». Читаем взволнованное высказывание Го Мо-жо, обращенное к Маяковскому: «Посланец правды, твоя эпоха — это нескончаемый век». И тут же слова любви и братского восторга, адресованные Маяковскому Полем Робсоном, Жоржи Амаду, Луи Арагоном, Пабло Нерудой, Людмилом Стояновым, Иоганнесом Бехером... «Его поэзия вдохновляет нас на борьбу за мир»,— записала румынская делегация трудящихся, посетившая дом Маяковского.

Живые, пристальные, горячие глаза Маяковского смотрят с десятков фотопортретов; будоражащие мысль, берущие за сердце строки взывают к вам с каждой стены. Здесь еще раз ощущаешь, что Маяковский идет с нами в одном строю, живет с нами одной жизнью. Громоподобный голос поэта не замолк. Дом в переулке за Таганской площадью — это не «прошедшего возвышенный корабль, о время зацепившийся и севший на мель», каким показался Маяковскому в Париже собор Нотр-Дам. Нет! При его виде мне представляется остающийся в строю грозно оснащенный броненосец, у которого не «ступлен» киль.

Наша литература идет за поэзией Маяковского, как ходили во время войны наши солдаты за огневым артиллерийским валом. Его дальнобойные поэтические снаряды рвутся далеко впереди, сокрушая противника и открывая нам дорогу наступления и побед.

Письменный стол Маяковского.

ФОТОСЪЕМКА С БОЛЬШОЙ ВЫДЕРЖКОЙ

В тот день, когда были сделаны публикуемые снимки, афиши извещали жителей Симферополя, что 7 июля 1926 года в Доме работников просвещения выступит с докладом «Мое открытие Америки» и чтением новых стихов поэт Владимир Маяковский.

Днем Маяковский неожиданно явился в редакцию «Красного Крыма». В кабинет редактора собрались все оказавшиеся на месте сотрудники газеты. Завязалась непринужденная беседа. Один из редакционных работников сказал поэту:

— Вскоре после Октябрьской революции я смотрел кинофильм, в котором вы играли главную роль.

— Было такое. В восемнадцатом году я играл для экрана. Пытался стать актером кино. Написал три сценария, сам снимался во всех трех картинах... Получилось не то, что было мной задумано. Хозяин не давал тогда возможности работать, как мне хотелось, скомкал мои замыслы. Киноателье было частное. В те времена не было госкинофабрик... Не помните, в какой картине вы меня видели? В фильме про учительницу? Ну, это еще была не самая плохая моя лента...

Маяковский рассказал о неудачной постановке другой картины по его сценарию. Ему нравился фантастический сюжет, придуманный для фильма.

— Мне хотелось бы переснять эту картину заново. Для этого поеду отсюда в Ялту, чтобы договориться с тамошней кинофабрикой. Сценарий я основательно переработал. Только самому сниматься в главной роли теперь не придется: грузноват стал. Не то, что в 1918 году. Тогда, можно сказать, молодой еще был, красивый, двадцатипятилетний...

Пока шла беседа, я, пристроив маленькую, примитивную фотокамеру на массивном чернильном приборе, украшавшем стол редактора, навел объектив на поэта. Делать моментальные снимки не позволяла слабая оптика несложного фотоаппарата. К тому же комната оказалась недостаточно светлой. Не было под рукой ни магния, ни сильной электролампы.

Выдержка требовалась очень большая, кажется, больше полминуты. Владимир Владимирович терпеливо сидел, не шелохнувшись. Когда захлопнулся затвор, Маяковский чуть выпрямился, хотел было подняться, но, заметив, что я собираюсь сделать второй снимок, снова погрузился в кресло и замер. Он перенес еще одну большую выдержку. Когда же увидел, что готовится еще одна съемка, то закурил и сказал:

— Может быть, лучше выйдет, если пойдем в помещение посветлее?

Следующий снимок был сделан на балконе.

Маяковский собрался уходить, когда секретарь редакции заговорил с ним о стихотворении для газеты.

— Желательно новое, Владимир Владимирович.

Поэт задумался, что-то, должно быть, припоминая.

— Стихотворение — можно. Даю вам «Тропики».

Владимир Владимирович сдержал обещание, и 11 июля 1926 года «Тропики» появились в «Красном Крыму».

На вечере Маяковского в книжном киоске продавались его книги. Когда поэт во время антракта сидел в фойе на диване, к нему часто подходили за автографом.

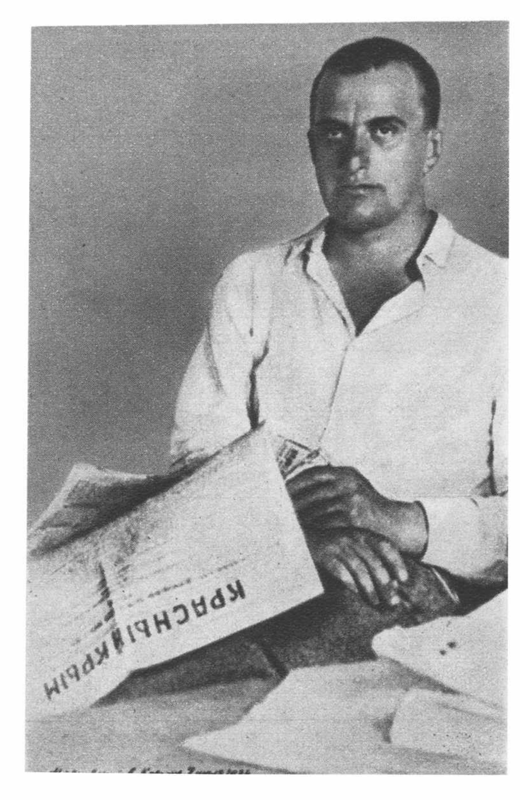
— Что вам нарисовать? — спрашивал он. — Может быть, желаете крымский пейзаж? Цветочки? Можно автошарж или из международной политики. Могу нарисовать птичку...

Рисунки, сделанные в стиле плакатов РОСТА, молниеносно выходили из-под карандаша поэта.

— До чего быстро вы рисуете, Владимир Владимирович! — вырвалось у меня.

— Да уж, знаете, пожалуй, быстрее, чем вы фотографируете, — невозмутимо ответил Маяковский, не вынимая изо рта папиросу.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

ПОД НЕБЕСАМИ БАГДАДИ

В большом грузинском селе, которое называется теперь Маяковски, а раньше звалось Багдади, у входа в Зекарское ущелье, стоит дом из побуревших каштановых досок. С гор доносятся лесные запахи. Издалека по плоской Колхидской низменности докатываются теплые, влажные ветры Черного моря.

В этом доме была канцелярия и жила семья багдадского лесничего Владимира Константиновича Маяковского. У лесничего в день празднования его рождения появился на свет сын, которому и дали по причине такого знаменательного стечения обстоятельств имя отца.

В книгах поэта не найдешь ни одного стиха, посвященного родному селу. Поэтому, наверно, он сказал однажды:

Я
в долгу...
перед вами,
багдадские небеса...

Но природа, на лоне которой прошло детство Маяковского, запечатлена в его стихах:

Я знаю:
глупость — эдемы и рай!
Но если
пелось про это,
должно быть,
Грузию,
радостный край
подразумевали поэты.

Эти слова встречают входящего в Государственный дом-музей В. В. Маяковского.

...Здесь всегда было людно: объездчики, крестьяне, пришедшие за разрешением на вырубку, соседские дети. Две комнаты — канцелярия лесничего и спальня — восстановлены в том виде, в каком они были при рождении поэта. В обстановке ничего лишнего: грузинская широкая тахта, покрытая грубым ковром, отцовский канцелярский стол с самыми необходимыми принадлежностями. В книжном шкафу — старинный фотоаппарат «Кодак». Лежит маленький лобзик Володи Маяковского, и тут же искусно выполненные им безделушки. Книги.

Говорят, когда Маяковский родился, хозяин дома, Константин Кучухидзе, пожелал сыну лесничего достигнуть самого высокого поста в лесном ведомстве...

В большой комнате (при жизни Маяковских она была перегорожена пополам) много фотокарточек, документов, акварельных зарисовок багдадских домов, по которым кочевали Маяковские.

Владимир Маяковский и его сестра Ольга в детские годы.

Вот фотография Владимира Маяковского семи лет. Мальчик прислонился к широким перилам моста, закинув ногу за ногу. И другой снимок — через 25 лет: Маяковский в Мексике. Он прислонился к банановой пальме. Такая же поза...

Фотография кутаисского периода—Маяковский в гимназической форме, в кругу семьи. И еще снимок, относящийся к 1908 году: будущий поэт после ареста сфотографирован в охранном отделении. Ему тогда было 15 лет.

Все, что говорит о детстве поэта, о формировании его характера, о том, что его окружало, любовно сохранено и собрано членами семьи Маяковского. Много потрудился директор музея Микел Патаридзе — поэт, первый переводчик произведений Маяковского на грузинский язык. Городской житель и воспитанник Кутаисской гимназии того периода, когда в ней учился Маяковский, он поселился здесь 10 лет назад, перевел поэмы «Хорошо!», «150 000 000» и много других стихов, прочел более тысячи лекций о поэте.

...Посетители едут и идут к дому-музею. В тот день, когда мы осматривали музей, здесь побывали отдыхающие с курорта Цхалтубо; животноводы, путь которых лежал в горы, на пастбища, и «неорганизованная» группа сельских детей.

Первое, что захотелось сделать по выходе из музея, — зайти в грузинскую школу, где под сенью громадных дубов сидели девочки. Сегодня они писали сочинения. Преподавательницы просматривают работы: «Мой любимый русский писатель». Сочинения посвящены Некрасову, Горькому, Маяковскому...

Вот работа на аттестат зрелости ученицы 11-го класса Маяковской средней школы Нуну Какушадзе.

Наверно, в этот день одновременно с Нуну Какушадзе десятки тысяч учащихся в русских, украинских, таджикских, армянских и других школах Советского Союза выводили на бумаге эти слова: «Мой любимый русский писатель — Владимир Владимирович Маяковский».

Но вряд ли кто-нибудь продолжил свое сочинение таким образом:

«В лучшем уголке Имеретии стоит деревянный дом, в котором родился поэт революции. В этом доме — колыбель поэта. Во дворе — фруктовые деревья. Близко протекает красивая река Ханис-Цхали. Летом здесь купался и ловил рыбу будущий писатель. От моих родных, особенно от моего деда, который был близким другом отца Маяковского, я много слышала о поэте».

Дальше, пожалуй, то же, что могло быть и в других экзаменационных работах нынешнего года. Лишь в конце, говоря о приближающемся юбилее, Нуну пишет:

«В это время в Грузии цветут сады, зеленеют луга, леса. Село Багдади, давно носящее имя Маяковского, сердечно вспоминает поэта, которого Иосиф Виссарионович Сталин назвал «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Маяковский с нами. Он с радостью смотрит на обновленную Грузию, на ее свободную жизнь в семье братских народов».

Параскева Прокофьевна Нинуа, преподавательница русского языка и литературы, уроженка этого села и крестная дочь багдадского лесничего Владимира Константиновича Маяковского, ставит под последними строками сочинения отличную оценку.

Параскева Прокофьевна — педагог. Ее муж Аркадий Илларионович Нинуа, товарищ Маяковского по Кутаисской гимназии, — врач. Из Багдади вышли известные в Грузии композиторы, металлурги, инженеры, филологи.

В прежние времена в Багдади на всю округу была одна маленькая начальная школа и три учителя. Сейчас в районе 33 школы. Образование получает около 7 тысяч детей колхозников.

В конторе «Союзпечати» нам зачитали длинный список — свыше ста наименований журналов и газет, подписчиками которых являются жители Маяковского района.

Заведующая районной детской библиотекой показала стихи ученицы 8-го класса Нателлы Гегешидзе, посвященные Маяковскому. Она будет читать их на литературном вечере в библиотеке.

В Доме культуры мы слушали песню о Маяковском на грузинском языке: «Снова ты ходишь по нашему Багдади, как живой...»

Лес. Внешне он, может быть, такой же, как и тогда: леса растут медленно. Но сейчас в Маяковском районе уже не 60 тысяч гектаров под лесом, а около ста. В хозяйстве 9 лесничеств, — значит, 9 инженеров и столько же техников. А Владимир Константинович Маяковский был на весь лес один с несколькими крестьянами-объездчиками. Знаменитый Аджаметский дубравник — 7 тысяч дубов на равнине. В прошлом их хищнически вырубали барышники. Ныне дубравник превращен в заповедный. В лесу сажают орех, дуб, каштан, эвкалипт. Это все выращивается в питомниках.

Виноградники — богатство края. Здешняя виноградная лоза дает до десяти килограммов ягод. В 1953 году выстроено два новых винных завода. Виноделы подсчитали: если урожай будет даже средним, то маяковские виноградники дадут около трех с половиной миллионов литров вина. Таковы плоды труда виноградаря.

В прошлом году на маяковских землях появилась пшеница; до этого возделывали одну кукурузу, а пшеницу привозили издалека. Значит, теперь можно иметь к своему вину пшеничный хлеб.

Многое из того, чего не было в Багдади, стало возможным в Маяковски. Например, всегда знали о существовании минеральных источников в лесу. Теперь здесь курорт Саирме с популярной в Грузии водой типа боржоми. Построен второй курорт — Зекари — с горячей минеральной водой.

Электричество в Багдади было редкостью. Маяковский вспоминает: «Лет семь. Отец стал брать меня в верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом... В расступившемся тумане под ногами — ярче неба. Это электричество. Клепочный завод князя Накашидзе». Глухой же Багдади жил во тьме. Сейчас в Маяковски на Ханис-Цхали две ГЭС. Район почти полностью электрифицирован, свет — в каждом колхозном доме.

На маленьком живописном клочке советской земли есть свои радости, свои достижения, свое будущее.

И. МЕСХИ

На родине В. В. Маяковского

Фото С. КОРОТКОВА.

Село Маяковски (бывшее Багдади), Грузинской ССР. Вид с крыльца Дома-музея В. В. Маяковского.

В Доме-музее В. В. Маяковского. Комната, в которой родился и провел первые детские годы поэт.

Сверстники В. В. Маяковского, учившиеся с ним в Кутаисской гимназии, Аркадий Нинуа и Леван Кучухидзе у Дома-музея Маяковского рассказывают молодежи о детских годах поэта.

Группа экскурсантов в Доме-музее В. В. Маяковского. Научный сотрудник музея Нико Кучухидзе знакомит их с материалами о жизни и деятельности поэта.

Кутаиси. В классе бывшей гимназии, в которой учился Владимир Маяковский. Ныне здесь мужская средняя школа. Врач Е. Е. Гванцеладзе, учившийся вместе с В. В. Маяковским, рассказывает школьникам об ученических годах поэта.

Здание бывшей классической гимназии в Кутаиси.

К истории одного письма

Париж, 22.XII 1927 г.

Уважаемый т. Маяковский!

Если Вы вспомните, я к Вам зашел во время антракта Вашего парижского доклада и мы уговорились, чтоб на другой день я к Вам позвонил. Я это сделал, но с небольшим опозданием, и не застал Вас. Так и не мог поговорить с Вами по поводу той болгарской поэмы («Септември» Гео Милева), которую я Вам дал. А вот что бы мне хотелось Вас попросить.

Поэма эта посвящена сентябрьскому восстанию 1923 г. болгарских рабочих и крестьян, этой «болгарск[ой жакерии». Автор] был настолько смел, чтоб выпуст[ить поэму...] после восстания, в самом разгаре белого террора, когда нас открыто убивали по улицам столицы. За эту свою смелость он поплатился жизнью. После взрыва в соборе (16 апреля 1925 г.) Гео Милева забрали в охранку, откуда он «бесследно исчез».

Автор был Вашим большим почитателем и с талантом представлял в болгарской поэзии Ваше направление. К сожалению, я не в состоянии найти здесь и переслать Вам его переводы некоторых Ваших произведений («Наш марш», фрагмент «150 000 000» и др.).

Поэма «Сентябрь» пользуется большой репутацией у нас. Хотя полиция конфисковала ее и до сих пор преследует, она все-таки дошла до рабочих. Многие изучают ее наизусть и на эмигрантских вечерах ее читают.

Так вот, я думаю, неплохо было бы перевести ее на русском языке (готовится немецкий перевод). Для этой цели я сделал подстрочный перевод, чтоб помочь русскому поэту в точном понимании слов. Этот перевод Вам передаст т. Санников с моей и болгарских товарищей просьбой сделать перевод поэмы Вашего болгарского ученика. Правда, вы слиш[ком... своим] творчеством, но ведь перевод[ить...] очень легко и не займет у Вас много времени.

Если Вы согласны заняться этим переводом, будьте любезны черкнуть мне два слова: я б Вам написал небольшое предисловие об авторе и его поэме.

С комприветом,

Г. Бакалов.

Публикуемое письмо видного болгарского критика, коммуниста Георгия Бакалова служит новым ценным свидетельством сложившейся уже в двадцатых годах глубокой связи передовой болгарской литературы с творчеством Маяковского. Крупнейший революционный поэт-антифашист Гео Милев был первым переводчиком на болгарский язык поэмы «150 000 000» и нескольких других произведений Маяковского, его ревностным пропагандистом и убежденным последователем.

Сентябрьское вооруженное восстание 1923 года против фашистского правительства Цанкова имело решающее значение для формирования идеологии Гео Милева, окончательно закрепившегося на позициях революционного боевого искусства. И на этом пути большую, плодотворную помощь Гео Милеву оказал пример Маяковского, его творческий опыт, его образ поэта-трибуна. В статье «И свет во тьме светится» (1924 год) Гео Милев писал: «Маяковский, поэт русской революции, поэт миллионно-взволнованной улицы, открывает и вносит во всемирную лирику новые тона, каких литература до него не знала... Это новое завоевание в области литературы, новое приобретение человеческой культуры».

Поэма Гео Милева «Сентябрь», передающая грандиозный размах революционных событий, их героику, насыщенная страстной ненавистью к врагам народа и верой в то, что «сентябрь будет маем», во многом близка поэме Маяковского «150 000 000».

Встреча Г. Бакалова с Маяковским в Париже произошла 7 мая 1927 года на вечере поэта, устроенном советскими студентами во Франции. 9 мая Маяковский выехал из Парижа в Берлин. Подстрочник для перевода поэмы Гео Милева «Сентябрь», о котором пишет Г. Бакалов, передан Маяковскому не был.

Поэма «Сентябрь» была опубликована Гео Милевым в журнале «Пламя» (София, № 7—8, 1924 год). Полученный Маяковским от Г. Бакалова экземпляр поэмы — ее первое отдельное издание, вышедшее в 1927 году в Париже в болгарском эмигрантском издательстве «Нарстуд», так же как и публикуемое письмо Г. Бакалова, хранится в Государственной библиотеке-музее В. В. Маяковского. Письмо приводится с вынужденными пропусками и с предполагаемым прочтением текста, так как оно поступило в архив музея уже сильно стершимся.

Н. РЕФОРМАТСКАЯ

ЯПОНСКИЙ НАРОД БОРЕТСЯ ЗА МИР И НЕЗАВИСИМОСТЬ

Беседа с профессором ИКУО ОЯМА

Корреспондент «Огонька» посетил находящегося в Москве крупного японского ученого и общественного деятеля профессора ИкуоОяма, лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Профессор ИкуоОяма.

Фото А. Гостева.

* * *

Небольшого роста, седоволосый, с очень подвижным смуглым лицом, знакомым миллионам людей по газетным фотографиям, ИкуоОяма, вопреки всем законам природы, кажется, не собирается стареть. Это впечатление не только внешнее. Все в нем — от манеры говорить увлеченно, страстно, забывая о позднем часе, до юношеского блеска глаз, который не угасает под толстыми стеклами очков,— все это заставляет забыть о том, что перед нами человек, родившийся за два десятилетия до начала нынешнего века.

— Я расскажу читателям «Огонька»,— начал профессор,— о борьбе моего народа за мир. Постараюсь сказать о главном. Вот основные направления, по которым развивается движение за мир в Японии: первое — борьба против ремилитаризации страны; второе — протест народных масс против предоставления иностранным войскам нашей территории под военные базы и сооружения; третье — сопротивление восстановлению военной экономики; четвертое — движение за развитие торговли с демократическими странами и прежде всего с Китаем, и, наконец, последнее — по счету, но не по важности — борьба нашей молодежи и студенчества за свободу и независимость своей родины, против колонизации Японии.

На мой взгляд, наиболее мощно развито сейчас в Японии движение против строительства военных баз. Когда я уезжал — это было в мае,— на Японских островах насчитывались 733 военные базы, принадлежащие американцам. Они занимают громадную, по нашим масштабам, территорию, равную приблизительно всему острову Кюсю.

Базы представляют собой серьезную опасность для моего народа в случае возникновения войны. Строительство их тяжело отражается на экономическом положении трудящихся. Крестьяне теряют землю, которая раньше шла под посевы, а выкупные платежи — грошечные — носят лишь формальный характер. Стрельбы на морских полигонах распугивают рыбу — падает улов.

Но это еще не все. Я скажу и о моральной стороне вопроса. Дело в том, что юридически неподсудные местным властям иностранные солдаты ведут себя более чем развязно. Хулиганство, грабежи, насилия, убийства — обычные явления в районах расположения военных баз.

Вот почему в моей стране так бурно развивается народная борьба против строительства иностранных баз. Вот почему рыбаки деревни Уцинада, несмотря на угрозы, под дулами американских пушек отказались уходить с обжитых мест. Вот почему в борьбе за национальную независимость участвуют не только крестьяне и рыбаки — а надо сказать, что это очень терпеливый народ, привыкший к лишениям, и уж если он поднимется на борьбу, так это сила, которую невозможно остановить,— но и интеллигенция.

На Будапештской сессии Всемирного Совета Мира, с которой я недавно вернулся, представители народов говорили о том, что путь к миру — это переговоры, что дух мирных переговоров возобладает над духом насилия. Я полностью согласен с этим, но мне хочется сказать, что стремление к переговорам о заключении мира, конечно, не исключает и борьбы за мир. Это две неотделимые части великого движения против войны, дополняющие друг друга.

Народ моей страны хочет переговоров. И он б о р е т с я и будет б о р о т ь с я за то, чтобы японская военщина и иностранная реакция отказались от политики гонки вооружений и подготовки войны.

Как известно, реакция готовит в Японии принятие закона об обязательной воинской повинности. Это вызывает возмущение японских патриотов, не желающих повторения трагедии Хиросимы и Нагасаки. Особенно активно выступают против этого закона юноши. От них не отстают японские женщины и девушки. Недавно по городам Японии, в том числе в Токио и Киото, прошли женские демонстрации против закона об обязательной воинской повинности.

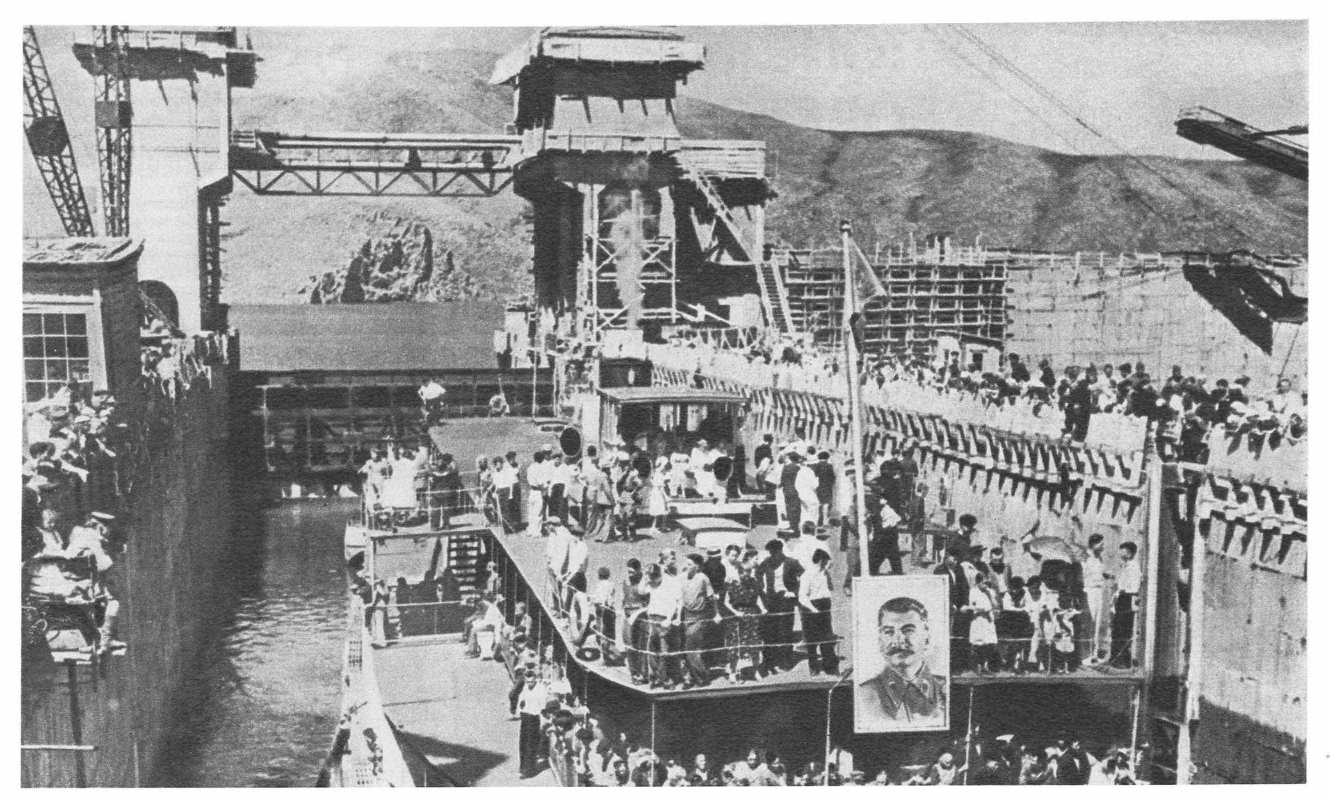
Борьба народа против ремилитаризации Японии, против создания военной экономики неотделима от стремления миллионов японцев к развитию нормальной торговли с Китайской Народной Республикой. Японская экономика с давних пор тесно связана с экономикой Китая. Однако американцы ограничили нашу торговлю с Китаем настолько, что это равносильно запрещению. Япония вынуждена теперь делать закупки основных предметов импорта в США. А это невыгодно. Так, например, если бы мы покупали уголь в Китае, он обходился бы нам в 10—12 долларов за тонну, а американцы продают нам уголь по 20—30 долларов. Такое же положение с железной рудой. К этому еще надо прибавить стоимость фрахта. Таким образом, расходы огромны, и все это за счет японских налогоплательщиков.

Движение за развитие торговли с Китаем имеет много сторонников. Показательно, что даже многие представители либеральной партии, к которой принадлежит премьер Иосида, выступают за расширение японо-китайской торговли (хотя сам Иосида против). Существует даже специальная ассоциация членов парламента, ставящая целью развитие торговых связей с Китаем. Туда входят представители самых разнообразных партий, включая крайне правые.

Ясно, что это движение тесно переплетается с движением за мир, является составной его частью.

Профессор ИкуоОяма сказал в заключение беседы:

— Мне хочется особо отметить крепнущее и растущее с каждым днем стремление широких масс японского народа к дружбе с народами Советского Союза. Как в Пекине, на Конгрессе народов стран Азии и Тихого океана, так и на Всемирном конгрессе народов в Вене и, наконец, недавно в Будапеште много внимания уделялось вопросам борьбы за мир в Японии. Это значит, что народы всех стран горячо поддерживают нас. Это значит также, что простые люди Японии — сильный отряд великой армии мира.

Гигант на Иртыше

В центре рудного Алтая, на бурном Иртыше, построена и введена в строй Усть-Каменогорская гидроэлектростанция и открыт для эксплуатации самый глубокий шлюз.

Усть-Каменогорская ГЭС обеспечивает дешевой энергией растущую промышленность Алтая. С появлением Иртышского «моря», образованного плотиной, улучшатся условия судоходства в верховьях Иртыша до озера Зайсан.

На снимке: в день открытия Усть-Каменогорской ГЭС. Шлюзование парохода, на котором находятся строители и гости.

Фото В. Смирнова.

На новых плантациях

Цветущим оазисом раскинулась меж горных хребтов Ферганская долина. Квадраты хлопковых полей, окаймленные темнозелеными шеренгами тутовых деревьев, перемежаются с гранатовыми садами и виноградниками. На первый взгляд кажется, что не осталось здесь ни клочка необработанной земли. Но это не так. В любом колхозе вам напомнят о барханных песках и солончаках Яз-Яванской степи, о болотистой пойме Сыр-Дарьи. В Центральной Фергане сотни тысяч гектаров неосвоенных земель, раскинувшихся недалеко от колхозных полей.

Трудолюбивые ферганцы уже не первый год клочок за клочком отвоевывают у песков и болот. Но этого недостаточно. Колхозники решили объединить свои усилия. На помощь им пришло государство. Создана специальная организация «Ферганводстрой», в задачу которой входит осушение болот, прокладка новых оросительных каналов, дорог. Сельхозартели Ферганской долины отчисляют на строительство деньги из своих неделимых фондов.

Пойма Сыр-Дарьи издавна считалась раем для охотников. В зарослях камышей гнездятся утки и фазаны, прокладывают тропы дикие кабаны. Сейчас сюда пришли строители, вооруженные машинами. Болотные плуги выкорчевывают камыши, экскаваторы прорывают коллекторы и оросительные каналы, бульдозеры прокладывают новые дороги.

Иной раз к самому проселку подступает непролазная топь, но вдруг обрывается стена камыша, и перед глазами встают клетки рисовых полей — это плантации колхозов вновь образованного Задарьинского района.

Освоение Центральной Ферганы — близкое и понятное для всякого колхозника дело. В выездные бригады, отправляющиеся на стройку, люди идут охотно, зная, что сторицей окупится их труд. Колхоз «Гигант», обосновавшийся здесь в 1946 году, собирает теперь в среднем по 27 центнеров хлопка и около 32 центнеров риса с каждого гектара посевов.

Н. СОЛОВЬЕВА

Ночью в магазине...

Два часа тридцать минут ночи. В магазине в Охотном ряду.
Фото Е. Умнова.

Кремлевские куранты давно пробили полночь. Погасли неоновые рекламы в витринах, яркие огни станций метро. Притих и Охотный ряд, оживленнейшая московская улица. Но в этот необычный час раскрыты двери большого продовольственного магазина. Недавно в числе четырех магазинов он переведен на круглосуточную торговлю.

Наступление полуночи, когда звонок возвещал об окончании работы, теперь проходит здесь незаметно: покупатели все так же толпятся у прилавков, все так же щелкают кассовые аппараты. Однако постепенно становится тише, покупателей все меньше. Чувствуется, что автобусы, троллейбусы уже не ходят. Все же редкий прохожий не заворачивает в двери ночного магазина.

В течение нескольких дней продавцы уже узнали своих запоздалых покупателей. Позже других заглядывают сюда артисты, возвращаясь со спектаклей, концертов, служащие и рабочие после вечерних смен. Нередко у дверей ночного магазина останавливаются машины, и пассажиры, торопящиеся на вокзал, делают закупки в дорогу. Бывает и так, что из такси выскакивает запыхавшийся мужчина и наспех закупает всякой снеди и вина, уверяя продавца, что всего было достаточно, а вот не хватило, и гости ждут...

Чем глубже ночь, тем меньше людей в магазине, но с рассветом он оживает снова: идут люди, спешащие на работу или возвращающиеся домой после ночной смены.

Новые часы торговли введены в Москве в соответствии с указанием Министерства внутренней и внешней торговли СССР во всех магазинах, столовых и кафе. Удлинены часы торговли в продовольственных магазинах. Без выходных дней работают магазины, торгующие одеждой, обувью, тканями, мебелью и другими товарами.

В столичные магазины увеличен завоз продуктов питания и товаров широкого потребления.

Я. ЯКОВЛЕВ

Свидетельство великих побед

В Москве, в Парке культуры и отдыха имени Горького, открывается выставка промышленности и сельского хозяйства Китайской Народной Республики. Заместитель генерального секретаря выставочного комитета товарищ Лу Ти-инь рассказала нашему корреспонденту:

— Китайская Народная Республика впервые устраивает подобную выставку в СССР.

На выставке три павильона, в которых размещено более четырех тысяч различных образцов промышленной и сельскохозяйственной продукции Китая.

Широко представлена легкая и текстильная промышленность: изделия из каучука, кожи, бумаги, фарфора, ткани — шелковые, шерстяные, хлопчатобумажные, льняные. Многое из того, что будет показано в этом павильоне, не производилось раньше в Китае. Так, например, благодаря помощи Советского Союза решена очень важная проблема изготовления целлюлозы. В этом же павильоне будут показаны известные всему миру предметы национального кустарного производства: фарфоровые и гончарные изделия, резьба по слоновой кости, яшме, дереву.

Посетители выставки познакомятся с нашими достижениями в создании и развитии тяжелой и обрабатывающей промышленности, в строительстве ирригационных систем и железных дорог. Для демонстрации наших станков в Москву из Китайской Народной Республики приехало несколько передовых рабочих: Ма Мин-хэ, образцовый рабочий первой категории из города Мукден, покажет скоростное резание, которому его научили советские новаторы; Сунь Юй-жун, работница из города Тяньцзинь, будет работать на ткацком станке.

В одном из павильонов будет показана многообразная сельскохозяйственная продукция страны.

Заключительная часть выставки посвящена великой дружбе, которая связывает советский и китайский народы.

— В заключение,— говорит Лу Ти-инь,— мне хочется пригласить читателей «Огонька» посетить выставку, которая отражает успехи, достигнутые китайским народом под руководством Коммунистической партии, Центрального Народного правительства, великого вождя Мао Цзэ-дуна.

ЗНАТНЫЙ КОМБАЙНЕР—ПЕДАГОГ АКАДЕМИИ

Вся страна знает знатного комбайнера лауреата Сталинской премии Александра Ивановича Оськина. Прославленный водитель «степных кораблей» успешно окончил Московскую сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева. Ныне он преподает на кафедре сельхозмашин Академии.

На снимке: А. И. Оськин с группой школьников, совершивших экскурсию на опытную станцию Тимирязевской академии.

Фото А. Шайхета.

Руки молодые

У токарного станка — учащиеся ремесленного училища и вновь поступающие. Отличник учебы В. Красиков рассказывает юношам о сборке станка. На снимке (слева направо): И. Малеванин, С. Анищенков, В. Красиков, В. Гранкин и В. Акимов.

Фото Ф. Земченко.

Невысокий с белесыми вихрами паренек деловито осмотрел станок и включил его. Раздалось мерное гудение. Поползла и закучерявилась металлическая стружка. И хотя 16-летнему токарю Славе Красикову далеко еще до мастерства Борткевича или Колесова, но он уже самостоятельно обрабатывает сложную деталь — обтачивает шестеренки для коробки скоростей токарного станка.

Всего два года назад поступил в столичное ремесленное училище № 6 Слава Красиков, чтобы приобрести техническую специальность. С таким же намерением приходит сюда сейчас новый отряд трудовых резервов. Ежедневно группами и в одиночку приносят юноши заявления в приемную комиссию. Они окончили пятые, шестые, седьмые классы и желают стать токарями и фрезеровщиками. Уже подано более трехсот заявлений.

В начале этого года ремесленное училище № 6, одно из первых училищ в стране, освоило выпуск токарных станков «16-15-М». От начала до конца, от маленькой детали до сложного узла, ребята изготовили все сами и сами же собрали станки, которые идут на промышленные предприятия. Они гордятся тем, что сделанный их руками токарный станок «16-15-М» был послан строителям Дворца культуры и науки в Польше. Только за полугодие более сорока станков с маркой ремесленного училища № 6 дали стране учащиеся.

Интересную картину можно было увидеть в одном из цехов. Под наблюдением учащихся ремесленного училища, имеющих уже немалые трудовые навыки, здесь проходили временную практику студенты техникума. Юные «учителя» старались вести себя достойно: ведь вскоре им будут присвоены четвертый и пятый разряды.

...Горячая пора сейчас в училище. На стене висит плакат «Тише — экзамены!» Учащиеся в синих гимнастерках с белыми подворотничками проходят в кабинеты. Уже известно, кто получил отличные отметки: это В. Хвалин, Б. Кузнецов, А. Назаров, Ю. Терешкин, Н. Чекалин и другие.

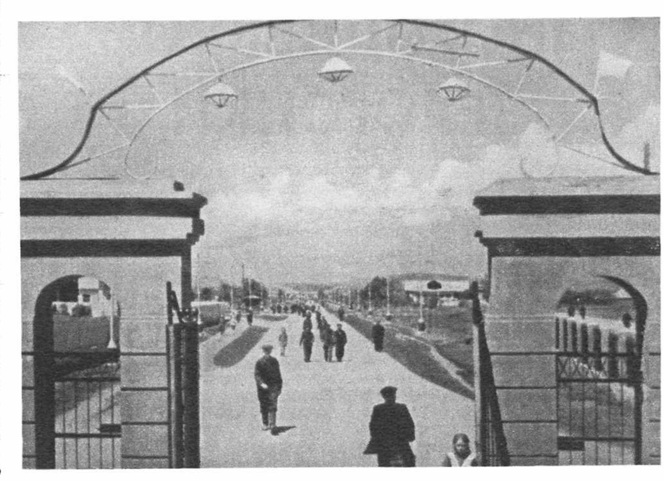
Экзамен окончен. Во дворе раздается знакомая песня о трудовых резервах:

Пройдут года, настанут
дни такие,
Когда советский трудовой
народ
Вот эти руки, руки
молодые,
Руками золотыми
назовет...

Новички присоединяются к дружному хору. Их трудовая жизнь только еще начинается, и не без зависти смотрят они на выпускников, которые вскоре приступят к работе на столичных предприятиях.

П. КОРЖ

Город Арсеньев

В городе Арсеньеве.

Фото А. Кушешвили.

В географическую карту Советской страны внесено еще одно изменение — в Приморье возник новый город. Он получил имя неутомимого исследователя Уссурийского края Владимира Клавдиевича Арсеньева.

С тех пор, как известный ученый и писатель проходил здесь сквозь вековую тайгу, неузнаваемо преобразился Дальний Восток. Город Арсеньев — один из многих социалистических очагов, выросших за последние годы у берегов Тихого океана.

Большие жилые дома украшают улицы и площади бывшего поселка Семеновки. Электричество и радио, центральное отопление и водопровод — все бытовые удобства обеспечены населению молодого города.

Недавно в Арсеньеве открылся Дворец культуры. Фойе, кабинеты, аудитории обставлены удобной мебелью, присланной из Ленинграда. Зрительный зал рассчитан на пятьсот мест.

Л. ДАНИЛОВ

Для Московского университета

На выставке учебно-наглядных пособий.

Фото Е. Умнова.

Лаборатории наших университетов и институтов оснащены новейшими приборами и машинами, библиотеки пополняются литературой, искусствоведческие кабинеты богаты репродукциями и диапозитивами. Но графических пособий для высшей школы до сих пор было очень мало, изготовляли их кустарным способом. Между тем эти пособия необходимы и ботаникам, и почвоведам, и техникам: без макетов и плакатов трудно обойтись любой институтской кафедре.

Три года тому назад мастерские Художественного фонда СССР принялись за изготовление учебных пособий для Московского университета.

Четыреста художников, выполнивших пятнадцать тысяч пособий, работали в тесном контакте с учеными-консультантами. О. П. Козлова, С. А. Семенов, В. А. Ватагин, В. М. Морозова и другие художники изучали книги по интересовавшим их вопросам, слушали лекции профессоров, зачастую работали с микроскопом.

Недавно в Выставочном зале Оргкомитета Союза советских художников была организована выставка учебно-наглядных пособий для МГУ.

Вот у стены в стеклянном футляре макет разреза дерново-подзолистой почвы. В миниатюрном виде воспроизведены сосна, ель, береза; «корни» этих деревьев уходят в почву. А сзади, как бы в прозрачной дымке, лес и светлоголубое небо с тающими в воздухе облаками...

В этом же зале — плакаты, изображающие строение земной атмосферы, показывающие сравнительные размеры Солнца и планет.

Зоологи рассматривают животных, обитающих в Африке и Заполярье, ботаники знакомятся с происхождением яблони типа «китайки», химики изучают схемы производства меди и азотной кислоты, географы останавливаются у макетов Крыма, Каменной степи. Все эти плакаты и макеты — их тут около двухсот — радуют сочетанием художественного мастерства с научной точностью изображения.

На плакатах художницы В. М. Морозовой, изображающих фазы развития растений в Стрелецкой степи, мох так мелок, что его нужно рассматривать с лупой. С увеличительным стеклом приходится изучать и многие другие растения, нарисованные художниками.

Посетители, высоко оценивая работу художников, высказывают пожелания, чтобы такие же плакаты и макеты были изготовлены и для других вузов.

Н. ВЛАСОВА

Талантливый мастер живописи

В. Н. Яковлев.

Иногда бывает трудно верить фактам. Так было и 29 июня, когда я услышал о смерти народного художника РСФСР Василия Николаевича Яковлева.

Василий Николаевич — это воплощение жизненной энергии, человек, неутомимо трудившийся, любивший жизнь во всех ее проявлениях, заражавший молодежь своим жизнелюбием и кипучей деятельностью.

Я невольно перенесся мыслью к прошлому, к тому времени, когда двадцать лет назад в Ленинградской академии художеств впервые появился молодой профессор живописи В. Н. Яковлев. Он поражал огромной эрудицией и знанием, смелостью и мастерством, которое охотно демонстрировал учащимся, исправляя их этюды и сам работая вместе с ними.

Кроме смелого, новаторского духа, кроме мастерства и глубоких профессиональных знаний, Василий Николаевич обладал еще одним ценнейшим качеством: он умел заронить в сердца молодежи зерна настоящей, большой любви к подлинному искусству, веру в его высокое назначение и упорство в преодолении трудностей.

Всем своим творчеством художник заявлял о необходимости учиться у классиков, овладевать мастерством рисунка и живописи — и это в те годы, когда борьба с формализмом только еще начиналась.

Педагогическая работа Василия Николаевича, продолжавшаяся почти до самой смерти, сочеталась с интенсивной творческой и общественной деятельностью, которая получила высокую оценку. Ему были присвоены звание народного художника РСФСР, степень доктора искусствоведческих наук, присуждена Сталинская премия. Он награжден орденами и медалями Советского Союза.

Разнообразной и яркой была деятельность Яковлева. Его портретные работы, жанровые композиции, пейзажи и натюрморты, его литературные труды, научные исследования являются ценным вкладом в сокровищницу советского искусства.

В нашей памяти Василий Николаевич Яковлев навсегда останется как обаятельный человек с неукротимой жаждой деятельности, с горячим отношением ко всему живому, с огромной любовью к нашей Родине и ее искусству.

Б. ЩЕРБАКОВ

НА ЭТАПАХ МНОГОДНЕВНОЙ ВЕЛОГОНКИ

Марк ДОНСКОЙ

Фото Г. Липскерова (ТАСС).

5 июля в 3 часа дня москвичи встречали участников многодневной велогонки. Закончено двухнедельное напряженное состязание, бесспорно, повысившее спортивный класс наших велосипедистов.

Последний этап, Гжатск — Москва, был одним из самых ярких в развернувшейся борьбе. Победитель последнего этапа В. Вершинин прошел дистанцию со средней скоростью 40 километров в час и, несмотря на это, только перед самой Москвой сумел оторваться от большой группы соперников.

Какой же волей надо обладать, чтобы так завершить путь протяжением 2 573 километра! Какие трудности остались позади!

...Дорога то взбирается вверх, то круто обрывается вниз, то перескакивает через деревянные мостики. Длинные обходы в местах, где идет ремонт... Острая галька, щебень и песок — вот каким предстал перед нами путь на этапе Гомель — Орша.

Р. Чижиков, словно фокусник, обходил каждую еле

Велосипедисты ЦДСА в день отдыха на берегу Днепра.

заметную выбоину, будто для него была заранее начерчена дорога. Он вдруг переходит то вправо, то влево, то на травяной покров, снова возвращается на дорогу, не сбавляя скорости.

Там, где надо обходить шоссе и переходить на узкий объезд, гонщики растягивались гибкой разноцветной лентой, вырываясь снова на шоссе на полной скорости, образуя компактную многоцветную группу. За 80 километров до финиша оторвались Виктор Крючков и Погос Давидян. Накрапывает дождь. Ведет Крючков. Давидян изредка выходит вперед, но тут же сбавляет скорость. Крючков решает лидировать. Противник не отстает: за спиной Крючкова легче. Идет Давидян красиво, ни одного лишнего движения, только работают ноги. Крючков — весь порыв, он то «танцует», то мощно педалирует, стараясь оторваться. Мы следим за ними. Вот они въехали на крутой длинный подъем. И вдруг Давидян остановился... Но это только кажется; он идет с прежней скоростью, однако рывок Крючкова такой мощный, что Давидян словно застыл на месте. Крючков пришел в Оршу первым, за ним с отрывом в 2 минуты — Давидян. Третьим — перворазрядник Е. Архипов.

Команда ЦДСА I снова выиграла этап. Поработали не только гонщики. Немало труда вложили в победу и техники команды. Всю ночь перед этапом они просидели, наклеивая вторые протекторы на трубки. И это сказалось на результате. Наименьшее количество проколов на трассе было у команды ЦДСА.

Этап Орша — Минск принес неожиданность. С волнением ждали минчане своих гостей. Зрители обсуждали кандидатуру возможного победителя. Сомнений в том, что первыми придут Клевцов, Чижиков или Вершинин, не было. Вот вдали показался гонщик... Кто это? Волнение зрителей увеличилось. Каждый пытается узнать одного из трех вероятных кандидатов. Гонщик уже совсем близко. Но это ни тот, ни другой, ни третий. Это малоизвестный велосипедист Евгений Советов («Шахтер»).

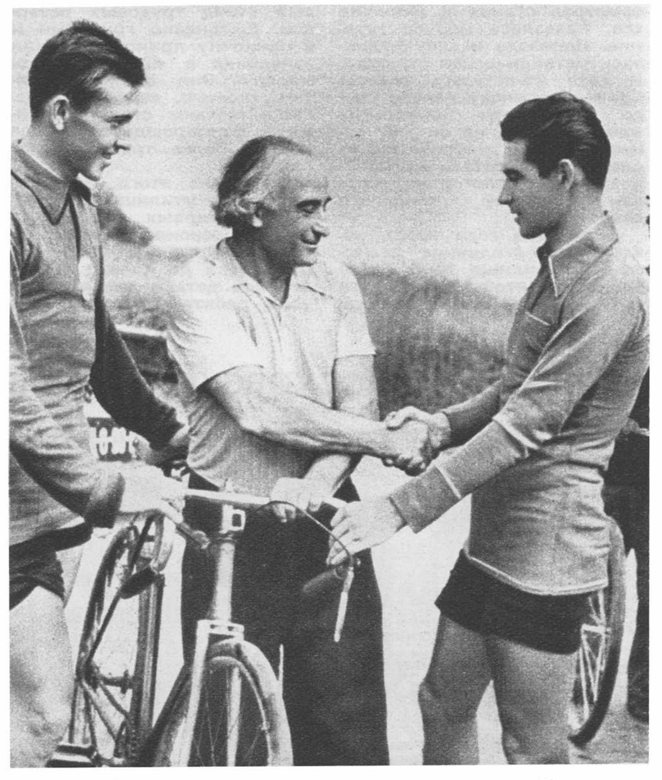
Как же это случилось? Длина этапа — 209 километров. Гонщики пошли кучно, но потом разбились на группы. Главные конкуренты — ЦДСА I и «Динамо» — стерегут друг друга. Стоит кому-либо из спортсменов сделать попытку уйти, как все бросаются вслед за ним. Но когда отрывается молодой, малоизвестный гонщик, никто не беспокоится: «Пусть отрывается, безумец, все равно достанем!»

Евгений Советов дерзнул оторваться, и за ним никто не последовал. Советов потом рассказывал нам: «Я сделал рывок, думаю, сейчас за мной пойдут; смотрю, не идут, значит, не верят в мои силы... Я воспользовался этим и ушел от головной группы».

Пятьдесят километров Советов шел один и добился победы. Модельщик завода имени Ворошилова из города Дружковки Е. Советов финишировал в Минске первым, пройдя этап со средней скоростью 36,7 километра в час. Минчане тепло приветствовали победителя и подарили ему великолепный радиоприемник.

Успех Советова вдохновил и других молодых гонщиков. Разве можно было ожидать, что девятнадцатилетний велосипедист Иосиф Болдижар из закарпатского колхоза имени Димитрова на нескольких этапах будет в головной группе? Разве думали лидеры гонки, что на этапе Орша — Смоленск первой придет команда «Торпедо», в составе которой преимущественно молодежь: слесарь Горьковского автозавода имени Молотова А. Ючков, слесарь-сборщик Харьковского велозавода М. Волобуев, техник А. Титов.

Огромную волю проявили в пути участники гонки. Спартаковец В. Марчук несколько раз попадал в тяжелые завалы, но, отряхнувшись, придя в себя, снова садился на машину и, стиснув зубы, продолжал гонку. Н. Матвеев, несмотря на по-

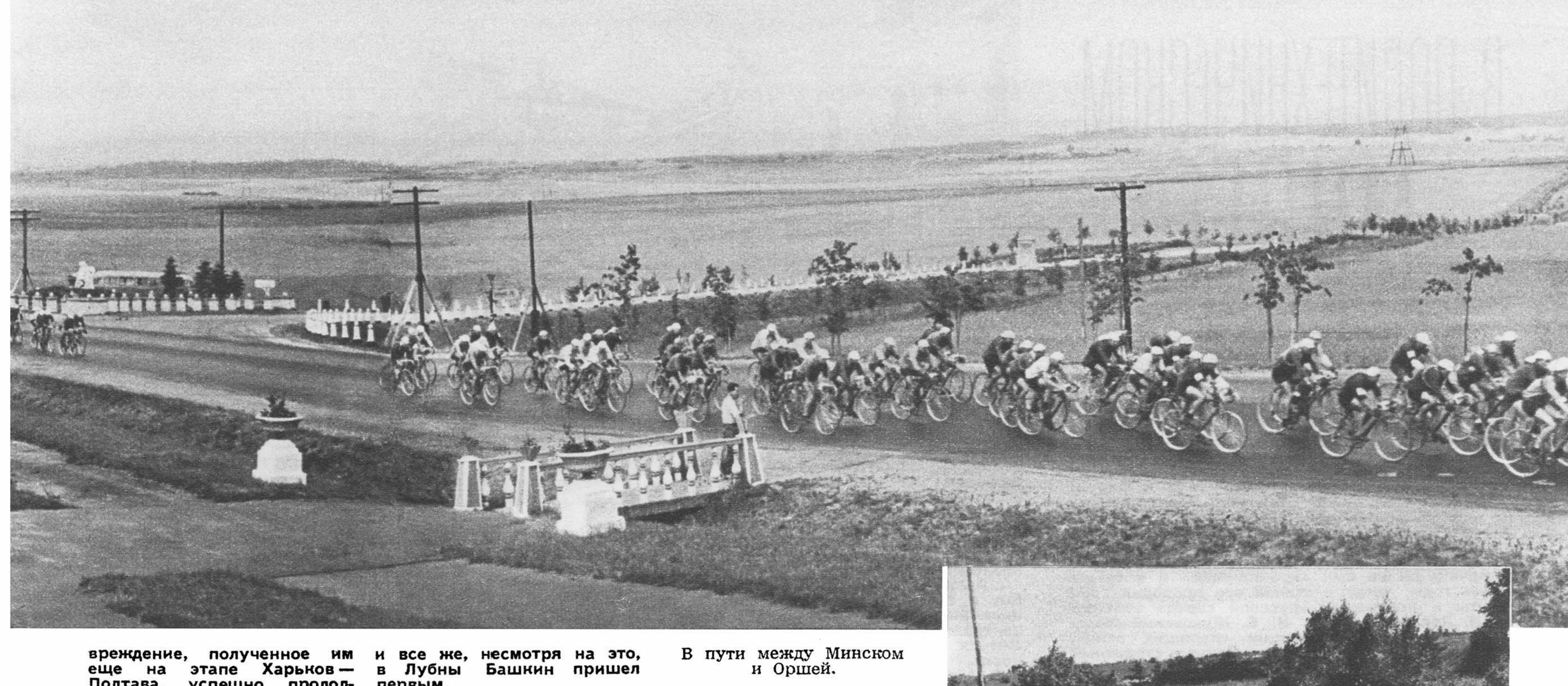

В Орше к участникам гонки подъехал на велосипеде пожилой человек. Судьи узнали в нем участника многих республиканских велотуров хирурга Игоря Павловича Такелла. На снимке: И. П. Такелла беседует с Е. Немытовым (слева) и Р. Чижиковым.

На питательном пункте.

В пути между Минском и Оршей.

вреждение, полученное им еще на этапе Харьков — Полтава, успешно продолжал соревнование, и его всегда можно было видеть в ведущей группе.

Первая команда ЦДСА попрежнему лидирует. Попрежнему взаимная помощь является законом для всех. Молодой гонщик В. Башкин выполнял для коллектива незаметную, но очень важную и почетную задачу. Как только у кого-либо из команды авария,— Башкин отдает потерпевшему или трубку, или колесо, или целиком свой велосипед, а сам остается чинить машину или же поджидать техническую помощь. Помогать товарищам приходилось часто, и все же, несмотря на это, в Лубны Башкин пришел первым.

Двенадцатый этап, Минск—Орша, был «роковым» для лидера гонки Евгения Клевцова. Его товарищ по команде Родислав Чижиков не только отыграл три минуты, отделявшие его от Клевцова, но и вырвался вперед почти на семь минут.

Из Орши в Смоленск сильнейшие велосипедисты пошли осторожно. Однако молодежь это не устраивало, и Болдижар смело выходит вперед. Но теперь лидеры уже знают, на что способны молодые. За Болдижаром сразу же устремляются Е. Немытов и В. Плотицын. Первым на финише — Немытов, четвертым — колхозный гонщик Болдижар.

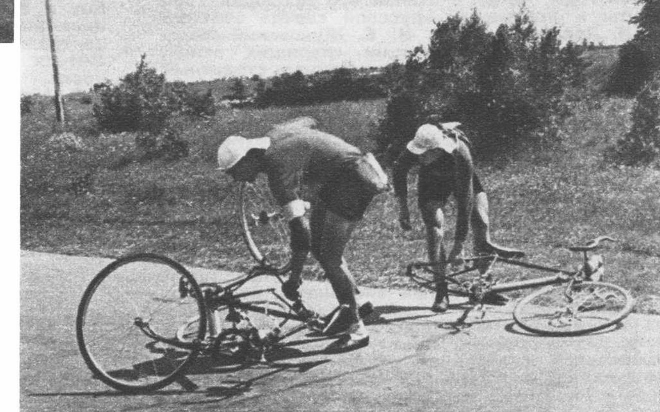
Колоритна фигура одного из сильнейших велосипедистов ЦДСА — Евгения Немытова. Он десятый сын большой уральской семьи, в которой все занимаются различными видами спорта...

И вот наконец последний этап: Гжатск — Москва. Победитель этого этапа—В. Вершинин, но победитель всей гонки — Р. Чижиков. Он и завоевал приз журнала «Огонек». Этот молодой спортсмен стал заниматься велоспортом всего лишь несколько лет назад. Теперь он один из лучших наших гонщиков.

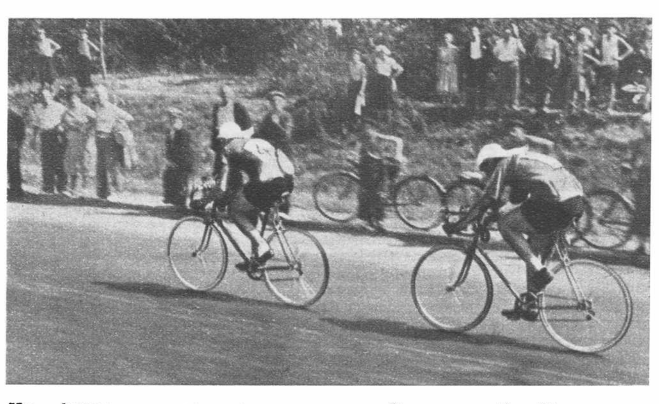
Многодневная гонка 1953 года,— несомненно, выдающееся спортивное событие. Советские спортсмены показали высокое мастерство, мужество, упорство в достижении цели.

Машины Харьковского велозавода оказались хорошего качества. Если устранить некоторые недочеты, то они будут отличными. Гонщики могли бы развить еще более высокую скорость, если бы не резина. Над всеми этими вопросами следует подумать производственникам и конструкторам.

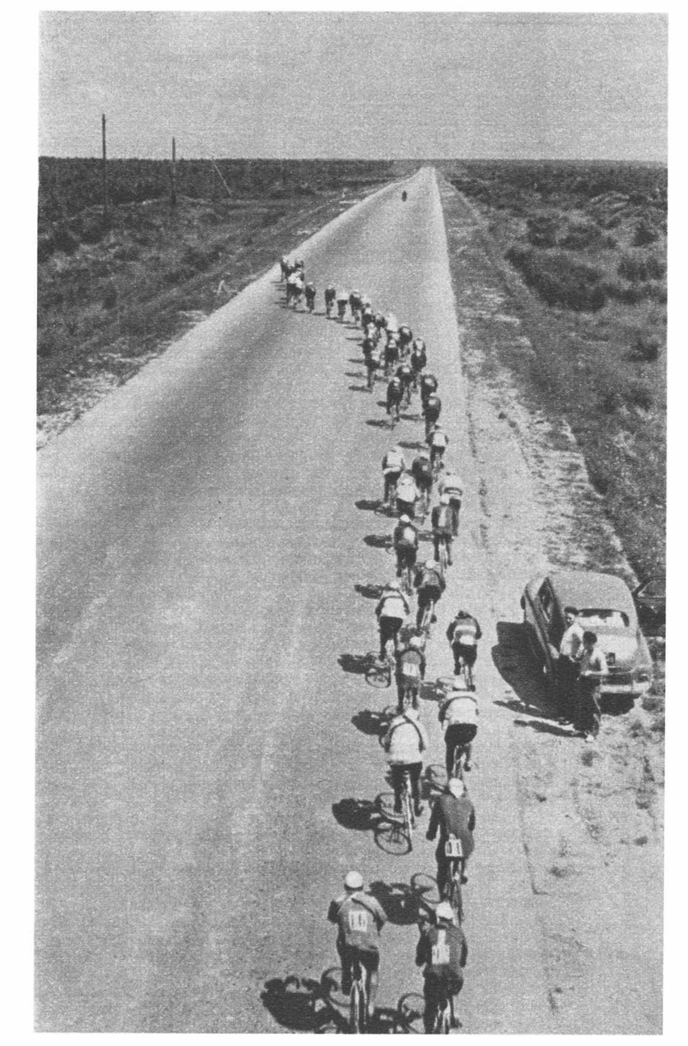
Мы видели, с какой любовью встречал народ своих спортсменов, и мы верим, что в будущем году они покажут еще более высокий класс.

В. Башкин отдает свое колесо В. Вершинину.

На финише последнего этапа. Впереди — В. Вершинин, второй — А. Колесов.

На этапе Смоленск — Гжатск.

6 июля участники многодневной велогонки вышли на круг московского стадиона «Динамо». В торжественной обстановке победительнице гонки первой команде ЦДСА был вручен переходящий кубок. Победителю гонок Р. Чижикову была вручена алая майка чемпиона страны. Р. Чижиков получил также приз журнала «Огонек» и приз харьковского велосипедного завода — гоночный велосипед. На снимке: Р. Чижиков (слева) и тренер команды ЦДСА Ф. Тарачков.

В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

И. ИВЛЕВА

Фото А. Гостева.

Здание Политехнического музея.

Московский Политехнический музей. Он хорошо знаком советским ученым и рабочим, педагогам и школьникам. Сюда приходит инженер, чтобы ознакомиться с последними достижениями техники. Врач осматривает тут новейшую аппаратуру. Здесь бывают и юноши с извечным вопросом «Кем быть?» и стахановцы-новаторы. Наконец, среди посетителей музея много просто любознательных людей, которым до всего есть дело.

Это не музей в обычном понимании слова. Впрочем, он не был «хранилищем» и в те далекие годы, когда в стенах его проводил свои опыты и испытания «русской свечи» великий П. Н. Яблочков, когда Н. Е. Жуковский создавал знаменитые коллекции «парящих птиц», когда с трибуны аудитории звучал страстный голос поборника народного просвещения К. А. Тимирязева. В дни революционных событий двери дома в Китайском проезде широко открывались для политических митингов и нелегальных собраний. Здесь работал Московский Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Дважды в 1918 году народ слушал в этом доме Ленина.

...Утро. Пустынны все 55 демонстрационных комнат и кабинетов. Блестят стекла под косыми лучами яркого утреннего солнца. Первыми появляются в музее хранительницы залов. Они приводят в порядок экспонаты, следят за их сохранностью. В отделе средств связи Елена Александровна Маланичева бережно протирает редчайший экспонат — коммутатор первой московской телефонной станции. Художественное панно на стене изображает работу телеграфистов того периода. Старые работники хорошо помнят и время, когда этот коммутатор работал, и день, когда уже постаревший коммутатор привезли в музей.

Звонок. Новейший автоматический телефонный коммутатор, выставленный в соседнем зале, «попутно» обслуживает работников музея. Пока такими установками оснащены лишь несколько московских учреждений. Маланичева снимает трубку.

— Прибыл новый экспонат? Хорошо!

Ежедневно в музей поступают две — три новинки — от маленьких, хрупких приборов до многотонных станков. Теперь здесь свыше пятнадцати тысяч экспонатов. Часто для монтажа экспонатов приезжают специалисты или даже целые бригады. С каждым годом все сложнее становятся приборы и станки, выпускаемые нашей промышленностью. Чтобы установить, например, электронные контрольно-сортировочные автоматы, пришлось немало поработать сотрудникам одной из научно-исследовательских лабораторий. В отделе металлургии стоит большая действующая модель доменной печи, привезенная из Днепропетровска; бригада в несколько десятков человек в течение месяца монтировала эту модель.

Сегодня в хозяйстве хранительницы зала прибавился новый подопечный — агрегат громкоговорителей для высококачественного воспроизведения звуков. Его подключают к радиостудийному магнитофону. Чистые, сильные звуки разносятся по залу.

...Постепенно залы начинают заполняться. Вот в музей прибыла экскурсия из города Калинина — это работники новой теплоэлектроцентрали. Их привело сюда желание познакомиться с достижениями электропромышленности.

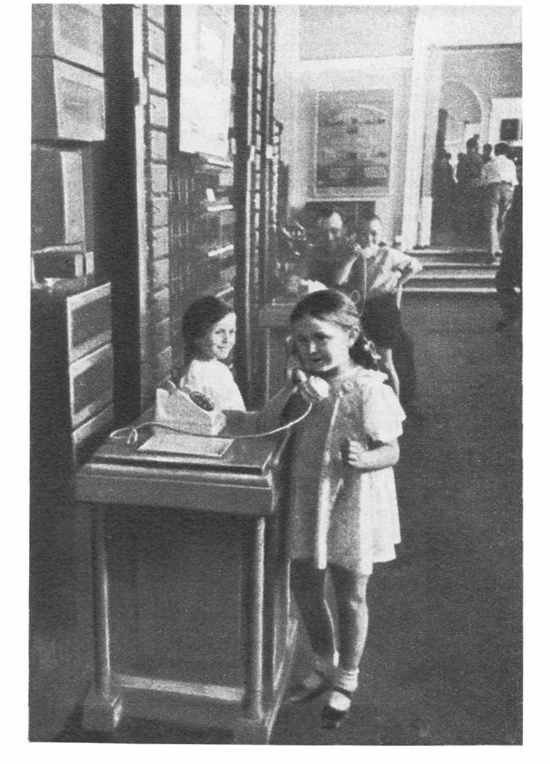
В 1948 году музей и организованные им выставки, лекции, беседы посетило 390 тысяч человек, в прошлом году — 1 миллион 420 тысяч. Подсчитано, что за восемьдесят лет существования музея здесь перебывал 21 миллион человек. Нередки гости из-за рубежа. За один только прошлый год музей принял 304 иностранные делегации из 47 стран.

В зале стоит токарно-винторезный станок «16—20». Рядом висит объявление: «Здесь проводит лекции-консультации токарь-скоростник, лауреат Сталинской премии С. М. Бушуев».

Впервые Сергей Бушуев пришел сюда двадцать лет тому назад учеником шестого класса,— его привел старый слесарь. Позже — это было уже после войны — Сергей приходил в музей сам знакомиться со станками. Он стал новатором-скоростником, правительство удостоило его Сталинской премии. В этом году музей пригласил знатного токаря проводить консультации по скоростному резанию металла. Здесь у Бушуева случаются интересные встречи. Недавно во время консультации зашел рабочий одного из пекинских заводов. Вспомнили, как во время поездки в Пекин советский рабочий обработал за пять минут деталь, которую ранее на китайском заводе обрабатывали за восемь часов.

Лекции-консультации — одна из самых популярных форм технической пропаганды в музее. Задача — коротко рассказать и главным образом показать сущность какого-то нового дела. В музее выступает лауреат Сталинской премии Ф. Ковалев, у электронного микроскопа проводит беседы кандидат физических наук Ю. М. Кушнир. В зале, где экспонируется установка по электроискровой обработке металлов, изобретенная лауреатами Сталинской премии супругами Лазаренко, консультируют сами авторы изобретения. Такие лекции-консультации проводятся по 200 различным темам.

Машины с демонстрационной аппаратурой и приборами часто выезжают из ворот музея. Выставка пластмассы организована в Сокольниках, универсального клея — в районном парке Красной Пресни, искусственного волокна — в Парке имени Горького, вычислительных машин — в Саду имени Баумана. Здесь оборудуются по этим специальным темам демонстрационные пункты и в определенные часы работают консультанты музея. В минувшем году такие пункты посетило 400 тысяч человек.

Срочный разговор...

...Все оживленнее становится в залах и кабинетах музея. Особое внимание привлекают действующие экспонаты. В отделе химии на глазах посетителей штампуются миниатюрные галоши с маркой «ПМ»—Политехнический музей. В зале электровакуумной промышленности по воскресеньям девушки, облачившись в белые халаты, демонстрируют производство ламп для карманных фонариков. В телевизионном зале сразу по трем приемникам идет прием передач из центрального телевизионного центра. Сейчас это один из самых популярных отделов музея. Сюда заходят владельцы телевизоров: кто с предложениями, кто просто любопытствует, не появились ли новинки. А чаще всего с вопросом: как бороться с помехами? Кстати, этому сегодня посвящено одно из сообщений в традиционных «воскресных чтениях» музея.

Замечательный обычай времен Тимирязева — «воскресные чтения» — возродился в музее несколько лет назад. Это три сорокаминутных лекции-демонстрации, посвященные новостям науки и техники. Они разнообразны по тематике, легко доступны и живо воспринимаются. Есть завсегдатаи этих чтений, которые являются сюда каждое воскресенье и с одинаковым интересом слушают рассказы об энергии ветра и новых тканях, о радиорелейной связи и раскопках древнего Новгорода. Советскому человеку хочется много знать!

Когда мы вошли в лекционный зал, инженера И. Ф. Николаевского, рассказывавшего о методах и средствах борьбы с помехами в телевидении, сменил на кафедре кандидат искусствоведческих наук И. Д. Симонов. Он демонстрирует новый электромузыкальный инструмент — электронный гармониум, внешне похожий на пианино. В зале звучит воспроизводимая посредством электричества «Элегия» Массне.

...Большой, содержательный день в этом чудесном мире техники подходит к концу.

В Сокольническом парке культуры и отдыха. Экспонаты выставки рассказывают о механизации угольной промышленности СССР.

ИЗГОТОВЛЕНО В РУМЫНИИ

С. БОДИНЭ, М. ИОНЕСКУ, К. БОСБИЧ,
корреспонденты журнала «Флакара»

«Изготовлено в Румынской Народной Республике» — как гордо звучат для нас эти слова!

Не так давно Румыния производила лишь около одного процента машин, необходимых для разработки ее природных богатств. Меньше десяти лет назад в обмен на поезда, груженные зерном, нефтью, лесом, сахаром, иностранные капиталисты щедро снабжали нашу страну... зеркальцами, стеклянными ювелирными изделиями, деревянными игрушками, цветными перьями для дамских шляп. А ныне предприятия народной Румынии выпускают буровые станки и нефтяные вышки, уникальные токарные станки, экскаваторы, бульдозеры, скреперы, шарикоподшипники, электрические трансформаторы, мощные тракторы. Более девяти десятых машин для нашего сельского хозяйства, для пищевой и легкой промышленности — это отечественные румынские машины. Теперь румынский народ больше не платит за все это капиталистическим державам.

Во всех чудесных успехах социалистической индустриализации народной Румынии ощущается огромная братская помощь советских людей. Нет такой новой румынской машины, рождению которой не помогли бы советские специалисты, опыт советских ученых.

Гордые своими достижениями, румынские рабочие, техники и инженеры, отвечая на призыв Румынской рабочей партии и народного правительства, будут давать родине еще больше машин, аппаратов, моторов. И в этом еще одно свидетельство расцвета новой жизни нашего народа, укрепления его нерушимой дружбы с народами Советского Союза.

Для отечественной нефти

Паровоз протяжно гудит и сдвигает с места груженые вагоны. Мы прыгаем на подножку одной из открытых платформ.

— Через десять минут будем на новом машиностроительном заводе,— объясняет наш спутник.

Перед нами разветвляются десятки линий — это похоже на большой железнодорожный узел. Наш поезд идет по территории завода-гиганта. Вот показались створки металлических ворот, и мы въехали в огромное крытое помещение.

Паровоз коротко свистнул, и состав остановился в цехе таких размеров, что едва охватываешь взглядом. Это и есть цех нефтеоборудования. С потолка, через матовые стекла, море света заливает людей и станки. Из одного конца в другой, неся тяжелые детали, плавно движутся три мостовых крана.

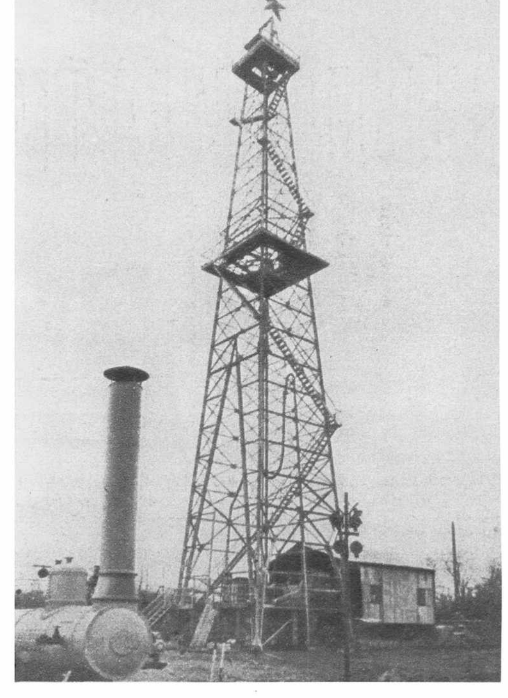
Мы идем по улице станков, мимо штабелей готовых деталей, мимо комплектов нефтяных агрегатов. Улицы, переулки, площади, образуемые машинами,— кажется, что ты находишься в стальном городе!

Наконец находим того, кого искали,— бригадира слесарей Иосифа Олекса.

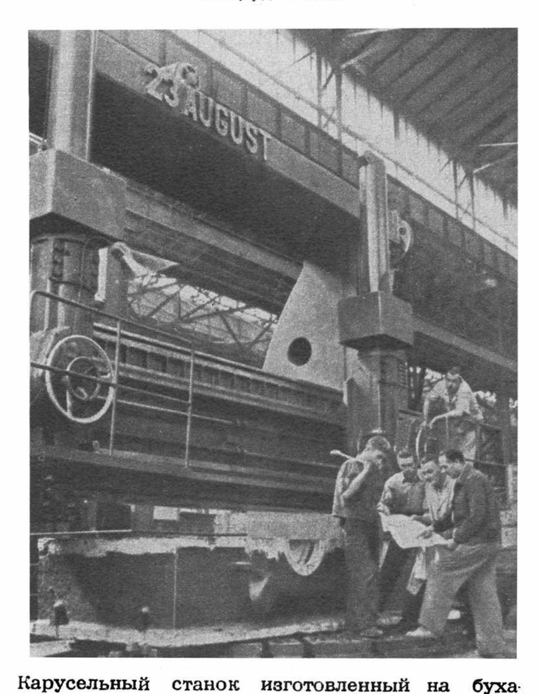
Олекса — лауреат Государственной премии, один из передовых людей республики. Сопровождая нас, он рассказывает историю каждого агрегата.

— Нелегко было создавать все это,— говорит он, широким жестом обводя цех.— Но зато какую гордость почувствовали мы, когда услышали слова, сказанные на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза, о том, что Румыния — единственный пример в мире, когда малое государство, располагающее нефтяными богатствами, имеет также собственное нефтяное машиностроение!

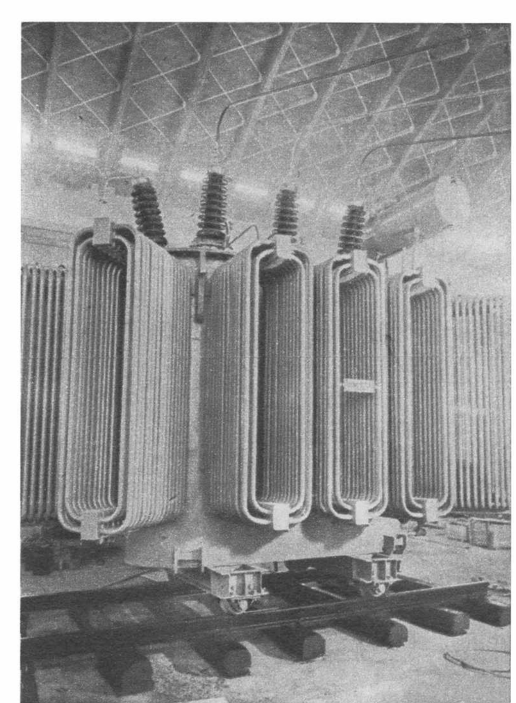
Одну за другой показывает нам Олекса создаваемые в цехе машины, и в голосе его звучит гордость человека, много потрудившегося и добившегося поставленной цели. Мы рассматриваем эти машины — плод настойчивого стремления нашего народа создать индустриальный костяк своей народной экономики.

В Румынии производится современное нефтяное оборудование.

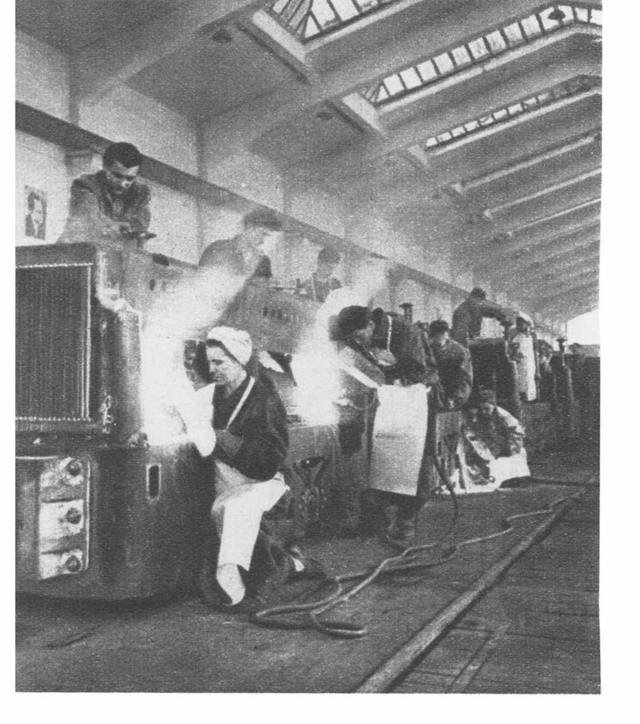
Карусельный станок изготовленный на бухарестском заводе имени 23 Августа.

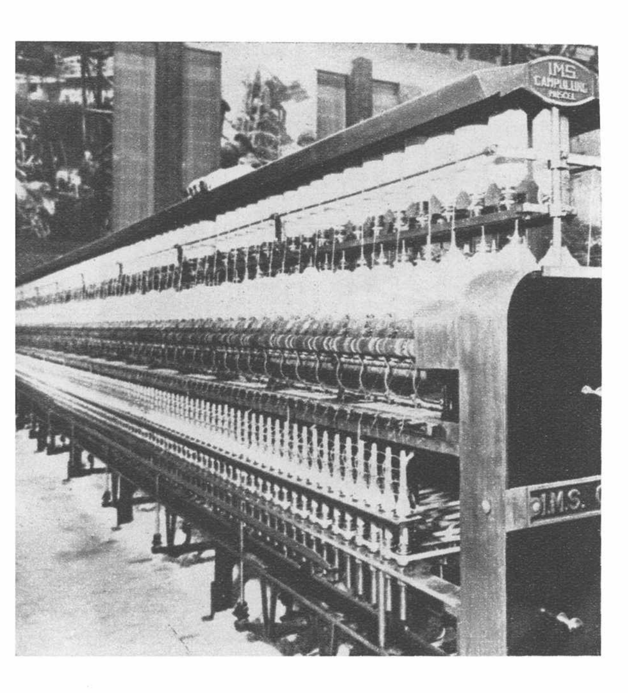
Трехфазный трансформатор, сделанный в Румынии.

← Эти тракторы выпущены заводом имени 23 Августа.

Впервые в РНР началось производство локомотивов для шахт.

Прядильный станок, изготовленный предприятием города Кымпулунг-Мусчел.

Гордость румынских машиностроителей — отечественный экскаватор.

Насосные установки с выкрашенными в голубой цвет тяжелыми деталями. Насосы для глинистого раствора. Насосы типа «Гартнер»... Отсюда, из Решицы, направляются на промыслы долины Праховы все основные агрегаты, нужные румынской нефтяной промышленности.

Город моторов

Жители Бухареста хорошо помнят мастерские по ремонту самолетов, находившиеся на окраине румынской столицы: несколько низких закопченных зданий, окруженных деревянными сараями, между которыми свирепо задувал резкий северный ветер. Теперь на этом месте высятся цехи завода «Динамо».

— Наш завод,— с гордостью говорит известный новатор, рабочий Василе Давид,— доказал, что ему под силу выпускать все типы электромоторов, которые нужны для электрификации страны.

— Мы едва ли добились бы скоро таких успехов, работая самостоятельно,— рассказывает инженер Думитру Лазаройу.— Здесь, на заводе, работает человек десять из тех, которые вместе со мной были гостями и учениками лучших специалистов московского завода «Динамо». Год, что мы провели там, был плодотворным годом для нашего завода. Советские товарищи организовали для нас специальные курсы, знакомили с технической документацией. Старший конструктор, старший технолог, цеховые мастера — все они по-братски делились с нами своим опытом. Многие из нашей группы отправлялись в Советский Союз простыми рабочими, а вернулись в страну техниками...

— Вы все говорите об инженерных делах,— вступил в разговор Василе Давид.— А я хочу добавить, что у нас в токарном цехе горят лампочки графика советского новатора Хрисановой, а на смену мы заступаем, не останавливая машин, как делает Жандарова. Экономии же материалов мы стараемся добиваться по методу Корабельниковой...

О многом говорил Василе Давид, но так как он по специальности токарь, то больше всего рассказывал о методе силового резания Колесова. Василе и его друзья с успехом применяют этот метод.

Для строек социализма

В 1925 году французские капиталисты построили на окраине Браилы унылое серое здание с широкими дверями. Тут ремонтировали паровозы. Называлось все это паровозоремонтным заводом «Франко-Румына». За годы народной власти здесь выросло одно из крупных машиностроительных предприятий — завод «Прогрессул», снабжающий промышленные стройки мощными машинами, каких никогда не производили в Румынии.

Год тому назад в ясную весеннюю ночь, когда запели первые петухи, огромное помещение цеха загудело от нескончаемых криков «ура»: пятьсот рабочих и инженеров взволнованно приветствовали появление первого румынского экскаватора. Вскоре завод дал стране впервые изготовленные в Румынии скреперы, грейдеры и бульдозеры.

С тех пор многое изменилось на заводе. Выросли его люди, неуклонно растет и число машин, которые они выпускают и на которых уже привычно выглядит марка «РНР».

Мы в сборочном цехе. В углу идет сборка верхнего каркаса дробилки «Титан-1». Вот выстроились в ряд гидромониторы. Рядом с грейдерами и скреперами вырисовываются контуры экскаваторов.

Завод этот уже широко известен многим строителям новой Румынии. Его знают строители каналов, его знают строители гидростанции имени В. И. Ленина на Биказе и коксохимического завода «Хунедоара» — все те, кто трудится на стройках нашего пятилетнего плана.

На бухарестском заводе «Динамо». Молодежная бригада токарей, применяя советские методы силового резания, борется за выполнение пятилетнего плана в четыре года.

На наших вкладках

«Надя Репина» — один из самых прелестных детских портретов репинской кисти. Он относится к тому блистательному периоду деятельности Репина-портретиста, когда им были созданы портреты Мусоргского, Стрепетовой в роли Лизаветы из «Горькой судьбины» Писемского и многие другие произведения этого жанра.

История создания портрета Нади описана И. Э. Грабарем. Однажды Илья Ефимович увидел свою дочь заснувшей в кресле. Ему так понравилась непринужденная поза девочки, что он тут же взялся за кисть. Потом маленькой дочке художника приходилось не раз надевать розовое платье и позировать отцу.

Репин изумительно передал выражение глаз, обаятельный облик только что проснувшегося ребенка. «Портрет этот — один из шедевров репинского мастерства, сильно отличающийся от других уже по своей технике — тонкой, гладкой, как бы эмалевой кладке»,— писал Грабарь.

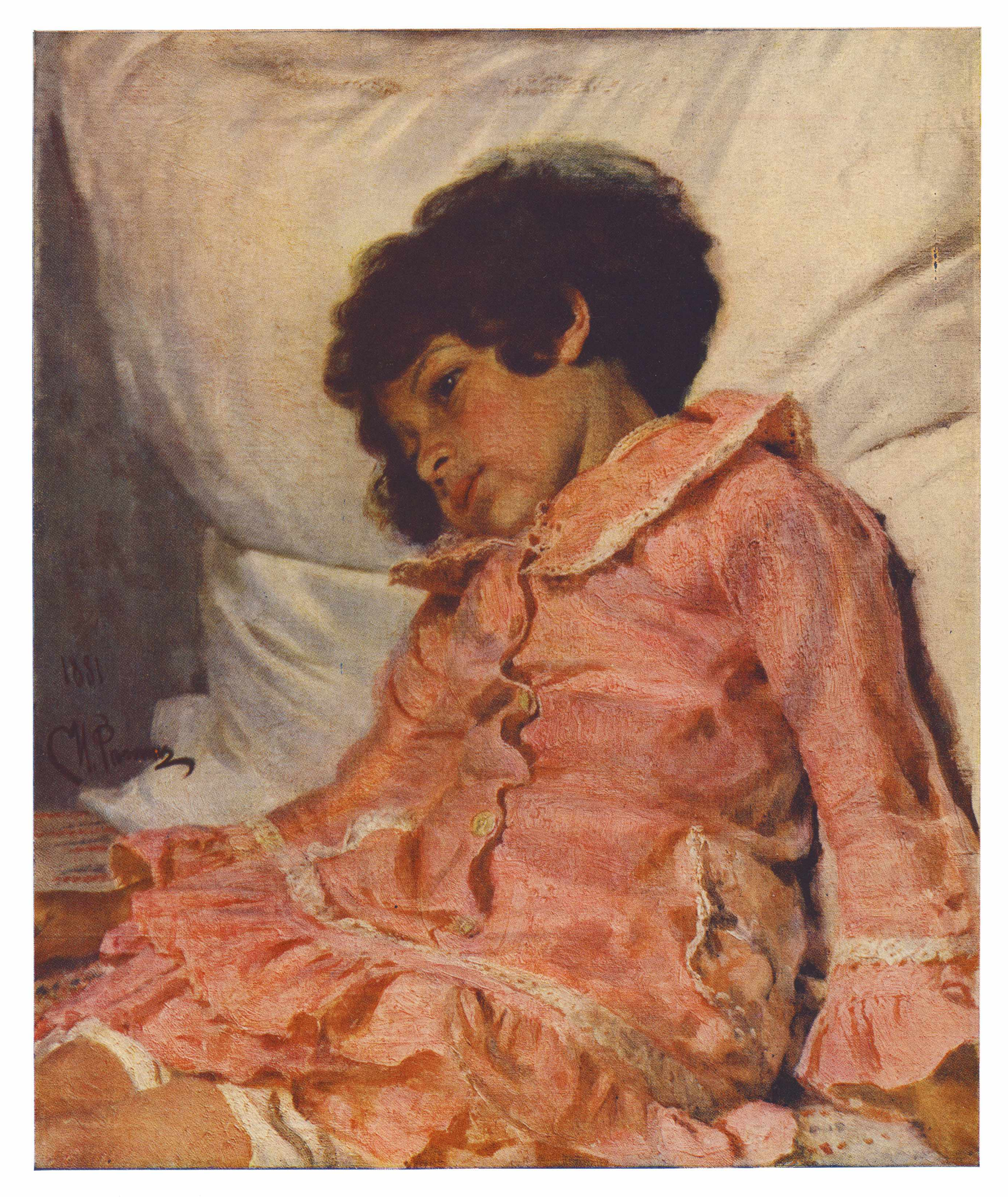
Шишкинская работа «Лесная чаща» имеет дарственную надпись автора Алексею Петровичу Боголюбову, замечательному русскому художнику, основоположнику Саратовского музея. Шишкин и Боголюбов, принадлежа к числу основателей товарищества передвижных художественных выставок, были между собой в самых дружеских отношениях.

Жанровая вещь Н. А. Касаткина «Добрый дедушка» относится к тем работам художника, в которых как бы ведется бесхитростный рассказ о простых людях. Живая сценка, словно выхваченная из жизни, написана любовно. Центральные действующие лица выполнены с натуры, и в основу городского пейзажного фона тоже лег натурный этюд. Эта картина впервые была показана, и с успехом, в 1900 году, на 28-й передвижной выставке.

И. М. Прянишников написал немало картин на темы охоты и рыбной ловли. Среди них: «Влопался» — об охотнике, завязшем в болоте, «Конец охоты» — вещь, очень любимая Стасовым, «Охота пуще неволи», «Ребятишки-рыбачки» и публикуемая на наших вкладках — «Ночные рыболовы».

Прянишников был страстный охотник и рыболов, поэтому эти его картины написаны с большим знанием дела. В «Ночных рыболовах», созданных на основе натурных наблюдений, Прянишников рассказывает об одном из увлекательных видов рыбной ловли — с острогой.

Е. БРАГИН

И. Е. Репин. НАДЯ РЕПИНА.

Саратовский Государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

«Огонек». 1953.

И. И. Шишкин. ЛЕСНАЯ ЧАЩА.

Саратовский Государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

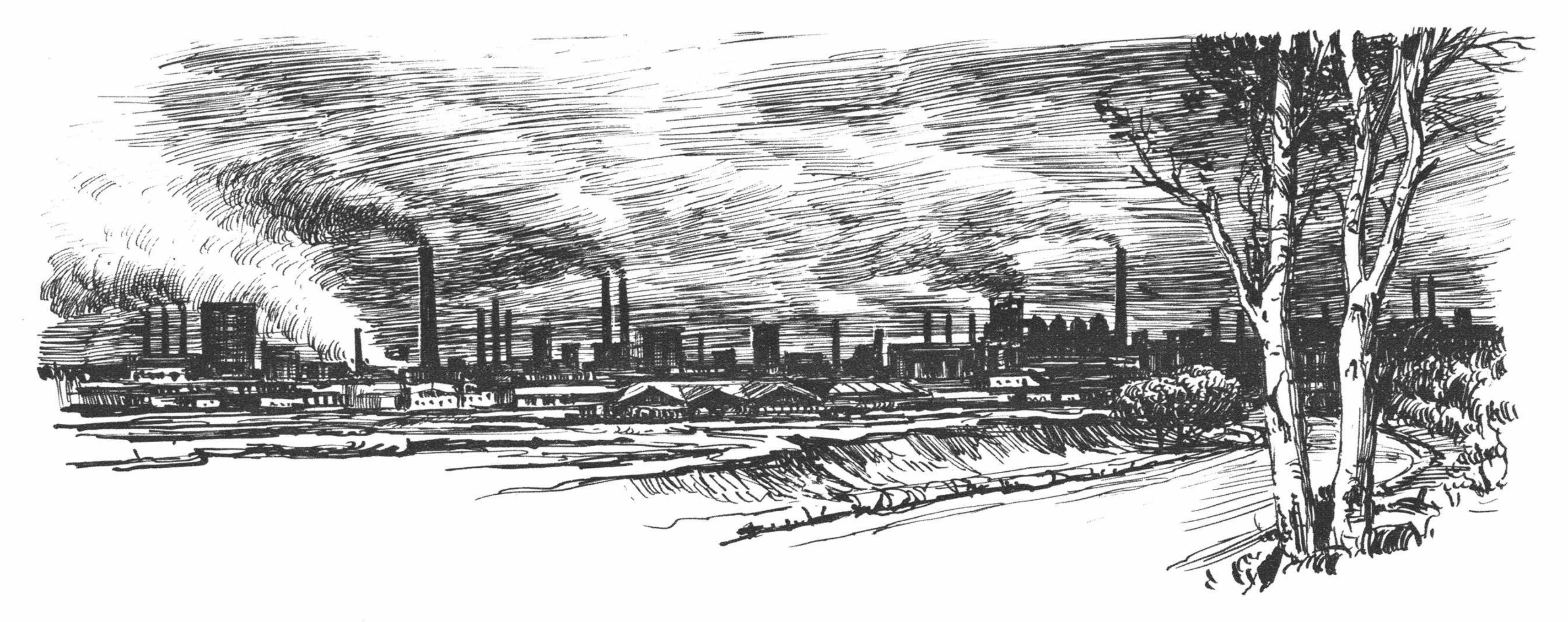

Н. А. Касаткин. ДОБРЫЙ ДЕДУШКА.

Саратовский Государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

И. М. Прянишников. НОЧНЫЕ РЫБОЛОВЫ.

Саратовский Государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

По Донецкой ЗЕМЛЕ

Путевые заметки

Ал. АВДЕЕНКО

Рисунки С. Бродского.

Ночью над Донбассом, то в одном его конце, то в другом, вдруг вспыхивает яркое солнечное зарево и на десятки километров освещает донецкую землю. В его причудливом свете, похожем на свет молнии, вы увидите стальные башни доменных печей, вороненые цилиндры кауперов, шлаковую гору с текущей по ее откосу огненной лавой, вереницы высоковольтных мачт и белостенные дома рабочих поселков под серебристыми крышами.

Бесконечно дорога и мила эта картина сердцу всякого, кто родился и вырос в Донбассе, кто засыпал и просыпался под заводские гудки, кто хоть раз держал в своих руках увесистый теплый слиток свежей стали, кто хоть раз стоял у жаркой чугунной канавы, по которой мчится молочно-розовый водопад металла.

Металл!.. Если страна достаточно его выплавляет, значит, у нее имеются отличные железные дороги, у нее много электростанций, станкостроительных и машиностроительных заводов, тракторов, автомобилей, значит, у нее развиты легкая и пищевая промышленность, оборонная промышленность.

Широкая и прямая дорога, залитая асфальтом, окаймленная двойным рядом густых лесных полос, полных птичьего говора, соловьиных песен, стремительной рекой выбегает на солнечное ветреное взгорье, и перед нами открывается панорама Макеевки.

В самом центре Макеевки — металлургический завод имени Кирова: корпуса мартеновских и прокатных цехов, доменного цеха, электростанции, аглофабрики, гигантские баки газгольдеров и трубы, трубы... По берегам огромного заводского пруда — ставка́, как здесь говорят,— расположилась новая заводская Макеевка.

Автострада, подготовленная для движения троллейбусов из Сталино в Макеевку, круто спускается вниз, к подножию шахты «София», огибает ее и опять поднимается кверху. Мы покидаем центральную магистраль, оставляем в стороне старую Макеевку и, миновав мост, попадаем на территорию заводского городка. Все улицы асфальтированы, озеленены. Почти перед каждым домом — сирень, декоративный кустарник, деревья, палисадник с цветами.

Вечер. На улицах много гуляющих, нарядно одетых людей. Из парка, расположенного на берегу пруда, доносятся звуки духового оркестра. Веселыми, шумными стаями проносятся велосипедисты. Группа юношей и девушек идет по тротуару и самозабвенно поет. Вся жизнь, все ее радости заключены для них сейчас в песне.

* * *

Мы торопимся в новомартеновский цех, где работают сталевары-скоростники.

Скоростное сталеварение — это вершина мастерства металлурга, высшая производительность его труда, это максимальная экономия материалов.

Сталевар-скоростник стал центральной фигурой металлургического Донбасса, как горный комбайнер у шахтеров. По нему уже равняются все сталеплавильщики, он задает тон.

Новомартеновский цех. Длинный ряд полыхающих белым пламенем печей. Останавливаемся около крайней, десятой, дающей изо дня в день, из недели в неделю скоростные плавки стали.

Сегодня работает Василий Фотиевич Карпачев, один из старейших сталеваров.

Подручные Карпачева — Михаил Солдатенков, Алексей Ревин, Евгений Белых. Я смотрю на рослых, загорелых парней, и мне кажется, что всех их я видел недавно на улицах Макеевки, в парке, на берегу пруда. Час тому назад они были одеты в синие, черные и серые костюмы, в белоснежные рубашки, вышитые по воротнику и груди украинским узором. Сейчас на них тяжелые башмаки, брезентовые куртки и шаровары, щедро обсыпанные блестками окалины, фуражки с приделанными к ним защитными очками в железной оправе, с синими стеклами.

Изменилась одежда, но лица все те же: молодые, энергичные, веселые, умные. Заправляют ли они печь, готовят ли рабочий инструмент или желоб для слива стали, снимают ли шлак или полируют плавку, — что бы они ни делали, все равно вы любуетесь тем, как они работают. Умело. Охотно. Ловко. Так, как работают люди, выполняющие самое главное и самое веселое дело своей жизни.

Сталевар Василий Фотиевич Карпачев — самый старший в бригаде. Это высокий, жилистый сорокапятилетний человек с красновато-бурым суровым лицом. У него сосредоточенный взгляд и неторопливые манеры уверенного в себе мастера, привыкшего к постоянному уважению окружающих. Он по-деловому скуп в каждом своем движении. Подручные понимают Карпачева с полуслова и сейчас же выполняют его приказания.

Василий Фотиевич взмахнул рукавицей, и почти сейчас же мостовой кран опустил над ковшом, полным жидкого чугуна, гигантскую дугу, ловко подхватил его и легко понес по цеху. Через несколько минут струя чугуна хлынула в печь.

Карпачев поднял очки на смуглый влажный лоб и вошел в прозрачный застекленный пульт управления печью. Белое пламя отражалось в больших окнах, светлыми бликами лежало на озабоченном лице сталевара. Василий Фотиевич медленно прошел вдоль щита с приборами, внимательно вглядываясь в одни, а по другим лишь скользя взглядом.

Сталевар Карпачев небольшую часть времени проводит на пульте управления, но сейчас, восстанавливая его облик в своей памяти, я вижу старого мастера именно там, среди сложнейших автоматических приборов.

Василий Фотиевич начал свой рабочий путь крышечником, каталем. Теперь, четверть века спустя, он стал высококвалифицированным, вооруженным самой сложной автоматикой и механизацией сталеваром, способным варить сталь любой марки.

Сталевар Василий Фотиевич Карпачев.

Михаил Солдатенков — первый подручный сталевара мартеновского цеха Макеевского завода имени Кирова.

За свою двадцатипятилетнюю рабочую жизнь Василий Фотиевич сварил чуть ли не миллион тонн стали.

* * *

Первым подручным у Василия Фотиевича сегодня работает Михаил Солдатенков, молодой, с приветливым лицом, широкий в плечах. На мой вопрос, откуда он родом, Миша ответил веселой улыбкой и словами поэта Твардовского:

— И еще доволен я — пусть смешна причина, — что на свете есть моя станция Починок.

Смоленскому комсомольцу только двадцать один год, а он уже мало в чем уступает даже таким опытным сталеварам, как Карпачев. Сила молодого сталевара Солдатенкова, как и старого мастера Карпачева, — в глубоком знании дела, в большой дружбе с новейшей техникой. Учился он много, систематически, по плану, выработанному государством. Закончив ремесленное училище и окрепнув на рабочем месте подручного сталевара, Михаил пошел в школу мастеров и уже заканчивает ее.

Ни на одном заводе старой России не было такого молодого технически грамотного и всесторонне развитого сталевара, как Солдатенков.

Нет их и теперь ни в Англии, ни в Бельгии, ни во Франции, ни в Америке. Капиталисту не интересно обучать на своем предприятии и за свой счет рабочего, раскрепощать его интеллектуально, поднимать до уровня инженера.

Образование, полученное Михаилом Солдатенковым, делает его, как и тысячи ему подобных, добрым хозяином машины, ее другом. Для него, как для всех его товарищей, нет никаких секретов в этом большом, сложном мартеновском цехе, где так много машин и моторов, измерительных и контрольных аппаратов. Он знает о процессе сталеварения почти столько же, сколько инженер. Из этого глубокого знания своего трудного и сложного дела, из твердой уверенности в себе и проистекают главные черты характера молодого металлурга: сдержанность, немногословие, деловитость, самостоятельность.

Солдатенков — только подручный сталевара, но когда вы видите, как легко он управляет аппаратурой, как властно, по-хозяйски щурится на бушующий почти двухтысячеградусный огонь, с какой радостью перебрасывает с ладони на ладонь еще горячий брусок пробной стали, вам кажется, что он, Солдатенков, здесь самый нужный работник.

* * *

Огромной электрической завалочной машиной, занимающей почти весь наземный пролет мартеновского цеха, управляет Александр Гаврилович Слайковский, которого здесь называют просто Сашей.

Ярко озаренный пламенем, бушующим в печи, он стоит на высоком пульте управления машины и легко делает свое дело: заваливает в мартеновскую печь основное "сырье" — стальной лом.

Могучим цилиндрическим хоботом машина цепко хватает мульду, загруженную стальным ломом. Хобот машины стремительно перемещается по вертикали, горизонтали, с ходу, без всякого прицела, врывается в распахнутое жерло печи и сейчас же совершает еще одно движение, вокруг собственной оси, поворачивая мульду вверх дном. Освободив ее от груза, Слайковский возвращает машину в исходное положение. По дороге он успевает, как бы мимоходом, разровнять стальной лом, равномерно разложить его по поду печи, умять. На каждый цикл Слайковский затрачивает считанные секунды. Вся операция завалки заканчивается в десять минут вместо двадцати пяти по графику.

Пятнадцать минут экономии на каждой завалке печи, в которой сталь варится скоростными методами, — это большое достижение!

Саша Слайковский, потомственный металлург, с детства привык жить в мудром и сложном мире машин, привык к тому, что машины, как правило, выполняют работу, непосильную для людей, облегчают их труд, дают возможность больше зарабатывать, лучше жить.

Слайковский отводит машину в сторону, в прохладный промежуток между девятой и десятой печами, останавливает ее и не спеша сходит на землю. Он подставляет кружку под тугую звонкую струю газированной воды, а сам ревниво, по-хозяйски смотрит на то, как работают сталевар и его подручные.

* * *

— Где здесь у вас французская колония? — спросил я у Солдатенкова.

Он удивленно пожал плечами.

— Французская колония? Никогда не слыхал про такую. — Он улыбнулся, предположив, что я пошутил.

Нет, я не шутил. Французская колония действительно существовала до революции на Макеевском заводе. Серые продолговатые дома, в которых жили иностранные инженеры, мастера и управленческая верхушка завода «Унион», стоят и поныне.

Какими роскошными выглядели они по сравнению с хибарками и землянками, в которых жил рабочий макеевский люд! И как убого выглядят они теперь, рядом с теми домами, в которых живут тысячи макеевских металлургов!

Настоящее в нашем мире господствует над прошлым! Всегда уместно порадоваться его великой победе, всегда полезно взглянуть с высокой солнечной горы на то гигантское пространство, которое преодолел наш рабочий класс.

Более чем полувековая история Макеевки — типичная история донецкого рабочего города. До революции здесь, как и во всем Донбассе, свирепствовал иностранный капитал, представленный акционерным обществом «Унион».

В Макеевке, в ее темных, гнилых оврагах, на брошенных, ничьих землях, впервые в Донбассе родились поселки рабочей бедноты: Собачеевки, Нахаловки, Соловки, Шанхаи.

Мой отец работал в доменном цехе каталем, чугунщиком, газовщиком, горновым. Я каждый день носил ему обед. Мой путь обычно лежал через весь завод, и я имел возможность сотни раз видеть, в каких условиях работают сталевары, вальцовщики и доменщики. Катали, надрываясь, вручную подавали с шихтового двора руду, известняки, кокс. Сталевары вручную заваливали мартеновские печи. Вальцовщики клещами вручную отправляли раскаленные полосы металла или листы железа в рольганги прокатных станов. Вручную формовали литейщики. Вручную загружались поезда чугуном, сталью и прокатом.

Рабочие всего завода, в том числе и горячих цехов, работали по двенадцати часов. Двенадцать изнурительных часов труда на иностранного капиталиста или на петербургского денежного туза, блаженствовавшего где-нибудь в Ницце или Баден-Бадене, в Карлсбаде или Крыму! Двенадцать часов ежедневного труда, как на каторге, двенадцать часов душевного унижения!

Что же получали за свой труд металлурги?

В нашей семье пятеро работали на заводе: отец, два брата и две сестры. Но на деньги, выдававшиеся обществом «Унион», они не могли купить вдоволь ни пищи, ни одежды. Мясо в нашем доме бывало только в дни праздников и в дни получек. Мои меньшие братья, сестры и я сам круглый год носили рванье. Осенью и зимой всех нас обслуживала единственная пара отцовских сапог. Ни отец, ни братья, ни сестры, разумеется, не пользовались отпуском, не бывали на курортах.

В детские годы на одной из макеевских шахт мне довелось увидеть страшную картину, обычную для того времени: длинный ряд шахтеров, лежавших плечом к плечу на эстакаде, под высоким летним небом. Они были задушены газом, сожжены подземным пожаром, задавлены глыбами обвалившейся породы...

Михаил Солдатенков молча слушал мой рассказ о старой Макеевке.

— Н-да, тяжко жили люди!..— сказал он, вздыхая.

Разговор перешел на другую тему. Металлурга интересуют московские новости: когда закончат строить дворец науки, чем радует зрителей МХАТ, над чем работают писатели.

Настоящее господствует у нас над прошлым, будущее врывается в настоящее!

С таким ощущением мы покидали новомартеновский цех. Последний, кого мы увидели, уходя, был Солдатенков. Он сосредоточенно смотрел на бурный поток стали, падающей в гигантскую чашу ковша.

Какая у него впереди большая и прекрасная жизнь!

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ НА НЕМАНЕ

Четвертый год подряд геологи, гидрологи и топографы исследуют реку Неман, ее гидроэнергетические ресурсы.

На Немане — самой большой из рек в Литве — по решению XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза должна быть сооружена мощная Каунасская гидроэлектростанция.

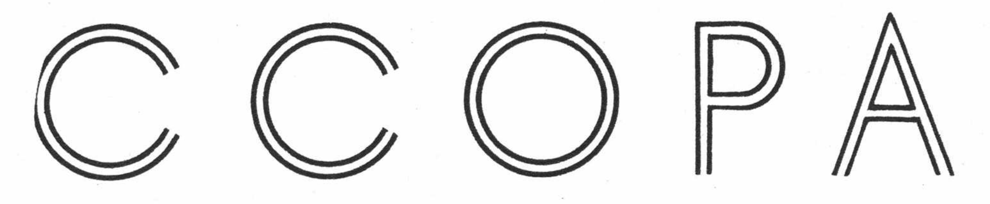
Изыскатели западной экспедиции института «Гидроэнергопроект» предложили наиболее удобное место для сооружения новой ГЭС. В прошлом году был завершен проект Каунасской гидроэлектростанции. Ныне продолжается детальное изучение инженерно-геологических условий строительства.

На снимке: старший топограф О. Я. Прокопович (слева) и вычислитель И. Казлаускас ведут топографическую съемку.

Фото М. Реби.

ССОРА

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунки В. Высоцкого.

Мальчишка родился во второй половине ночи и сразу закричал резко и требовательно.

— Здоровый парень, хороший парень! — сказала Анастасия Филипповна Васильева, держа в руках маленькое темное тельце с растопыренными дрожащими ручками и ножками.

Роженица, уже немолодая женщина, покосилась на ребенка и утомленно закрыла глаза.

— Очень я устала, Настя, — тихо сказала она, — раньше так не уставала. Помнишь, я Асмик легко принесла...

— Еще что вспомнишь! — Анастасия Филипповна передала младенца пожилой медицинской сестре. — Неси в процедурную, — сказала она.

— Не простудите, — жалобно попросила роженица.

— Ладно, твое дело теперь — отдыхать! — прикрикнула Анастасия Филипповна.

Вместе с санитаркой она переложила роженицу на носилки и покатила их к маленькой палате. Уложив женщину на белую койку, она присела около нее на табурет:

— Ну, как?

Женщина улыбнулась — больше глазами, чем губами:

— Сако рад будет...

Анастасия Филипповна ждала другого ответа. Ей хотелось, чтобы жена председателя колхоза сказала о том, как ей хорошо было рожать в новой, благоустроенной больнице, которую врач Васильева считала самым важным делом своей жизни. Поэтому она даже немного рассердилась:

— Асмик вспомнила! Так с тех пор десять лет прошло. Спи-ка лучше!

Она встала, по-хозяйски огляделась и, неслышно ступая, прошла по палатам. В больнице было тихо. Только из процедурной доносились голоса сестры и санитарки. Анастасия Филипповна заглянула туда. Вновь родившийся гражданин села Воскешен лежал в высокой кроватке. Он был повязан белой косыночкой и так ловко укутан в розовое одеяльце, что напоминал шелковичный кокон. За окнами еще стояла черная ночь. «Часа три, не больше», — определила Анастасия Филипповна, подошла к кроватке и, просунув руку между простынкой и одеялом, приподняла головку новорожденного.

— Ишь ты, какой сердитый! — усмехнулась она, увидев сдвинутые бровки и вытянутые в дудочку губы.

Потом вдруг, сама не зная почему, взяла ребенка на руки и прижала теплый сверточек к груди. На нее пахнуло чистым бельем, лекарствами, неуловимым ароматом младенца. И так вдруг сладка стала эта тяжесть на руках, эта беспомощность маленького существа, что Анастасия Филипповна, испугавшись, быстро положила ребенка обратно.

«Вот чего захотела! — усмехнулась она про себя. — Нет уж, матушка, теперь тебе только внуков дожидаться...»

Как была, в халате и белой больничной шапочке, Анастасия Филипповна вышла в тяжелую и влажную духоту июньской ночи. Вокруг стояли деревья — темные и неподвижные, остро пахло перезревшими фруктами. «Опять не успели снять абрикосы», — подумала она. В тишине отчетливо журчала вода в огибающих сады канавках. «И почему здесь так мало птиц? — внезапно пришло в голову Анастасии Филипповне.— У нас на севере, бывало, перед зарей так и заливаются...»

Она не дошла до угла и остановилась. Ну, с Антарам все благополучно. Теперь хорошо бы выспаться как следует. Но уж очень непривычно растерянные глаза были у Сако, председателя колхоза, когда забирали Антарам в больницу. Разбудить его, что ли? Все равно ему скоро вставать. Она подошла к высокому дому, поднялась по дощатым ступенькам на деревянный балкон и постучала. Никто не отозвался. Тогда Анастасия Филипповна раскрыла дверь и вошла в дом.

В первой комнате с буфетом и зеркальным шкафом тихо, как будто про себя, разговаривал радиоприемник. Анастасия Филипповна выключила его и прошла дальше — в спальню, где, свесив ноги с широченной кровати, спала чернушка Асмик.

— И тут тебе тесно! — укоризненно сказала Анастасия Филипповна, укладывая на матрац худенькие смуглые ноги девочки и укрывая ее легким одеялом.

«Где это он пропадает ночью?» — сердито думала Анастасия Филипповна, спускаясь с лестницы. На всякий случай она заглянула в сарай, превращенный в гараж, и там нашла Сако. Непостижимо изогнув свое грузное тело, председатель спал в новой светлосерой «Победе».

Анастасия Филипповна потрясла его за ногу. Сако сейчас же вышел из машины, оправляя рубаху.

— Ты что ж это неукрытый лежишь, так и простудиться недолго...

Анастасия Филипповна знала, что мужская гордость не позволит Сако Асояну сказать правду.

— Часы стоят, — хрипло ответил Сако. — Проснулся — не знаю, который час. Хотел на строительство ехать...

«Ну ладно, и я тебя помучаю», — решила Анастасия Филипповна и равнодушно сказала:

— А я иду мимо, вижу, чьи-то ноги из машины торчат. Что ж такое, думаю?

Так они стояли друг против друга в полутемном сарае. Анастасия Филипповна, склонив голову набок, смотрела на высокого плотного мужчину, а он, не находя слов, полез в карман, вынул папиросу. Закуривая, как бы между прочим, спросил:

— А как там, доктор, моя Антарам?

— Что ж Антарам, ничего, — равнодушно начала Анастасия Филипповна, но, не выдержав больше этой игры, рассмеялась: — Сын у тебя, сын!

— Да? — облегченно вскрикнул Сако, выбросил изо рта папиросу, торопливо затоптал ее ногой и схватил Анастасию Филипповну за плечо. — Ты правду говоришь, Настя?

— Эх, притворства у тебя ненадолго хватает! Ну, поезжай, что ли, на строительство. Вон уже заря...

Заря еще не занялась. Но предутренний ветерок побежал по деревьям, сад ожил, зашелестел, и было слышно, как с деревьев тяжело падали плоды.

Сако даже не заметил насмешки.

— Успею на строительство!

Он потащил Анастасию Филипповну в дом, зажег свет во всех комнатах, быстро достал из буфета графинчик с желтоватой водкой, хрустальные рюмочки, сыр и еще какую-то еду, предусмотрительно заготовленную Антарам.

— Ох, напоишь ты меня! — покачала головой Анастасия Филипповна, а потом, подняв большую рюмку, сказала уже серьезно: — Ну, от души поздравляю тебя с сыном! Пусть растет здоровый и счастливый. Хороший мальчонка, крепенький. Три с половиной кило потянул.

Она неторопливо выпила персиковую водку и закусила завернутым в хлеб мясом и пряной травкой. Водка быстро побежала по всем жилкам, ударила в уставшие ноги. Анастасия Филипповна немного захмелела.

— Я знаю, почему ты в машине спал, — сказала она. — Думал, придется в район жену везти. Я все твои тайные думки знаю. Не доверяешь ты нам.

— Настя! — проникновенно сказал Сако, прижимая руку к груди. — Я тебя сильно уважаю. Разве не было случаев, когда за тобой из района присылали? Но ты сама говорила: она женщина слабая, больная... Ну, на всякий случай...

Сако налил по второй рюмке.

— Пей, доктор! Эх, что за дом без ребенка! Старшие разъехались, Асмик тоже большая, на руки не возьмешь, на колени не посадишь... Теперь хорошо! Заплачет, засмеется, шум в доме будет... Выпей, Настя, прошу тебя. Мне даже все равно: мальчик, девочка, лишь бы ребенок!

— Ну, это ты не ври, — засмеялась Анастасия Филипповна. — Это в тебе еще крепко сидит — сын! Ну, за наших детей! — сказала она, поднимая рюмку. — Чтоб достойно жили!

Выпили по второй. Уже можно было идти,

но усталость и хмель разморили Анастасию Филипповну. Ей хотелось поговорить о своем.

— Если б не новый физиокабинет да не грязевое лечение, может, и не дождаться тебе сегодняшней радости. А как я у тебя эту больницу выпрашивала? За каждую машину, за каждый камешек билась. Скупой ты, Сако, человек!

— Настя, разве я не понимаю? Что про старое говорить! Тогда тоже вспомни, сколько раз ты отсюда бежать хотела!

— Верно. Хотела. А отчего? Все больше от твоих обид. Забыл, как в амбулаторию халаты привезли, а ты их у меня отнял для молочной фермы? А какую ты мне комнату для амбулатории отвел? С земляным полом. Нет, я помню!

— Долго плохое помнишь. Так нельзя, хорошее надо помнить. Ты лучше вспоминай, как мы колхоз поднимали, как в новые дома переезжали. Вот мой сын ничего этого знать не будет. Он сразу увидит: новый клуб, новый дом, электричество. Он из больницы на машине домой приедет. Выпей за это, Настя! Хочешь, я всему медицинскому персоналу шелковые халаты сделаю? Хочешь? Скажи!

— А ну тебя! — засмеялась Анастасия Филипповна. — Хвастать ты мастер. Домой пойду.

Она тяжело поднялась со стула и уже совсем было собралась выйти, но вдруг увидела деревянную люльку-бишик, потемневшую от времени, украшенную резьбой, — массивную древнюю колыбель.

По мнению старушек, это были очень удобные люльки. В середине пробивалось отверстие, и ребенок накрепко прибинтовывался к люльке с таким расчетом, чтобы пеленки оставались сухими. Эти бишики раньше хранились в каждой семье, передавались из поколения в поколение. Много лет назад Анастасия Филипповна принялась искоренять их, но до сих пор не могла считать себя победительницей.

— Это что у тебя?

— А как же... ребенок,— неуверенно ответил Сако.

— Ты что ж, ребенка своего туда положишь, чтоб у него ноги искривились? Председатель! Какой ты пример людям покажешь? Ты об этом думал?

— Я, Настя, о всяком пустяке не могу думать. Есть ребенок — есть бишик.

— Ну так я за тебя подумаю!

Анастасия Филипповна подняла люльку, грохнула ее об пол. Сухое, изъеденное червоточиной дерево затрещало, у бишика отскочило дно, раскололась резная стенка.

— Зачем сломала? — раздраженно крикнул Сако, собирая куски. — Это мой дед сам делал... Память это для меня!

— Век бы не было такой памяти. Книжки, дипломы, а старое-то сидит, сидит...

— Нет! — закричал Сако. — Это память, это наше, старинное... Ты понять не можешь. Ты приезжая!

— Ну, спасибо! — сказала с горечью Анастасия Филипповна. — Дождалась. Спасибо!

Она быстрыми шагами вышла из дому. Уже светало. Будя один другого, орали петухи. Синяя дымка висела над виноградниками, массивы садов казались еще темней на фоне светлеющего неба.

Ни прелести, ни свежести этого раннего утра не замечала и не ощущала разгневанная Анастасия Филипповна. «Укорил! Высказался!» Она была так взволнована, что говорила вслух, как бы продолжая спор с Сако Асояном.

...В своем домике она прежде всего распахнула окна. Володька спал, как всегда, свернувшись. Завиток его светлых, почти белых волос резко выделялся на темнокоричневом лбу. В комнате тикали часы. На столе, придавленная стаканом, лежала бумажка, на которой крупными буквами было выведено: «Мама, меня разбуди очень рано. Нужно!»

«Еще дела какие-то...» — подумала Анастасия Филипповна. Она разделась, накинула капот и присела на кровать. Спать уже не хотелось. Гнев ее постепенно остывал.

«И сама тоже виновата. Тут бы не кричать, а с улыбкой: «Эх, ты, культурный человек!..» Он бы эту люльку опять в сарай стащил. Больше всего боится председатель пятнышка на своей культурности. Может, и верно память у него... К чему было разбивать?»

Со стены напротив прямо в глаза Анастасии Филипповне смотрели светлые, веселые глаза мужа. Над портретом свисало холщовое полотенце, вышитое красными и черными розами. Только и осталось от прежней жизни, от молодости портрет да это полотенце. Володька — уже сегодняшний день. Ему что! Его родина — это село, эти горы, сады, виноградники; любимая еда — суп из сыворотки да острый сыр. Ох, как трудно привыкала к этой жизни Анастасия Филипповна! Сначала и привыкать не хотела. Не думала она здесь оставаться надолго. А вот уже и годы прошли. Куда теперь отсюда уедешь, кому передашь новую больницу, построенную и отделанную, как мечтала? Положим, охотники найдутся, да только слишком много положено здесь, не оторваться!..

— Сын!—позвала Анастасия Филипповна.— Володя! Вставай, сыночка, сам просил рано разбудить.

— А, что? — сразу спросил Володя, открывая глаза. — Разве поздно?

— Куда ты спешишь?

— Надо...

— Что значит надо? Мать должна знать, где ты целый день бегаешь.

— Мама, не сердись! Мы в дальние сады, абрикосы обирать, бригадой... Нам трудодни начислят, деньгами дадут...

— Сразу разбогатеем, значит?

Володя помрачнел. Он сидел на тахте и, опустив голову, вычерчивал на полу какие-то узоры большим пальцем ноги.

— Не... не разбогатеем... Мы на велосипед собираем.

Велосипед был горячей его мечтой. Мальчик давно копил деньги, чтобы его купить, и уже собрал семьдесят три рубля.

— Так что ж, вы бригадой владеть им будете?

— Ага, он общий будет.

— А твои деньги?

Володя поднял голову и в упор посмотрел на мать.

— Мама, можно и мои деньги туда же? Мы все по очереди кататься будем. Хорошо, мама?

— Что ж, — сказала Анастасия Филипповна, — это твои деньги, ты и решай.

— Мы гоночный купим, — удовлетворенно сказал мальчик. — Ну, я пошел, мама!

Только и видела сына Анастасия Филипповна...

Она убрала володину постель, причесалась. В дверь без стука вошла соседка — бабушка Гаран. Вся круглая, она была похожа на пухлую ватную куклу, состоящую из трех шариков, посаженных один на другой. Голову старушки покрывал черный платок, туго стягивающий рот, — символ молчания для замужней армянской женщины. В данном случае эта предосторожность была далеко не лишней, но тщетной: бабушка Гаран любила поговорить. Она поставила на стол кастрюльку.

— Хаши тебе принесла. Кушай, Настя, пока горячий. Мы вчера барана зарезали.

Хаши — очень крепкий и жирный бульон из ножек и требухи — едят, как правило, рано утром. Когда-то давно Анастасию Филипповну это удивляло, потом она поняла: хаши — блюдо такой питательности, что после него человек целый день сыт.

— Ну, спасибо, — сказала Анастасия Филипповна, — вот я и позавтракаю горячим.

Старушка уселась на тахте.

— Антарам в больницу пошла? — спросила она.

— Родила уже. Сын.

— У-у, радость для председателя! Сколько

лет не рожала! Говорят, ты ей нутро грязью вылечила. Раньше женщины на богомолье ходили. Теперь никуда ходить не надо — можно грязью...

— Ох, — сказала Анастасия Филипповна, безнадежно качая головой, — чего только вы не придумаете! Это — лечение такое, грязевое.

— Мне что? Люди говорят — я слушаю. Сако жене золотые часы купил. За каждого ребенка золотые часы — это золота не хватит. Я сколько детей принесла, кроме яичницы с медом, ничего не видела.

Бабушка Гаран сердилась.

— Не угадала ты, бабушка, когда жить начинать.

Переваливаясь, ушла старая Гаран, пошла по своим делам и Анастасия Филипповна. Над селом уже стояла жара, от которой не спасали и сады. Теперь так будет до самого сентября — надо же винограду поспеть!

Поднимаясь на крыльцо больницы, Анастасия Филипповна услышала предупреждающий шепот: «Доктор идет!» Санитарка принялась оправлять чистую дорожку на блестящем крашеном полу. Медицинская сестра Седа торопливо засунула под косынку кокетливые завитушки. Молоденький врач Маргуша доложила Анастасии Филипповне о состоянии больных. Потом торжественно, как было заведено с первого дня, пошли по всем трем палатам. Анастасия Филипповна впереди, за ней Маргуша, еще, чуть отступя, — сестра с журналом назначений.

Антарам с прекрасными сияющими глазами уже кормила своего мальчика.

— Рано дали! — сердито сказала Анастасия Филипповна.

— Очень кричал, беспокоился... — оправдывалась Маргуша.

Мать тихо сказала:

— Голодный был. Смотри, как хорошо кушает...

— Чистый насос! — засмеялась Анастасия Филипповна.

Все было хорошо. За работой забылись и бессонная ночь и обида. Но когда Анастасия Филипповна вышла на крылечко амбулатории, она сразу вспомнила: нет, не все хорошо! «Грубо поступила, — укоряла она себя. — Немножко, конечно, и хмель в голове шумел... Обидела человека. Да ведь и он меня обидел!»

Около крыльца пестрел цветник — тоже затея Анастасии Филипповны. Она сорвала несколько темных гроздик, розовых и лиловых вербен. Ей вдруг захотелось посидеть одной.

По дорожке, обсаженной молодыми деревцами, Анастасия Филипповна прошла в другой конец села. Там под кроной огромного ореха высился гранитный обелиск, украшенный резьбой. Лапчатые листья, виноградные гроздья и крупные гранаты, высеченные искусным резцом, вились по камню и обрамляли веселую струйку воды, бьющую день и ночь. Над струйкой было выбито:

«Прохожий, в жару зачерпнувший струю,
Припомни героев, погибших в бою!»

А еще ниже:

«Светлой памяти гвардии майора Павла Николаевича Васильева, павшего смертью храбрых в борьбе с фашистскими захватчиками».

У родника набирала воду маленькая девчушка в пестром платьице. Анастасия Филипповна положила цветы на выступ обелиска и присела на широкую нижнюю плиту. «Вот и сын вырос, а нет тебя рядом, Павлуша...» Эта мысль уже не вызывала сейчас отчаяния. Эта мысль теперь лежала глубоко в сердце, как зерно, заключающее в себе всю прошлую и всю будущую жизнь Анастасии Филипповны.

Совсем молоденькой девчонкой познакомилась она в городском саду с молодым веселым красноармейцем. Как только он демобилизовался, они поженились. Павел был токарем, устроился на завод, прилично зарабатывал. Жить с ним было легко и весело. Настя, пережившая тяжелую сиротскую юность, ни о чем лучшем и не мечтала. Но Павел задумал другое.

— Нам, Настенька, учиться надо: мне на инженера, а тебе на доктора. Самое наше время учиться!

Насте не хотелось учиться. Ей больше нравилось хозяйничать в своей комнатке, вышивать салфеточки и скатертки, готовить Павлу обед, по вечерам ходить с ним в кино. Но Павел все повернул по-своему. Он таскал ее на подготовительные курсы, днем заставлял заниматься. Настя злилась, плакала. А когда оба поступили в институты, стало еще труднее. Жили на стипендию, кормясь в студенческой столовке. Пропал чистенький уют и вышитые салфеточки! А все-таки какое счастливое было время!

Павел недоучился. В финскую войну пошел воевать, затем остался в армии.

В последние дни государственных экзаменов Анастасия Филипповна узнала, что ее хотят направить в Армению. «Там пока еще мало своих кадров, — говорил ректор. — Помочь надо. Поезжайте!»

Так попала Анастасия Филипповна в далекое армянское село. Она ехала с маленьким Володькой на год, два, пока выяснится, пойдет ли Паша учиться в академию или демобилизуется и будет заканчивать институт.

Дико, непривычно было сперва Анастасии Филипповне, оторванной от всего родного. Незнакомый язык, чужой обиход... Да и село это было тогда совсем другим. Ни электричества, ни водопровода, ни радио... Только и оставалось утешения — сбегать к речке, туда, где стоят два искривленных пшатовых дерева; их серебристые, свисающие над водой веточки напоминали родную иву, и, сидя на берегу, Анастасия Филипповна плакала по дому, по мужу, по ржаному хлебу...

В сороковом году осенью к ней приехал Павел. Ему сразу все здесь полюбилось, и его все полюбили.

— Ну и край! — восхищенно говорил он, приподнимая виноградную лозу с трехкилограммовой гроздью. — Какая земля! Знаешь, Настя, тут, говорят, если на ночь оставить в саду стул, он к утру зацветет.

Анастасия Филипповна жаловалась ему, что ей трудно работать, не зная языка, что она стосковалась в одиночестве.

— Мы с тобой последний год врозь, — отвечал он. — Мне без тебя совсем плохо. Но к лету у нас уже все определится. А язык на твоем месте я давно бы выучил...

И после его отъезда стала приходить к ней каждый вечер учительница Анаида Суреновна.

А летом началась война. В последний раз Анастасия Филипповна видела своего мужа в сорок третьем году. Ему дали отпуск после тяжелого ранения. На этот раз он приехал в село Воскешен совсем как свой человек. Ремонтировал старые сельскохозяйственные машины, помог наладить мельницу, даже работал на поле. Потом они снова прощались — и это было прощание навеки. Через несколько месяцев он погиб.

Анастасия Филипповна не носила траура, но все цветенье ее жизни, вся молодость, женское счастье — все ушло с этим веселым, ясным человеком.

Тотчас после окончания войны она поехала разыскивать могилу мужа — и не нашла. Не нашла и вернулась в Воскешен, где ждал ее Володька.

Она приехала в село в тихий летний вечер, когда и горы и сады были розовыми от лучей вечерней зари. Посадив сына на колени, серая от дорожной пыли, сидела Анастасия Филипповна на кровати и, покачиваясь, молча смотрела в одну точку. В комнату потихоньку входили женщины, покрытые черными платками. Они уже знали, что Анастасия Филипповна не нашла могилы мужа. Женщины долго сидели рядом с ней, почти не разговаривая, — матери, жены и сестры погибших бойцов.

Первой с места поднялась колхозница Зумруд, у которой единственный сын, любимец всего села, погиб в самом начале войны.

— Встань, пойдем, Настя, — сказала она.

Анастасия Филипповна не хотела никуда идти, но женщины почти силой повели ее за собой. В молчании дошли они до родника, до этого живого памятника ее мужу.

Председатель колхоза Сако через несколько дней сказал ей:

— Лучшего архитектора привозили, срочно все делали, к твоему приезду. Тебе нравится, да?

— Нравится, спасибо, — тихо ответила Анастасия Филипповна.

— Почему мне говоришь спасибо? Весь народ решил.

— Всем и спасибо...

Опять засиделась Анастасия Филипповна у неумолчной водяной струйки. С графином — набрать к обеду холодной воды — подошла учительница Анаида Суреновна.

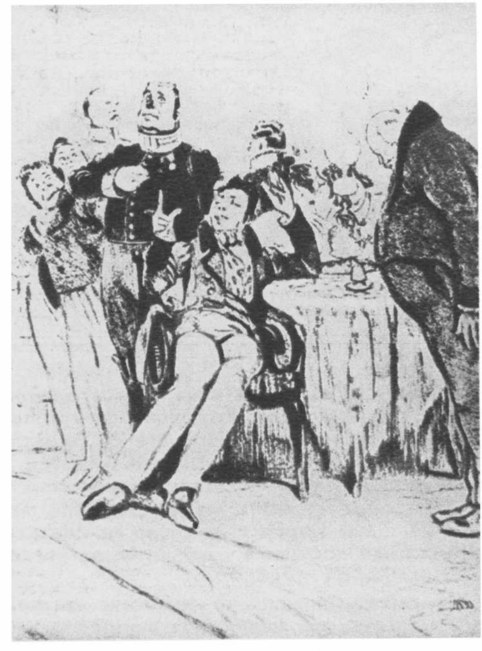
— Отдыхаешь, Настя?

— Да так сижу...

ХУДОЖНИК И ПЕДАГОГ

В этом году исполнилось десять лет со дня смерти выдающегося советского художника — графика, театрального декоратора, живописца и педагога — заслуженного деятеля искусств Д. Н. Кардовского.

В связи с этой датой в Москве, в залах Академии художеств СССР, организована выставка произведений академика живописи Д. Н. Кардовского. Выступавшие на открытии выставки президент Академии художеств СССР А. М. Герасимов, действительный член Академии наук СССР И. Э. Грабарь и действительный член Академии художеств СССР В. П. Ефанов отметили большое значение творчества Кардовского в становлении советского изобразительного искусства, высоко оценили его педагогическую деятельность.

Д. Н. Кардовский. Иллюстрация к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

На выставке представлены все наиболее значительные работы художника.

К лучшим из дореволюционных произведений Кардовского относятся широко известные иллюстрации к рассказу Чехова «Каштанка», выполненные с большой теплотой, лиризмом, мягким юмором, и превосходные иллюстрации к комедии Грибоедова «Горе от ума».

Многие москвичи впервые видят на выставке одну из лучших ранних работ художника — рисунок углем «Голова женщины» из музея города Переславля-Залесского.

Очень полно на выставке представлены работы Кардовского, относящиеся к советскому периоду, когда особенно ярко раскрылось дарование художника.

Большой популярностью пользуются эскизы театральных декораций и костюмов, выполненные Кардовским к комедии Гоголя «Ревизор» для Государственного академического Малого театра, изданные впоследствии в качестве иллюстраций к «Ревизору» и репродуцированные массовым тиражом в виде серии открыток. Эти рисунки вошли в сокровищницу советского изобразительного искусства.

Хорошо известны иллюстрации Кардовского к книгам советских писателей — повестям А. С. Новикова-Прибоя, роману Л. М. Леонова «Соть», к «Петру I» А. Н. Толстого.

На выставке экспонированы работы, характеризующие художника как мастера историко-революционного жанра,— произведения на темы, связанные с восстанием декабристов.

Выставка работ Кардовского имеет не только большое познавательное, но и воспитательное значение. Она показывает пример беззаветного служения искусству, демонстрирует блестящее профессиональное мастерство художника — ученика П. П. Чистякова и И. Е. Репина,— воспитавшего, в свою очередь, целую плеяду советских художников — Д. А. Шмаринова, Б. А. Дехтерева, В. П. Ефанова, С. В. Рянгину и многих других.

А. АБРАМОВА

— Объявление висит, что ты в воскресенье о павловском учении доклад делаешь. Старшеклассников можно направить? Понятно им будет?

— Направляй. Поймут.

— Пойдем ко мне обедать?

— Нет, спасибо. Я на строительство пойду, мне Сако нужно повидать.

За селом у быстрой речки строили новый клуб. Сперва клуб был запроектирован в центре села, но Сако Асоян сумел найти крепкие доводы в защиту нового плана. «Клубу простор нужен, — говорил он, — вокруг парк разобьем. Вот, пожалуйста, здесь волейбольную площадку сделаем, здесь, под деревьями, — летнюю читальню. А тут — экран, кино на открытом воздухе. От села будет аллея до самого клуба — эвкалипты насажаем, каштаны, они быстро растут». И он убедил всех, а сейчас считал своим долгом каждый день являться на строительство и вникать во все мелочи.

Анастасия Филипповна с неделю не была на строительной площадке и теперь удивилась, как за это время выросло здание будущего клуба. Рабочие уже заканчивали кладку стен второго этажа. Фасад здания, повернутый к селу, был облицован туфом.

«Красота!» — радостно подумала Анастасия Филипповна, любуясь полукруглой аркой входа и мягким малиновым оттенком облицовки.

Сако стоял с инженером и, как всегда, спорил. Он был недоволен тем, что стена здания, обращенная к речке, не облицовывается.

— Ты пойми, — убеждал он инженера, — клуб на открытом месте стоит, со всех четырех сторон виден! — Заметив подходившую Анастасию Филипповну, Сако насторожился и заговорил еще громче: — Что значит «проект»? Меняйте! Дороже будет — уплатим!

Инженер, невысокий худой человек, смотрел куда-то в сторону и помалкивал. Потом, воспользовавшись приходом Анастасии Филипповны, он бесшумно улизнул.

Сако с независимым видом следил за работой каменотесов, но ни на шаг не сдвинулся с места, когда Анастасия Филипповна подошла к нему. Она стала рядом с ним, скрестив руки, и посматривала то на него, то на груды щебня, то на речку.

— Ну, долго мы с тобой в молчанку будем играть? — спросила она. — Я ведь мириться пришла. Оба хороши были. Прости, если в чем виновата.

Сако сразу преобразился.

— Пойдем, Настя. Я тебе все покажу! Такого клуба в районном центре нет. Зал на четыреста человек, знаешь! Пойдем!

Анастасия Филипповна послушно шла за ним, останавливалась в проемах будущих дверей, вдыхала тяжелый запах сырого бетона и в темноватой прохладной глубине здания, среди балок и переплетений видела высокий зал на четыреста мест, светлое фойе, библиотеку, комнаты для игр и занятий. «Красота будет!» — повторяла она про себя.

— Ну, что? Как? Хорошо? — торжествующе спрашивал ее Сако. — Ты на колонны посмотри. Это, знаешь, из старинной армянской архитектуры взяли, только по-новому используем.

— Что я могу в этом понимать... — смиренно поджала губы Анастасия Филипповна. — Я приезжая...

— Настя! Вот ты всегда так. Нехороший у тебя характер, честное слово! — искренно огорчился Сако. — Ну, сказал, ну, неверно сказал. Может человек один раз неверно сказать?

Они вышли к речке. После сырости недостроенного здания тело сразу овеял знойный сухой ветерок.

Анастасия Филипповна прошла к берегу, где стояли искривленные пшатовые деревца. Когда-то это было ее любимое место — здесь изливала она свое горе, свою тоску.

Сако шел рядом.

— Здесь запруду делаем, — азартно объяснял он. — Водный спорт. Ты видела, как с вышки прыгают? Думаешь, наши ребята не сумеют?

— Чего доброго, а уж это сумеют! — смеялась Анастасия Филипповна. — А ты не боишься, что твой сын станет здесь прыгать да расшибется? Ой, смотри, Сако! Не надо лучше водного спорта!

На строительстве умолк грохот и шум молоточков, обтесывающих туф. Колхозники медленно сходили к речке, мыли руки, усаживались под деревьями.

— Сейчас обед привезут. Ты тоже здесь пообедаешь, Настя, — решил Сако. — Обед хороший. Я сегодня велел барана зарезать.

— Ага! — сказала Анастасия Филипповна жестким голосом. — А почему это люди из реки пьют? — Она быстро сошла к самому бережку, где старик-каменщик набирал воду в ладони и пил, заливая струйками бороду. — Разве доктор Азарян вам не говорила, что эту воду нельзя пить?

— Ничего, ничего, доктор! — примирительно отозвался старик. — Сегодня бочку еще не привозили. Но ты не беспокойся. Это тоже не плохая вода, хорошая вода...

Анастасия Филипповна снова быстрыми шагами поднялась на пригорок.

— Я тебе говорила, чтоб воду из родников доставляли? — требовательно спросила она. — Ты знал, что эта речка — разносчик заболеваний? Говорила я тебе?

— Ну, говорила, — вызывающе ответил Сако. — Нет у меня транспорта. Абрикосы меня задушили. Абрикосы надо возить? Пшеницу надо возить? Давно ли мы эту воду перестали пить... Ничего особенного не случилось...

— Ты всю нашу работу на нет сводишь! — гневно оборвала председателя Анастасия Филипповна. — Изволь сейчас же обеспечить доставку родниковой воды. Это я тебе официально предлагаю. И не уйду отсюда, пока бочку не привезут!

Подошел инженер и остановился рядом, прислушиваясь к спору. В глазах его светилась самая откровенная ирония.

Сако стиснул зубы.

— Где я тебе сейчас лошадей достану?

— Где хочешь. Хоть на себе вози. Только помни: час жду, а потом акт составлю.

— Доктор, ты смотри... Что тебе надо? Ну!

— Мне надо, чтоб люди не болели. Чтоб глистами не заражались. У этой речки в горах овцы пасутся. Я за здоровье людей отвечаю, понял?

Сако хотел еще что-то сказать, но удержался и, резко сорвавшись с места, пошел, ни на кого не глядя и нахлестывая сапог веточкой пшата.

Анастасия Филипповна снова вернулась на берег, властно покрикивая на людей:

— Не пить! Не пить из речки! Сейчас родниковую привезут...

Дойдя до крутого поворота реки, где над водой трепетали серебряные веточки, она остановилась, держась рукой за деревцо. Отсюда ей была видна дорога, по которой быстро шел к селу председатель Сако.

«Ну, вот и помирились! — подумала Анастасия Филипповна. — Этого он мне легко не простит. Ну и я теперь первая мириться не пойду...» И она тихо засмеялась, покачивая ветку.

А солнце, уже перевалившее далеко за полдень, освещало жаркими лучами поднимающееся здание, строителей, отдыхавших у речки, и высокую статную фигуру женщины с узлом русых седеющих волос.

Лампа, убивающая бактерии

Да ведь это обыкновенная люминесцентная лампа, к которой мы давно уже присмотрелись в метро, в магазинах, на вокзалах! Только свет у нее почему-то слабее, скажет любой из нас, увидев ее впервые. Обыкновенная? Нет, не совсем...

Микробиологическая лаборатория Академии коммунального хозяйства имени К. Д. Памфилова. Научный сотрудник подвешивает лампу над кюветой, в которую налита речная вода, затем включает лампу в сеть переменного тока и немного погодя выключает ее. Внешне вода остается такой же, попрежнему прозрачной, бесцветной. И на вкус она та же и не пахнет ничем.

И все же произошли большие изменения. Докажет это лабораторный анализ. До опыта микроскоп показал бы, как в капле воды беспорядочно двигалось множество микроорганизмов, некоторые из них могли вызвать серьезные заболевания у человека. А после облучения лампой, которую мы приняли за люминесцентную, в воде не оказалось ни одной живой бактерии.

Итак, необычная лампа применяется не для освещения, а для обеззараживания питьевой воды. Это аргоно-ртутная лампа низкого давления. За смертоносное действие на микробов ее называют также бактерицидной. Колба ее сделана не из обычного, а из увиолевого стекла, которое пропускает ультрафиолетовые лучи, убивающие бактерии.

Бактерицидная лампа очень проста в действии. Используя несложную аппаратуру, ее включают в сеть переменного тока, который вызывает в парах ртути электрический разряд — источник ультрафиолетового излучения.

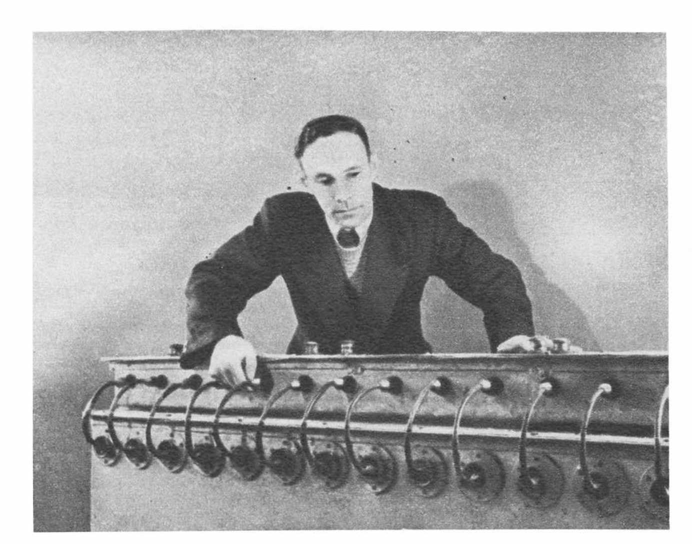
Бактерицидной лампой работники Академии коммунального хозяйства заинтересовались несколько лет назад. Дело в том, что способ, которым теперь обеззараживают воду,— хлорирование — имеет серьезные недостатки. Хлор придает воде неприятный вкус и запах, действует не мгновенно, а через два часа. Повторное хлорирование практически неосуществимо. Наконец, хлор — яд и требует большой осторожности в обращении с ним. Все это заставило ученых искать другой способ обеззараживания воды, способ, такой же дешевый и простой, но который не имел бы в то же время недостатков хлорирования. Группа сотрудников академии, руководимая кандидатом технических наук В. Ф. Соколовым, решила обеззараживать питьевую воду ультрафиолетовым облучением. Этот метод был признан наилучшим еще в 1911 году. Но тогда осуществить его на практике оказалось невозможным: не было достаточно экономичных и эффективных источников ультрафиолетовых лучей.

Изучив действие бактерицидной лампы, Виктор Федорович Соколов и его помощники разработали два типа аппаратов: в одних лампы размещаются над поверхностью облучаемой воды, в других погружаются прямо в воду, причем на них надевают кварцевые чехлы, чтобы предотвратить влияние температуры жидкости на бактерицидное излучение ламп.

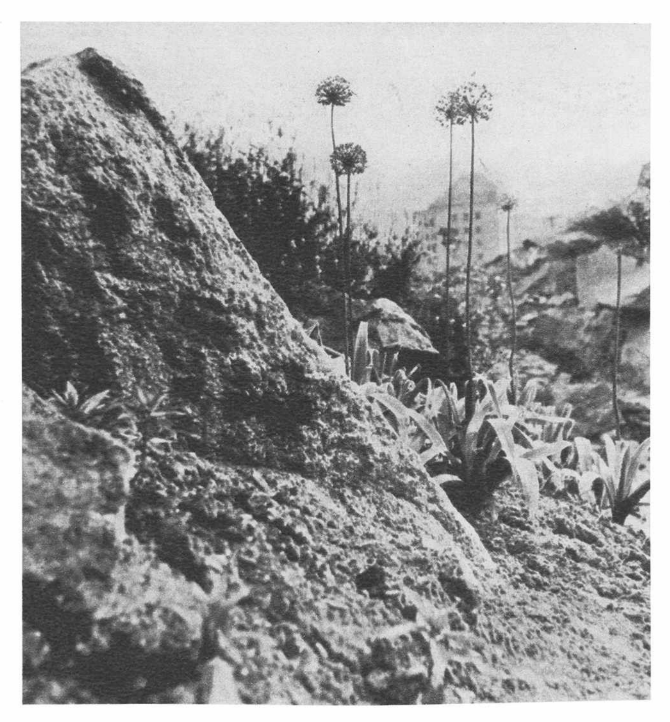
Установку, оборудованную бактерицидными лампами, проверили на практике на уфимском водопроводе, где она теперь обеззараживает воду для нужд жителей города. Оказалось, что стоимость нового способа не превышает затрат на хлорирование и, главное, облучение совсем не влияет на вкус и запах воды.

Новый метод обеззараживания воды будет применен на мытищинском водопроводе Москвы, в Стерлитамаке, в нескольких городах Московской области, на судах-электроходах, плавающих по Волго-Донскому каналу. Чудесные свойства ультрафиолетовых лучей позволили применить их там, где уничтожение бактерий хлором было недопустимо,— на Кавказских минеральных водах. Больные, приезжающие в Кисловодск, смогут пить из целебных источников воду, сохранившую все свои драгоценные природные качества и при этом полностью освобожденную от возможности появления вредных бактерий.

Н. ГОНЧАРЕНКО

В. Ф. Соколов у аппарата, оборудованного 15 бактерицидными лампами.
Фото В. Шаровского.

Уголок альпинария на Ленинских горах.
Фото Е. Умнова.

Альпинарий на Ленинских горах

Тенистое, сырое ущелье приводит к прозрачному озеру, в которое устремляется звонкий водопад. Цепкие вьющиеся растения оплели камни, пестрые цветы покрыли склоны. В тени притаилась звездочка цветка с серебристыми, словно пухом покрытыми лепестками. Это эдельвейс — воспетый поэтами цветок горных вершин.

Нередко по растениям можно определить географию места. Быть может, мы где-нибудь в Альпах или на Кавказе? Понтический рододендрон, раскинувший свои большие листья, подтверждает, что мы, вероятно, забрели на одну из Кавказских гор. А на соседней возвышенности растут какие-то плоcколистые растения с цветами, похожими на лилию. Это гальтонии... Известно, что встречаются они только в Драконовых горах Африки. А между тем путешествие с «Кавказа» в «Африку» заняло всего лишь несколько минут. Стоит потом сбежать по склону и подняться на соседнюю горку, как карликовые березы и ивы тотчас укажут, что мы очутились... в Заполярье.

Где же может быть такое смешение различных видов растений? Что это — гигантская теплица или оранжерея? Но над нами синее небо и палящее солнце.

Эта необыкновенная маленькая «горная страна» расположена в Ботаническом саду на территории нового здания Московского университета. Девять горок являют собой интереснейшую коллекцию флоры основных горных массивов нашей планеты. Одна из них — Кавказ. Две расположенные несколько в стороне горки — испытательное поле будущих селекционеров. Здесь они смогут ставить опыты по улучшению природы горных декоративных растений.

Много потрудились сотрудники Ботанического сада, чтобы создать этот единственный в своем роде альпинарий. Недостаточно посадить растения,— нужно было обеспечить им условия, близкие к тем, в которых они живут у себя на родине. Только в таком случае растения сохранят все присущие им признаки и качества. Для каждого вида растения подбирались разнообразные специальные почвы — торфяники, песчаные... Малейшая ошибка могла привести к непоправимым результатам. Незаметная крымская ясколка, маленькое растение в 10—15 сантиметров высотой, вдруг вытянулась в четверть метра. Более рыхлая почва оказалась ей «по душе», и она «заторопилась» вырасти, потеряв сходство со своими крымскими сородичами.

Но если трудно было составить земляное покрывало этой «горной страны», то еще более сложным оказалось обеспечить растениям различные климаты. Как можно, например, превратить наше Подмосковье в жаркую Африку? Наши ученые добились и этого. Африканская сухая зима отчасти похожа на наше лето. И вот в то время, как на соседних горках царит лето, на африканской — только зима. А жаркое лето начинается для далеких гостей... зимой в теплице.

В нужных случаях орошение специальными дождевыми установками охладит воздух на альпийско-полярной горке.

Создатели альпинария не только заставили высокогорные растения жить на искусно воздвигнутых горках. Под руководством директора нового агроботанического сада университета Н. А. Базилевской и научных сотрудников В. Н. Кореневой и А. В. Болотова удалось точно воссоздать естественные горные зоны. У подножья алтайской горки высажены степные растения — южные виды полыни и тюльпаны. Немного выше красуются низкорослые фиолетовые ирисы, оранжевые алтайские троллиусы, а еще выше раскинулись заросли альпийского мака, выбирающего своим местожительством луга на высоте 1 200 метров...

Когда откроются двери нового здания университета, на альпийские горки придут их хозяева — студенты. Это для них создан своеобразный «живой гербарий», повторяющий природу и живо повествующий о многообразии форм и жизни растений.

И. ДОНСКАЯ

Кукурузу убирает комбайн

Широко раскинулось огромное поле кукурузы. Стебли, высоко подняв свои метелки, стоят плотно один к другому. Со стороны кажется, что эту мощную желтозеленую, уходящую вдаль стену не преодолеть не только человеку, но и могучей машине. Но кукурузный комбайн, двигаясь вдоль массива, словно огромный струг, отделяет сразу два рядка кукурузы, и срезанные стебли, подобно стружке, исчезают внутри машины. Позади остается полоса, ощетинившаяся десятисантиметровыми пеньками срезанных растений.

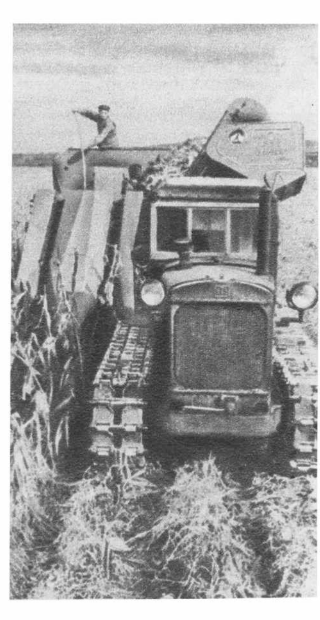
Вот пройден один круг, затем второй... С первых же минут работы испытателям Кубанской машиноиспытательной станции стало ясно, что новая машина, созданная советскими конструкторами, вполне оправдывает свое назначение. Комбайн выполняет сразу несколько операций: он срезает растения, обрывает и частично очищает от обверток початки и подает их в бункер. Отсюда початки выгружаются в подъехавший к комбайну грузовик. Кроме того комбайн измельчает стебли, листья, обвертки, приготовляя из них прекрасно силосующуюся массу, которая передается в прицепной копнитель.

Новая машина рассчитана на уборку кукурузы, посеянной с междурядьями в семьдесят и девяносто сантиметров. Все ее механизмы приводятся в движение трактором «КД-35», «КДП-35» или «Беларусь». Комбайновый агрегат обслуживают три человека, включая тракториста. За день он убирает до пяти гектаров кукурузы, заменяя труд двадцати пяти — тридцати человек. Раньше уборка кукурузы производилась или вручную или машинами, не исключавшими, однако, ручного труда. В обоих случаях пропадали сочные зеленые листья, идущие теперь на животноводческие фермы.

Применение комбайна «КУ-2» наряду с машинами для посева и междурядной обработки позволяет почти полностью механизировать возделывание такой трудоемкой культуры, как кукуруза.

В этом году с конвейера Ростовского завода сельскохозяйственных машин сходят новые кукурузоуборочные комбайны.

Агроном Е. ПАЛЛАДИН

Комбайн «КУ-2» в работе.

← Очередной сеанс...

ВО ДВОРЕ ВСЕГДА ВЕСЕЛО

Первыми просыпаются горнисты. На бегу протирая мундштуки своих инструментов, они выстраиваются на площадке у фонтана. Веселые солнечные блики играют на их сосредоточенных лицах.

— Тра-та-та! — взрывает утреннюю дрему голос звонкой меди.

Двор оживает. Лагерный день вступает в свои права.

Пионерский лагерь! Воображение рисует чащу леса, серебряный разлив реки. А там, на поляне, устланной ковром цветов и трав, белый полотняный городок...

Но этот лагерь не таков. Он разместился не под шатром вековой дубравы, не на живописном речном крутояре, а около многоэтажных корпусов городского центра — на улице Мира, 13, Сталинского района Сталинграда.

По утрам, как только трубачи протрубят к подъему флага, сюда собирается малолетнее население окружающего квартала. Здесь негде нарвать цветов, наловить жуков и бабочек для школьных коллекций. Но во всем остальном досуг пионеров, по существу, не отличается от отдыха юных сталинградцев, выехавших за город. Во дворе большого дома, где раскинулся лагерь, нет места скуке. К услугам школьников все, чем располагает обычный загородный лагерь: спортивная площадка, бассейн для купания, аттракционы, игры. Каждый день приносит что-либо новое, интересное, оставляющее след в памяти.

Как-то утром в лагере произошло событие, потрясшее всех ребят: исчез отряд вожатой Вали Новиковой. Двор загудел, как встревоженный улей. Начальник лагеря Лидия Петровна Лепнухова созвала чрезвычайный сбор совета дружины. Вожатая второго отряда Люда Хохлова возвратилась к строю с приказом идти на розыски пропавших.

— Следопыты! — сказала она.— Никто не знает, куда ушли наши товарищи. Может быть, они где-то на нашей улице, а возможно, на другом конце города. Совет дружины надеется, что мы раскроем эту тайну.

Следы обнаружились тут же, во дворе, у ворот. Значок мелком указывал, что пионеры, покинув лагерь, двинулись на север. Второй значок, оставленный в конце квартала, заставил разведчиков выйти на проспект Сталина. Чем дальше уходили они от лагеря, тем чаще изменялось направление пути. Вот где пригодилось умение правильно читать дорожные знаки, приобретенное в лагере!

Значки увели разведчиков далеко от центра города, на Мамаев курган. Следопыты разгадали тайну знаков. Отряд Вали Новиковой расположился на вершине кургана. «Пропавшие» суетились у костров, спеша доварить обед для себя и товарищей. Все объяснилось за котелками с супом, вкусно пахнувшим дымком. Не было никакого «исчезновения». Была хорошая игра, проверка знаний и смекалки юных следопытов, устроенная вожатыми и советом дружины.

А нынче в жизни детворы большого дома еще одно событие. Все, от мала до велика, толпятся у афиши, вывешенной на дверях пионерской комнаты:

«Ребята! Сегодня к вам приедет игротека Сталинградского дома пионеров. Во дворе будет весело!»

Афиша перечисляет богатства игротеки: шахматы, домино, городки, настольный теннис, кегельбан... Набор ребусов, головоломок, занимательных задач, литературных и географических игр... Фильмоскопы, аллоскопы, большой выбор диафильмов... «Приходите играть!» — приглашает детвору афиша.

Игрушки и забавы розданы. На дворе наступает необычайная тишина. Впрочем, это не удивительно. Когда человек занят увлекательным делом, ему не до беготни и крика...

Саша Сивицкий, окруженный друзьями, объясняет им устройство фильмоскопа. Володю Денисова, Витю Парамонова и Кадира Абдразякова не оторвешь от модели электрической железной дороги. Юра Клочков, Эдик Жуков и Витя Соловьев заняты сооружением из деревянных деталей «высотного здания».

В тени грибка заканчивается постройка «высотного дома».

...Все дальше на середину двора отбрасывает солнце тени многоэтажных корпусов. Близки сумерки. На улице Мира снова звучат раскаты голосистых горнов. Вот и закончился еще один большой лагерный день.

А утром трубачи опять сыграют зорьку, созывая детвору к подъему флага. Что принесет ребятам завтрашний день? Экскурсии на Волго-Дон, на стройку Сталинградской ГЭС, походы за Волгу с ночевками и кострами, спортивные соревнования и игры, встречи с бывалыми людьми!.. Во дворе всегда весело!

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Фото Ю. Яковлева.

До чего интересно устроена модель электрической дороги!

ЮРЬЕВЕЦКИЙ РЕЙД

Фото О. КНОРРИНГА.

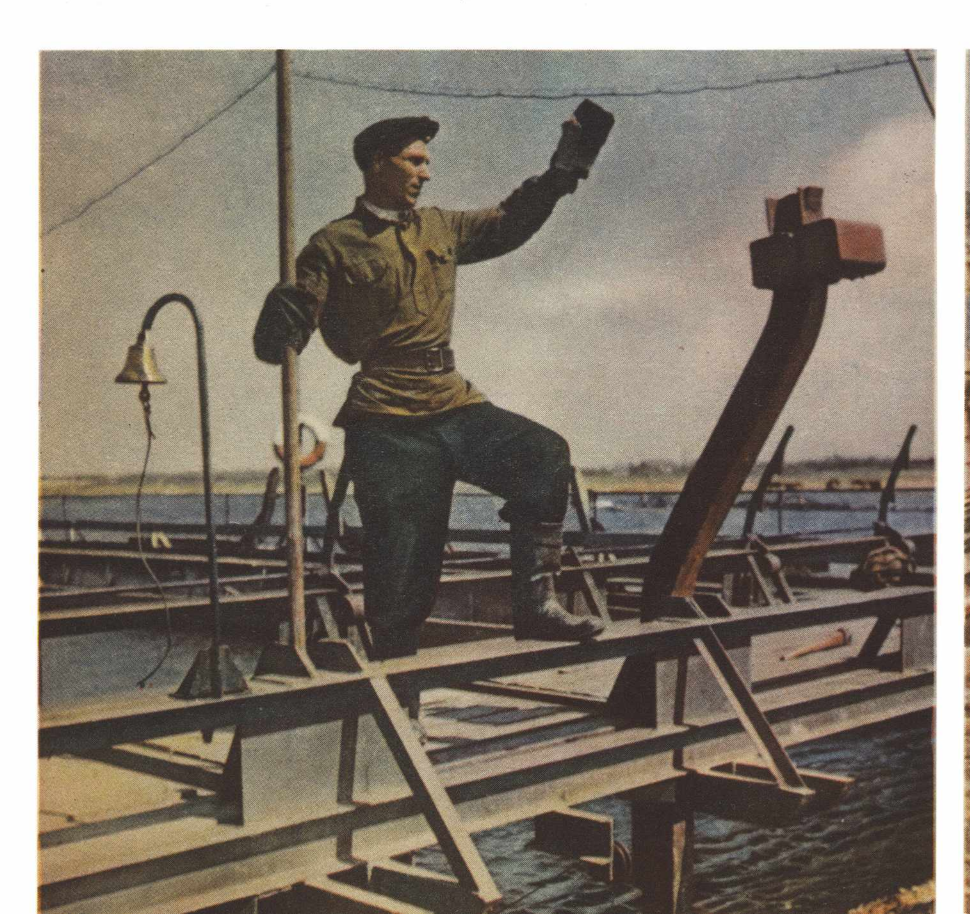
На десятки километров вдоль левого берега Волги, при впадении в нее Унжи, растянулся Юрьевецкий лесосплавный рейд. Здесь сортируют и готовят к отправке древесину, заготовленную в Костромской, Ивановской и Вологодской областях.

Юрьевецкий рейд — самый крупный на Волге. За короткий период навигации на рейде успевают сформировать в плоты около полутора миллионов кубометров древесины. Это возможно только благодаря полной механизации всех трудоемких процессов производства.

Повышенные обязательства взял на себя в этом году коллектив рейда. Их нужно выполнить с честью! Об этом говорят рабочие на производственном совещании перед началом очередной смены (фото вверху).

Двадцать один год проработал на сплаве леса Алексей Васильевич Богданов (внизу слева). Его заслуженно считают лучшим бригадиром сплоточной машины «ВКФ-16».

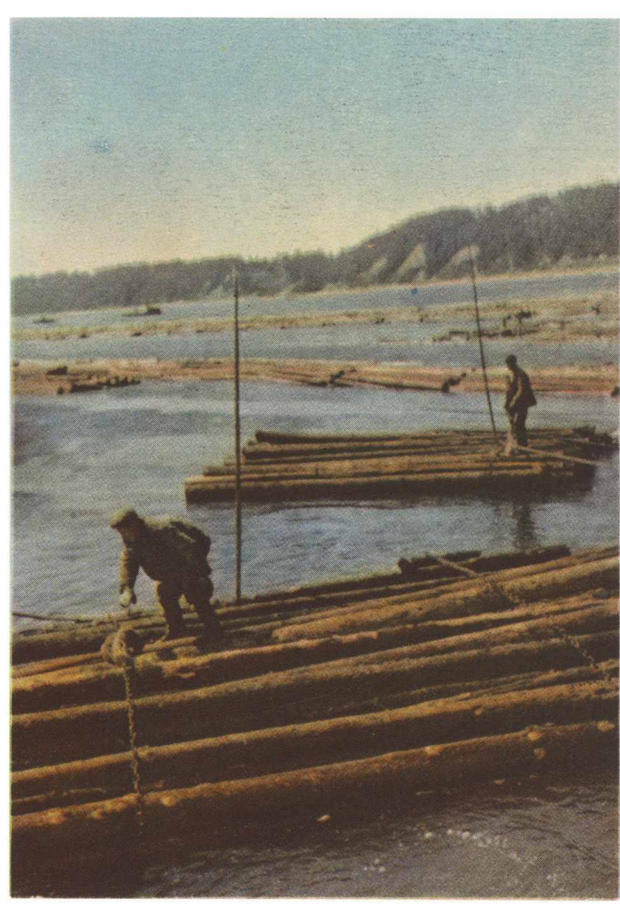
Старые рабочие хорошо помнят, сколько усилий нужно было затратить, чтобы вручную связать в плотный пучок несколько десятков кубометров леса. Теперь эту работу в три — четыре минуты выполняет машина «ВКФ-16» (внизу справа).

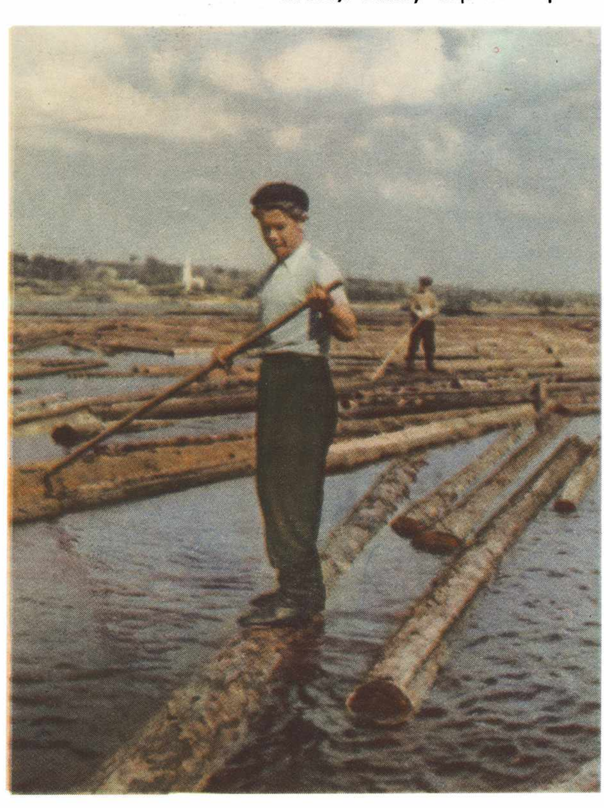

На двадцать два вида, по сортам и породам, делят древесину, а потом уже вяжут из нее плоты. На фото вы видите предназначенный для этого сортировочный коридор.

Прежде чем формировать плоты, пучки скрепляют друг с другом в линейку, которую буксирные катеры доставляют к месту сплотки.

В движущемся потоке древесины часто образуются заломы. Сплавщики леса пробираются к местам заломов и баграми разбирают их (внизу слева). Внизу справа — флотилия катеров, обслуживающая Юрьевецкий лесосплавный рейд.

„Баня"

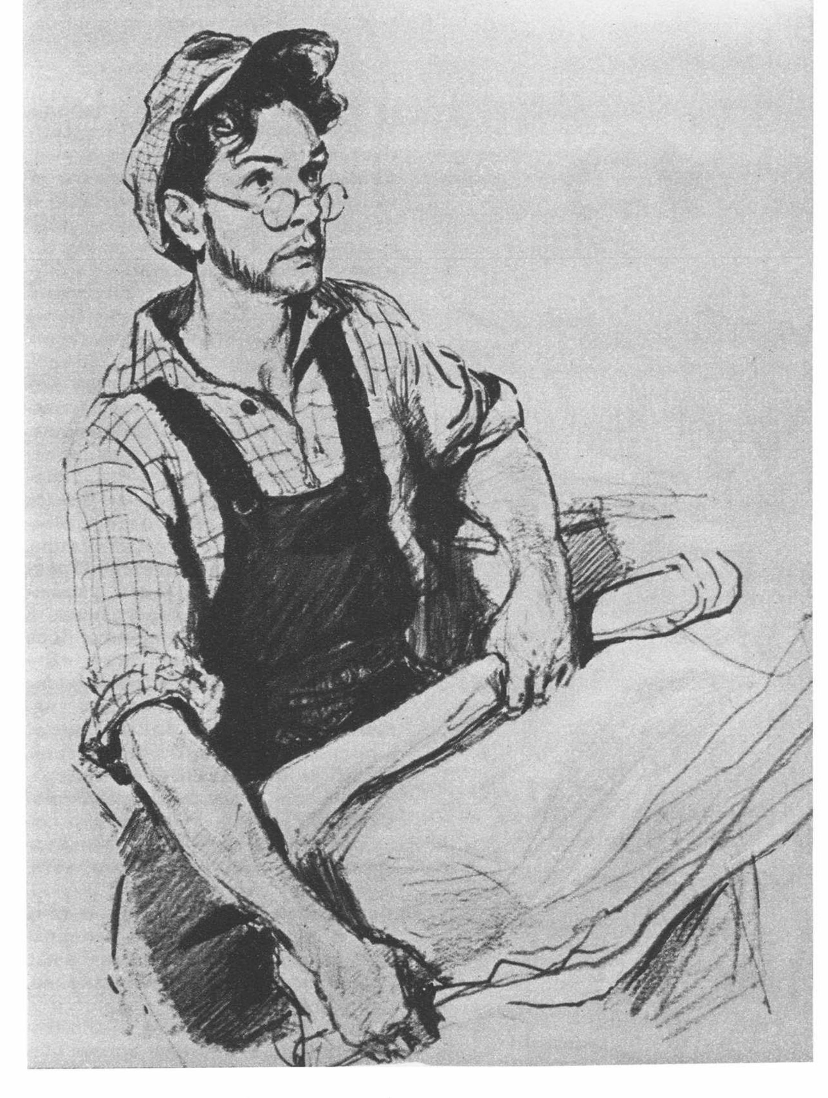
Спектакль Псковского областного драматического театра имени А. С. Пушкина

В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупываете их,
как старое,
но грозное оружие, —

писал Маяковский, неколебимо убежденный в том, что его стих «трудом громаду лет прорвет». Прошли годы. Великая энергия поэзии Маяковского питала и питает сердца строителей нового мира. Стих поэта, живой, громогласный, всегда с нами.

Между тем в творческом наследии поэта оказались произведения, которые хотя никак нельзя назвать забытыми, но которые не использовались на полную их мощность. Это его пьесы. Они печатались в многочисленных изданиях, читались и перечитывались миллионами, но после первых постановок, состоявшихся при жизни Маяковского, вновь не появлялись на театральной сцене, для которой были созданы.

Первой на сцену вернулась «Баня». Ее поставил Псковский областной драматический театр имени А. С. Пушкина. Режиссер, работавший над спектаклем, актеры,

Чудаков, изобретатель. — артист Ю. Пресняков.

Иван Иванович — заслуженный артист РСФСР Н. Виноградов.

перевоплощавшиеся в образы пьесы, зрители — все действительно испытывали чувство, похожее на описанное Маяковским, — «с уважением» ощупывали пьесу, как нержавеющее, «старое, но грозное оружие».

Еще в 1929 году в «Огоньке» впервые публиковался отрывок из новой, созданной Маяковским пьесы с необычным названием — «Баня». Тут же была помещена его заметка «Что такое «Баня»? Кого она моет?» «Баня» — моет (просто стирает) бюрократов», — писал Маяковский. В предисловии к другому отрывку из той же пьесы (в журнале «Даешь») Маяковский указывал: «Баня» защищает горизонты, изобретательство, энтузиазм».

В этих высказываниях раскрывается сущность творчества Маяковского-драматурга: гневный сатирик, обличитель старого, косного, прогнившего идет рядом с пламенным трибуном, певцом нового, жизнедеятельного, созидательного.

Почти четверть века прошло со времени создания «Бани», но она не утратила силы художественного воздействия, своей актуальности. Ее содержание осталось «современным, сегодняшним, сиюминутным», а ее романтическая устремленность в будущее, творимое ныне нашим народом, стала особенно волнующей.

Новым содержанием наполнила жизнь за эти годы слова фантастической делегатки 2030 года, с которыми она обращается к энтузиастам социалистической стройки: «...сегодня из своего краткого облета я оглядела и поняла мощь вашей воли и грохот вашей бури, выросшей так быстро в счастье наше и в радость всей планеты. С каким восторгом смотрела я сегодня ожившие буквы легенд о вашей борьбе — борьбе против всего вооруженного мира паразитов и поработителей. За вашей работой вам некогда отойти и полюбоваться собой, но я рада сказать вам о вашем величии».

Ощутимо реальной стала романтика замечательного «Марша времени», звучащего в пьесе:

Шагай, страна,
быстрей, моя,
коммуна —
у ворот!
Впе-
ред,
вре-
мя!
Вре-
мя,
вперед!

Сцена из 1-го акта.

Велосипедкин, легкий кавалерист.— артист Ю. Лукин.

Поэт ведет уничтожающий огонь по тем, кто плетется в хвосте своего времени, у кого все «горизонты» воплотились в его собственной персоне, кто путается в ногах у идущих впереди. Убийственному обстрелу подвергаются в пьесе двоедушные, фальшивые люди, бюрократы и вельможи, приспособленцы и пошляки, обыватели и трусы, прикрывающиеся дутым авторитетом и мифическими заслугами.

Конечно, в речах какого-нибудь нынешнего главначпупса не встретишь некоторых устаревших словечек, употребляемых Победоносиковым. Но сам «главный начальник по управлению согласованием» нисколько не изменился. Все так же страдает он манией величия самовлюбленного бюрократа, все так же панически боится живой мысли, а тем более критики. Так же, как и Победоносиков, он убежден, что является образцовым работником и его учреждение образцовое. А заглянешь в его ведомство и увидишь: все точно как у главначпупса: «Директивы выполняются, циркуляры проводятся, рационализация налаживается, бумаги годами лежат в полном порядке. Для прошений, жалоб и отношений — конвейер».

Любители подобной «рационализации» в наши дни нередко попадают на острие пера фельетонистов. Но как только в газете, книге, театре выводится этакий тип, Победоносиковы, точь-в-точь как в пьесе, спешат безапелляционно заявить: «Не бывает у нас таких, ненатурально, нежизненно, непохоже!»

Не перевелись еще и подхалимствующие деятели вроде Оптимистенко. Для этого новоявленного чиновника самое «полное решение» любого вопроса заключено в любезной его сердцу резолюции: «от-ка-зать». Появляются порой и «аллилуйщики» вроде Ивана Ивановича. Своего мнения у них не бывает, самостоятельно решений они не принимают. Вся их деятельность состоит в том, что (как говорил Маяковский на одном из обсуждений «Бани») звонят они «по всякому поводу... Сергею Никитичу, а если Сергей Никитич несогласен, то Никандру Федотовичу, а если Никандр Федотович несогласен, то тогда Семену Пирамидоновичу».

Главначпупса и его приспешников атакуют изобретатель Чудаков и его друг легкий кавалерист Велосипедкин. В их лице Маяковский показал простых людей, вызванных Коммунистической партией к творчеству. Они изобретают и строят, мечтают и воплощают в действительность свои мечты.

Псковский театр (режиссер Л. Лурье) поставил перед собой

Победоносиков, главный начальник по управлению согласованием, Главначпупс, — артист Л. Куклин.

Фосфорическая женщина — артистка К. Козьменко.

←

Оптимистенко, секретарь Главначпупса,— артист Б. Борисов.

задачу — создать на сцене убедительные образы положительных героев. Только при этом условии можно было с необходимой остротой раскрыть конфликт пьесы, обличить ее отрицательных персонажей.

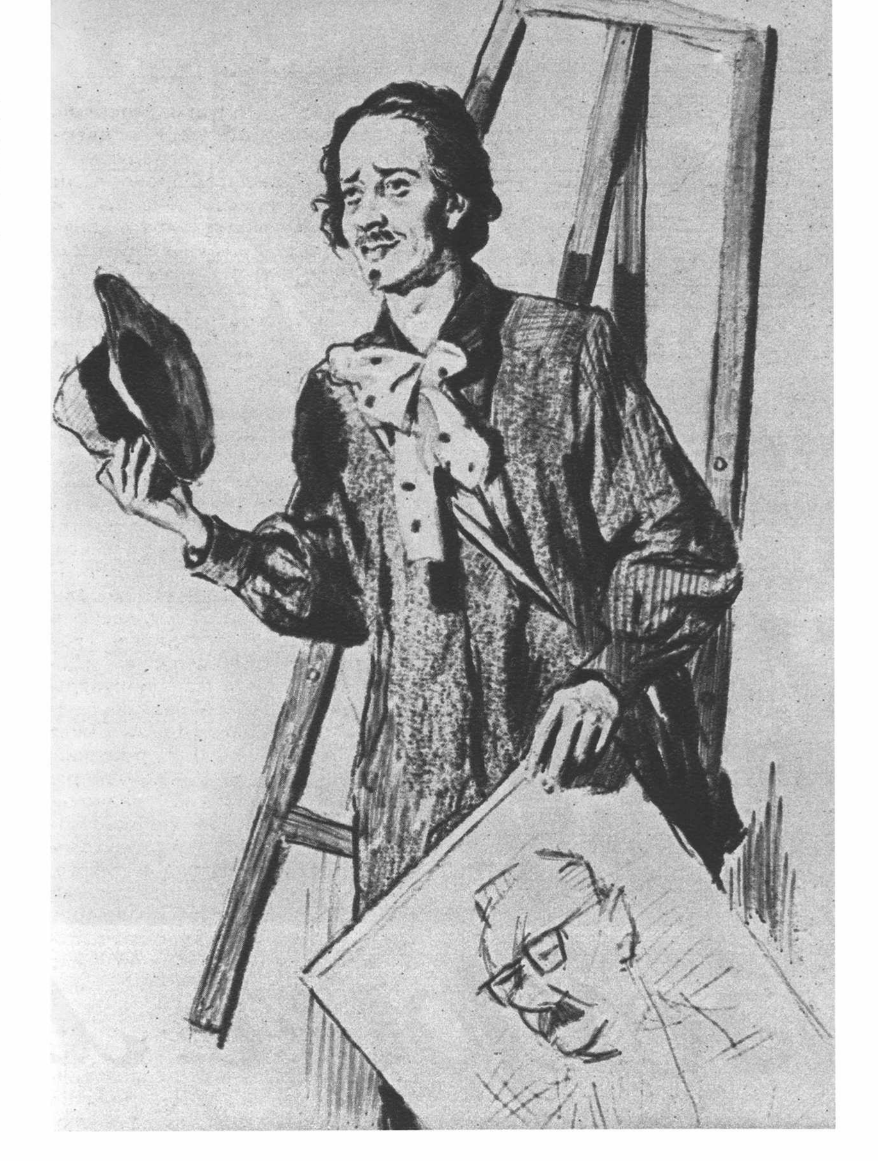
Поглощенный идеей создания машины времени, изобретатель Чудаков — его темпераментно и искренне играет артист Ю. Пресняков — отнюдь не кабинетный ученый, погруженный в свои замыслы отшельник от науки. Это горячо любящий жизнь и людей человек, немного рассеянный. Желая немедленно претворить в жизнь свое изобретение, он забывает порой, что сие зависит не только от него.

Неугомонный юноша Велосипедкин (артист Ю. Лукин) соединяет в себе задор и некоторую лихость бывшего беспризорника с политической зоркостью, деловитой напористостью, умением постоять за себя и своих товарищей.

Острые сатирические черты нашел и Л. Куклин для характеристики обывательской сущности Победоносикова, его чванства и ханжества, трусости и тупости. Смешон вертлявый пустозвон Иван Иванович (заслуженный артист РСФСР Н. Виноградов), восторгающийся «образцовыми» порядками учреждения, где верховодит Победоносиков.

Однако всем этим персонажам (и прежде всего это относится к Куклину-Победоносикову) еще недостает той силы обличения, того заострения и смелого укрупнения типических черт, которыми пользуется в пьесе Маяковский. Театр еще не вполне усвоил ту истину, что реалистическое искусство не боится сознательного преувеличения, особенно в том случае, когда оно диктуется самим драматургическим материалом, требующим серьезной работы над текстом, над разящим словом Маяковского.

В постановке Псковского театра

Бельведонский, портретист, баталист, натуралист,— артист А. Баратов.

Поля, жена Победоносикова,— артистка Л. Деримарко.

Бухгалтер Ночкин — артист В. Степанов.

В образах Чудакова и Велосипедкина театр сумел правдиво воплотить замечательные черты строителей нового мира — их творческую окрыленность, неиссякаемый оптимизм, готовность преодолевать все преграды на пути к светлой цели.

В столкновениях с этими людьми, жизнь которых наполнена прекрасным содержанием, ярче обрисовывается вся пустопорожняя «значительность» их противников.

Первым встречают на своем пути молодые энтузиасты секретаря Победоносикова — Оптимистенко. Заплывшие жиром глазки, ухмыляющееся, лоснящееся лицо — таков внешний облик Оптимистенко, созданный Б. Борисовым. Артист зло высмеивает ожиревшее самодовольство этого «согласователя», его подхалимскую угодливость перед начальством и хамство по отношению к неначальственным лицам.

немало недостатков. Неудачен образ Фосфорической женщины, для которой театр не нашел убедительных красок. А между тем с нею в значительной степени связана героико-патетическая линия пьесы. В спектакле показан не тот Бельведонский, какого вывел Маяковский. В пьесе это наглый приспособленец и деляга от искусства, а на сцене действует некий старомодный художник-интеллигент. Обезличены помощники Чудакова — рабочие Фоскин, Двойкин и Тройкин. Без должной выдумки решен режиссурой финал спектакля, вызывает протест его нарочито красивое оформление (художник В. Скляр).

Но некоторые недостатки спектакля перекрываются общим радостным результатом, которого добился коллектив.

К. ЮРЬЕВ

Рис. В. Высоцкого.

Вокруг мяча

М. МАРТЫНОВ

Фото А. Бочинина, Н. Козловского, Р. Мазелева, Ю. Рафаловича и Л. Сергеева.

Игра началась! Любители футбола с волнением следят за мячом. Он мечется по полю: то катится от ноги к ноге, то взлетает над головами и, описав дугу, как яблоко раздора, появляется на другой половине площадки. Там вновь вспыхивает короткая борьба, и опять мяч послушно летит по точному адресу.

Тысячи таких схваток и составляют футбольную игру, в которой вы видите силу, ловкость, проворство, сметливость, видите мужественную борьбу.

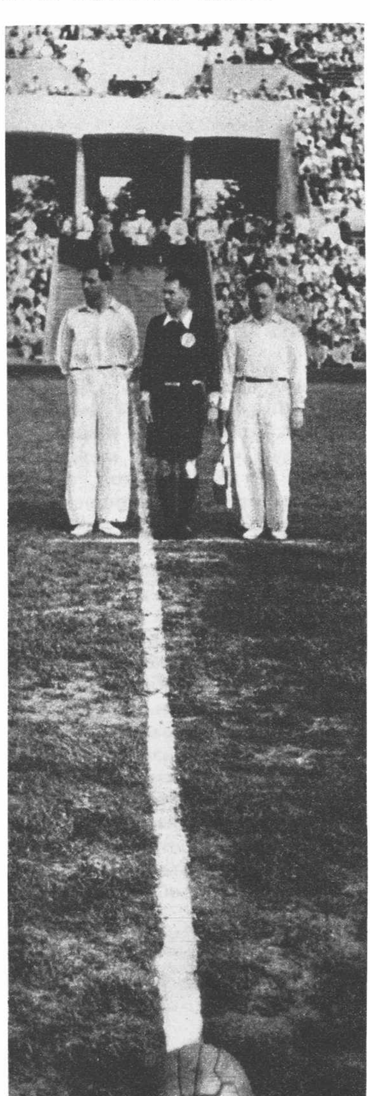
Капризна спортивная судьба. Иногда сильная команда проигрывает слабой, иной раз мяч, пущенный в сторону чужих ворот, летит мимо штанги, а случайно «срезанный» предательски попадает в сетку своих ворот.

Но как бы ни проходила игра, наши футболисты продолжают борьбу, ибо она не укладывается в одно или несколько состязаний.

Борьба начинается задолго до того момента, когда зрители усядутся на трибуны стадиона. Еще за несколько дней до начала состязания тренеры приступают к подготовке своих команд. Они рассказывают игрокам о тактических задачах предстоящей встречи, устанавливают, за кем из нападающих нужно следить в оба, и обязательно упомянут о корректной игре. Уже сейчас все игроки чувствуют себя на футбольном поле. Они мысленно разыгрывают комбинации, точно бьют по воротам и очень удачно отбирают мячи у «зарвавшихся» соперников.

Но вот наконец наступает день долгожданной встречи. Электрический поезд мчит спартаковцев из Тарасовки в Москву. За окном мелькают живописные виды Подмосковья. Но А. Парамонов (слева), О. Тимаков (у окна) и Ю. Седов ничего не видят вокруг. Всеми мыслями они уже на стадионе «Динамо». Они уже ведут борьбу с «Зенитом».

К тому моменту, когда судья Э. Клавс вышел со своими помощниками на поле и над стадионом прозвучал его долгий призывный свисток, трибуны были уже заполнены до отказа. Началось состязание на первенство страны.

Первый острый момент у ворот «Зенита». После небольшой, но напряженной схватки мяч влетел в сетку ленинградцев, и полузащитник Ю. Войнов печально смотрит на ворота.

Опасный момент на штрафной площадке ленинградцев. Мяч идет на ворота, и защитник «Зенита», падая, отбивает его рукой. Судья назначает штрафной удар без защиты, и капитан спартаковцев Н. Симонян устанавливает мяч на одиннадцатиметровой отметке.

Победой «Спартака» закончилась эта встреча, но спустя пять дней чемпион страны встретился с футболистами столичного «Локомотива», и на этот раз удача изменила ему.

Страсти разгорались. После одной из жарких схваток мы были свидетелями мимолетной сцены: спартаковец В. Васильев корил локомотивца Н. Петрова за нетактичную игру.

Судья, сдерживая «пыл» игроков, назначил штрафной удар по воротам «Спартака». «За что?» — спрашивает провинившийся О. Тимаков с видом невинно пострадавшего.

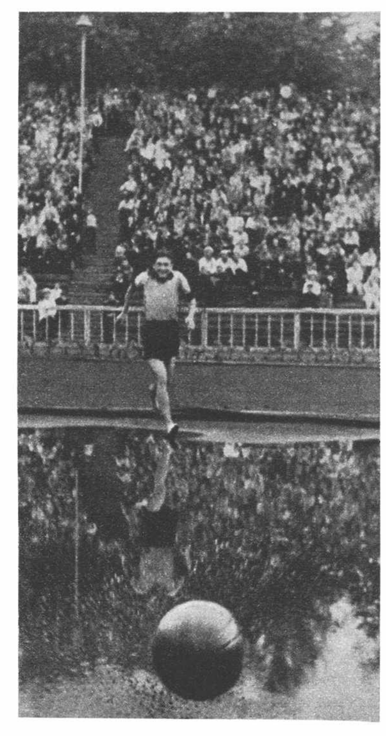

Счет ничейный. Но вот новый прорыв спартаковцев — и мяч в сетке. На башнях появляются цифры 2 : 1. Нападающие бегут к центру поля, на ходу поздравляя своего молодого товарища Б. Татушина с красиво забитым голом.

К концу матча счет вновь становится ничейным — 2 : 2. Но когда Симонян забил третий гол и еще раз вывел свою команду вперед, всем казалось, что победа спартаковцам обеспечена. Однако за 7 минут до окончания игры к воротам чемпиона прорвался И. Ларин. Точный, стремительный удар. Бросок М. Пираева. Вместе с ним падает и спартаковский защитник А. Тищенко (справа), словно этим можно задержать мяч. Гол! Счет 3:3.

→

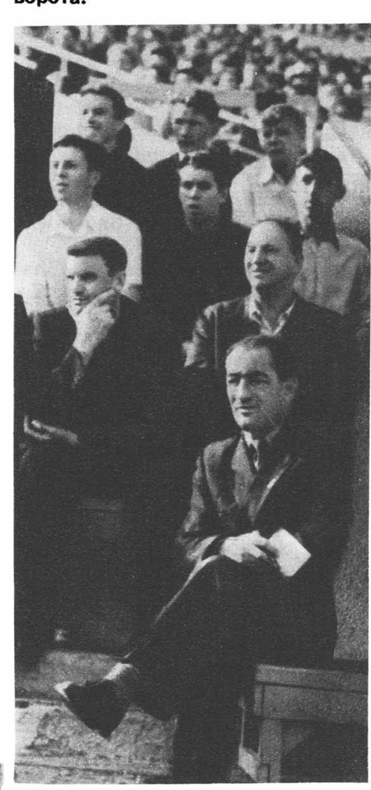
Это не очень нравится тренерам «Спартака» В. Н. Соколову (слева) и А. Х. Дангулову (на переднем плане). Победа упущена.

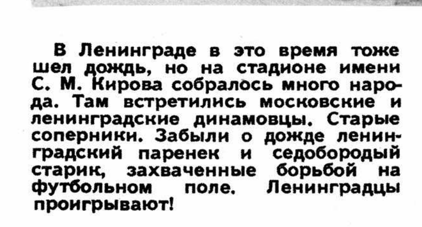

...В этот день футбольные встречи состоялись не только в Москве, но и в других городах страны, в том числе в Киеве и в Ленинграде.

Щедрый южный ливень пронесся над украинской столицей. Лужами покрылось поле и особенно его края. Мяч, иногда попадая в воду, плыл, а не катился. Юный болельщик смело устремляется за ним. Он босиком, ему терять нечего.

Несмотря на мокрое поле, игра между киевскими динамовцами и куйбышевской командой «Крылья Советов» прошла в быстром темпе. Единственный гол, который решил исход борьбы, был забит киевским нападающим М. Команом... в свои ворота.

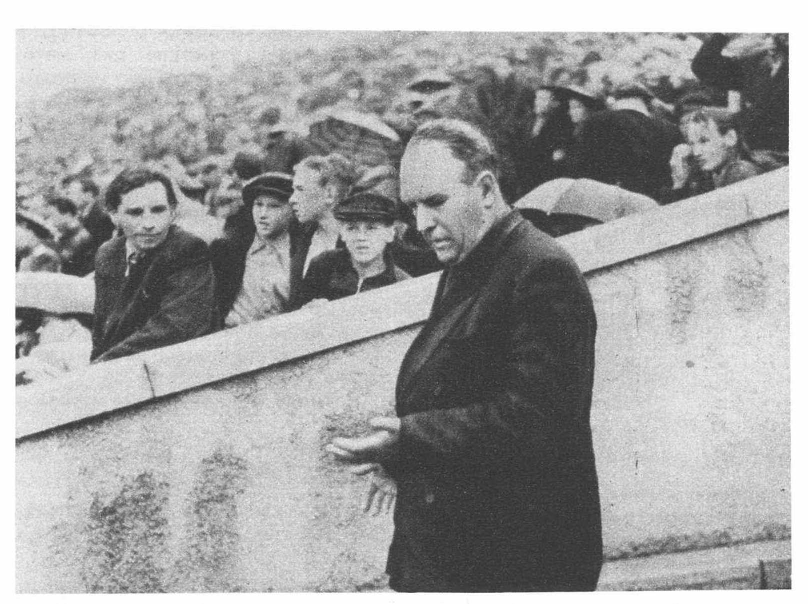

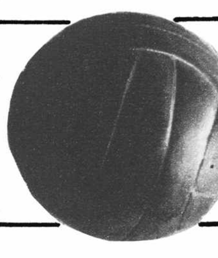
В Ленинграде в это время тоже шел дождь, но на стадионе имени С. М. Кирова собралось много народа. Там встретились московские и ленинградские динамовцы. Старые соперники. Забыли о дожде ленинградский паренек и седобородый старик, захваченные борьбой на футбольном поле. Ленинградцы проигрывают!

За этой борьбой в Ленинграде следили не только зрители, заполнившие трибуны огромного стадиона. Непрерывно звонят телефоны в кабинете директора московского стадиона «Динамо», и секретарь директора Лида Обходова не успевает сообщать: «Наши ведут. Счет 3 : 1. До конца игры осталась одна минута».

Да, до конца игры осталась одна минута, и тренер ленинградских динамовцев М. П. Бутусов грустно смотрит на свой секундомер.

Так прошли четыре игры, описанные нами в этом фоточерке. А сколько их еще предстоит впереди! И спустя несколько дней тренеры вновь ставили тактические задачи перед своими командами. К дальнейшей борьбе готовились тбилисские динамовцы и чемпион страны «Спартак», вдохновленные успехом локомотивцы и зенитовцы. Борьба на футбольном поле продолжается.

Соловьиная ночь

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки Е. Ведерникова.

Ни ветерка, ни шелеста, ни всплеска. В темной воде пруда обмывается молодой месяц и светлячками плавают звезды. На островке, в зарослях осоки, лягушачий концерт.

По тропинке, со станции домой, на дачу, бредет, спотыкаясь о корни елей, поэт Евгений Савельевич Потугин. Он утомлен, голоден и сердит. Его раздражают темнота и лягушки.

— Этакие гаденькие созданьица с холодной кровью, а туда же — выражают свои восторги в полный голос!

Не то чтобы он завидовал лягушкам, нет. Но он тоже был бы не прочь присоединить свой голос к весенним мелодиям. Более того: это было ему совершенно необходимо. Неделю тому назад он сдал в редакцию журнала цикл

лирических стихов, а сегодня имел с редактором скучный и безнадежный разговор.

— Почему вы находите, что у меня мало лирики? А девушка, поющая за рулем трактора о возлюбленном, механике МТС? А машинист паровоза, ведущий товарный состав точно по графику и вспоминающий свою невесту, управляющую бульдозером? А кирпичная кладка, где...

— Вы попробуйте написать без руля, без бульдозеров, без кирпичей, — сказал редактор. — Право, изобразили бы этакую соловьиную ночь, двух влюбленных... Прислушайтесь, подсмотрите простую и милую правду жизни.

«С ума спятил старик, — сердито думал поэт Потугин, покидая редакцию. — Любви ему захотелось, правды жизни! А до сдачи номера осталось три дня. Придется поднажать...»

На ужин были караси в сметане и салат со свежими огурчиками. Наевшись, он закрыл ставни и двери, чтоб не мешали проклятые комары, собаки и лягушки, и сказал жене:

— Разбуди меня через час, ровно в двенадцать.

— Это еще зачем? — удивилась жена. — Спи себе до утра.

— Н-да? А вдохновляться ты за меня будешь или теща? Я пойду искать правду жизни... Черт бы ее подрал!

Жена пожала плечами и вышла на террасу, плотно притворив за собой дверь.

— Велел разбудить ровно в двенадцать, — сказала она матери. — Ему надо срочно написать лирические стихи. Пойдет куда-то черпать вдохновение.

— Ой ли? — подозрительно произнесла старушка. — Уж не завел ли Евгений шашни? Ты бы пошла за ним и проверила.

— Нет, мама. Я этого никогда не делала и делать не буду.

Но старушка дорожила прочностью семейного очага.

— Ты не пойдешь, я пойду. Мне все равно по ночам не спится, я днем отсыпаюсь.

Ровно в полночь жена вошла в

комнату, где стоял густой храп с присвистом.

— Женя, проснись!

— Мммм...

— Вставай, Женечка, ты же сам просил тебя разбудить!

— Чего я просил?.. Ничего я не просил, оставьте меня в покое, — и поэт сунул взлохмаченную голову под подушку.

— Видишь, мама, — шепотом сказала жена, — если бы это было то, что ты думаешь, он бы сразу вскочил. И незачем тебе с твоей подагрой ходить по росе. Мне и Женю-то жалко, да ничего не поделаешь — такая работа.

— Как знаешь, — недовольно отозвалась старушка. — Только я на вас посмотрю, вы вообще какие-то нетемпераментные. Твой отец не был поэтом, он был акцизный чиновник, а впоследствии бухгалтер РЖУ, но мы друг друга безумно ревновали и страстно любили. И, если бы ему понадобилось писать любовные стихи, он не пошел бы искать вдохновения вне дома.

Через полчаса удалось кое-как растолкать разоспавшегося поэта. Он выпил бутылку нарзана, положил в карман пижамы блокнот и вышел за калитку.

Теплый воздух был напоен запахом сирени, ее темные гроздья свешивались над заборами. Дорога белела в лунном свете.

— Спать бы да спать в такую ночь, — громко зевнул Потугин. — Эх, поэт — действительно невольник... этого самого...

Он поплелся по дороге и свернул за угол в липовую аллею.

«Ну, где они, влюбленные? Вон сидит на скамейке парочка. Это студент Федька Лукин и дочка нотариуса Нинка Перепелицына. Какая у них может быть любовь? Самая глупая. Если присесть рядом — уйдут. Разве пойти на пруд?»

У плотины он заметил две неподвижные фигуры. Подобрался тихонько, скрываясь за ветлами. Но неподвижные фигуры оказались рыбаками.

«Можно бы и о рыбаках написать строчек на двадцать, — вяло подумал он. — Нет, это не моя область. О рыбаках пускай пишут прозаики».

За кустами мелькнуло белое платье. Потугин осторожно, чтоб не хрустнуть веткой, прокрался к старой дуплистой ветле и присел на корточки. Над самой водой, на пеньке, сидела девушка, а у ее ног на траве лежал длинный парень в голубой майке. Оба грызли стебельки травы и молчали.

«Даже лиц не видно как следует!» — с досадой подумал Потугин и протянул руку, чтобы отстранить мешавшее ему растение. И тут же едва не вскрикнул: растение оказалось крапивой. Пальцы немилосердно жгло, он начал чесаться, стало жечь еще сильнее. Он обсосал пальцы, каждый по очереди, и помахал ими в воздухе.

А девушка и парень все молчали. Внезапно где-то совсем близко защелкал соловей, взял первую высокую ноту, смолкнул, как будто прислушивался, не слишком ли высоко взял, и, уверившись, что нота была правильной, залился песней.

«Теперь из-за этого горлодера ничего не услышишь», — рассердился Потугин. Ему пришли в голову слова: «Как соловей о розе поет в ночном саду...» «Прелестно!» — обрадовался он, но вовремя вспомнил, что это чужие стихи. Ему стало досадно и завидно.

В это время парень приподнялся и несмело взял руку девушки.

«Давай, давай! — мысленно поощрял его Потугин. — Говори же что-нибудь, бестолочь!»

Парень сказал:

— Таня, а ведь соловей поет не о розе, как пишут поэты.

«А о чем же, позвольте узнать?» — чуть было не спросил в запальчивости поэт.

— А о чем же? — тихонько спросила девушка.

— Он поет о своей маленькой, скромной, любимой соловьихе, которую он не променяет ни на пеструю нарядную сойку, ни на блестящую черную скворчиху, ни на кого на свете.

«Ну и дурак! — фыркнул Потугин. — Серая соловьиха, гнездо с яйцами. Сказал бы еще: черви на ужин! Что значит — не поэт!»

Парень прижался щекой к руке девушки, и они снова замолчали.

«Сколько времени можно молчать? — Потугин поглядел на светящиеся стрелки часов. — Уже пять минут второго, скоро светать начнет... роса... еще, чего доброго, насморк схватишь».

Соловей все пел, самозабвенно, страстно. Его чистый голос летел к бархатному небу, к молодому месяцу. Притихшие было лягушки снова залились трелями. Парень положил голову на колени к девушке, и она робко гладила пряди его волос.

На станции резко вскрикнул электровоз. Девушка обернулась.

«Самая обыкновенная мордашка, — презрительно отметил Потугин, — курносый нос, кудряшки и даже глаза как будто совсем невыразительные... Ба! Да ведь это Танька! Ну, конечно, Танька, дочь колхозницы, у которой мы берем молоко! Она еще приходила к жене за деньгами, говорила, что кончила школу, что-то такое толковала про институт... Правда жизни! Прислушайтесь, подсмотрите! — мысленно передразнивал он редактора.— Колхозные Ромео и Джульетта! А они двух слов связать не умеют...»

— Уже поздно, Миша, пойдем, — сказала девушка.

— Нет, посидим еще немножко. Так хорошо поет соловей!

«Соловей-то поет, да вы-то молчите, бессловесные создания! — Потугин зевнул. — Нет, как хотите, а скреперы и бульдозеры — это дело многократно проверенное. Буду доказывать старику с пеной у рта. Пускай печатает!»

Это было его последней мыслью. Он заснул, приткнувшись лбом к шершавой коре ветлы.

Проснулся он от жары и от того, что в ухо ему лезло что-то холодное и мокрое. Он раскрыл глаза и зажмурился: яркое солнце смеялось ему прямо в лицо, а тещин черный пудель Фомка тыкал в ухо клеенчатым носом. Теща стояла поодаль с раскрытым зонтиком и ехидно улыбалась.

— Я, кажется, задремал? — пробормотал Потугин.

— Вы уже давно спите и храпите на весь дачный поселок, — сказала теща. — Тут были какие-то молодые люди, они над вами смеялись.

— Что же тут особенного, юмор теперь в моде, — огрызнулся Потугин.

Через три дня он пришел к редактору с твердым намерением отстоять во что бы то ни стало свой производственно-лирический цикл стихов. Редактор встретил его с торжествующим видом и помахал листком бумаги.

— Вот послушайте! Начинающий поэт, а как здорово получилось.

И он бодрым голосом, отнюдь не в поэтической манере, прочел стихи о том, как молодой месяц обмывался в темном пруду, как чудесно пахло сиренью, как на островке лягушки давали концерт. И о том, как чарующе пел соловей, влюбленный в свою маленькую скромную соловьиху, которую он не променяет ни на пеструю нарядную сойку, ни на черную блестящую скворчиху и вообще ни на кого на свете. И как на берегу пруда сидели молодые и хорошие он и она, и слушали соловья, и молчали, потому что за них говорила о любви соловьиная песня. А когда взошло солнце и они собрались уходить, то увидали, что под старой ветлой спит одинокий чудак в полосатой пижаме, для которого любовная мелодия прозвучала колыбельной. Стихотворение называлось «Соловьиная ночь».

— Кто это написал? — мрачно спросил Потугин.

— Какая-то Татьяна Прошина. Очень скромная, совсем молоденькая девочка. Первые стихи! — с гордостью сказал редактор. — Ну, как по-вашему?

— Плохо, — сухо сказал Потугин. — И при чем тут этот... человек в пижаме?

— Бытовой штришок. Показан этакий прозаический полосатенький дачник, которому недоступна поэзия соловьиных ночей. Нет, Евгений Савельич, зря вы говорите. Свежо, искренне и, главное, правдиво! Напечатаю непременно. А как у вас обстоит дело? Принесли что-нибудь?

...Поэт Потугин шел из редакции и думал, что он сам отлично мог бы написать и про поганых горластых лягушек, и про серую соловьиху, и про Таньку, которая молчала и жевала прутик. Так разве ж это лирика?..

Ровесник города

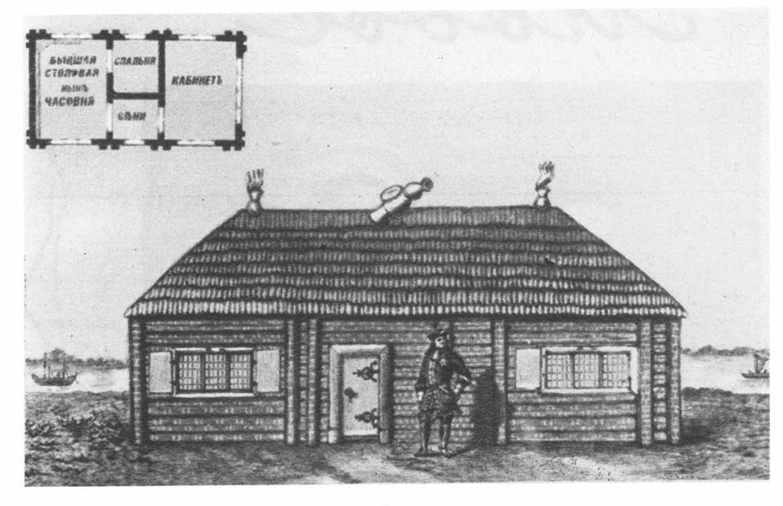
Домик Петра Первого на набережной Невы близ Петропавловской крепости — старейшая из дошедших до наших дней построек петровского Санкт-Петербурга.

Это было одно из самых оживленных мест города. Здесь швартовались торговые корабли из заморских стран. Площадь у порта окружали дворцы придворной знати, здания Гостиного двора, первой петербургской типографии, «австерии», или, проще сказать, трактира, доход которого шел в цареву казну. На площади шла оживленная торговля. Далее теснились шалаши работных людей, раскинулись дворянская, посадская и другие слободы, память о которых сохранилась в старых названиях улиц: Дворянская, Посадская, Гребецкая, Ружейная...

Петровский домик был неприметен среди богатых, украшенных скульптурой зданий.

Стены домика, сложенные из обтесанных бревен, снаружи были раскрашены под кирпичную кладку, а изнутри обтянуты выбеленной холстиной. Остекленные свинцовые переплеты окон прикрывались на ночь ставнями и запирались болтами.

Окна и двери домика разного размера. Переходя из одной комнаты в другую, Петру приходилось нагибаться: самая высокая дверь — 182 сантиметра, а рост Петра — 204 сантиметра. Невелики размеры домика: длина — около 12 метров, ширина — около $5\frac{1}{2}$ метров, а высота от пола до крыши — всего лишь $2\frac{1}{2}$ метра.

Домик Петра I. Старинная гравюра.

Крыша домика выстлана дощечками (в виде черепицы), она украшена деревянной моделью мортиры и резными изображениями пылающих бомб. Возможно, что украшения эти призваны были символизировать воинское звание Петра — «капитан бомбардирской роты».

Комнаты домика были очень скромны по своему убранству; тут находятся кресло и скамейка работы самого Петра, его плотничьи инструменты, дубовый токарный станок и различная утварь.

За 250 лет существования домика его внешний вид почти не изменился, не сохранились лишь деревянные украшения кровли. С 1731 года эта реликвия «защищена от влияния непогод особенною постройкою». Позднее над домиком был сооружен нынешний каменный футляр с застекленными аркадами.

Под сводами футляра у стен домика хранится лодка-верейка, принадлежавшая Петру. Внутри находятся личные вещи Петра. Выставка, устроенная у стен домика, рассказывает о первых годах строительства города.

Б. ЯКОВЛЕВ

БАЗИЛИК

Родина этого небольшого травянистого растения — Индия, но теперь оно выращивается и у нас под Москвой в открытом грунте.

Листья огородного базилика применяются в качестве приправы к супам, мясным и рыбным блюдам, в качестве составной части зеленых салатов. Эти листья употребляются также при солке огурцов и изготовлении томатов.

Порошок из сухих листьев заменяет перец, особенно в смеси с некоторыми другими пряновкусовыми растениями.

Московская плодоовощная опытно-селекционная станция Всесоюзного научно-исследовательского института консервной промышленности в течение нескольких лет занимается выращиванием различных сортов базилика. Для него отводятся солнечные, защищенные от ветров участки с легкой, хорошо удобренной почвой.

Базилик интересен и как декоративное растение. Его выращивают и в комнатных условиях. Он крайне неприхотлив.

Н. БРИНК

Из почты «Огонька»

МЕДВЕДИЦА ВО ДВОРЕ

В контору зооцентра в Москве привезли из Вологодской области медведицу Машку трех месяцев от роду.

То ли она хотела разыскать покинувшую ее хозяйку, то ли задумала осмотреть столицу, но ей удалось порвать цепь, и она побежала по городу, заглядывая во дворы домов.

Вот она зашла во двор, где росло старое дерево. Машка забралась на него и сверху с любопытством посматривала на окруживших ее людей. Особенно весело было детям.

Много хлопот доставила Машка работникам конторы зооцентра. Они старались ее сманить с дерева, однако безуспешно. Предлагали сахар, и медведица охотно спускалась, но... так, что схватить ее все же было нельзя. Получив приманку, она мгновенно оказывалась вновь на верхушке дерева и оттуда задорно посматривала вниз.

Наконец кто-то догадался угостить Машку ведром воды. Как только медведица увидела воду, она спустилась и, не обращая внимания на людей, принялась пить. Когда голова Машки была в ведре с водой, медведицу удалось вновь взять на цепь и стащить с дерева.

Сейчас Машка живет в Уголке Дурова.

В. ЧЕРЕДИНЦЕВ

Моды

ЛЕГКИЕ КОСТЮМЫ ИЗ ПЛОТНОГО БЕЛОГО ШЕЛКА, ЧЕСУЧИ ИЛИ ШЕРСТЯНОЙ ТКАНИ

Модели 42-го ателье «Мосиндодежды»

1. Рукава жакета цельнокроенные с серединой полочек и спинкой. Бока полочек отрезные по линии карманов. Карманы отделаны поперечными полосами ткани, застроченными мелкими складочками-защипами.

Юбка прямая, сзади шов и две складки с разрезами внизу.

Автор модели — А. Алиханова.

2. Жакет, прилегающий в талии. Отрезные бока полочек продлены до конца карманов. По талии застрочены вытачки.

Юбка прямая, четырехшовная.

Автор модели — А. Кузнецова.

3. Платье-костюм из шелковой или вискозной ткани. Джемпер с короткими цельнокроенными рукавами и вытачками по талии. С левой стороны вверху вытачена петля, в которую продевается заплиссированная полоса ткани, вшитая в плечевой шов. Из такой же заплиссированной полосы вывязан бант, прикрепленный на талии.

Юбка клеш заплиссирована.

Автор модели — Е. Райзман.

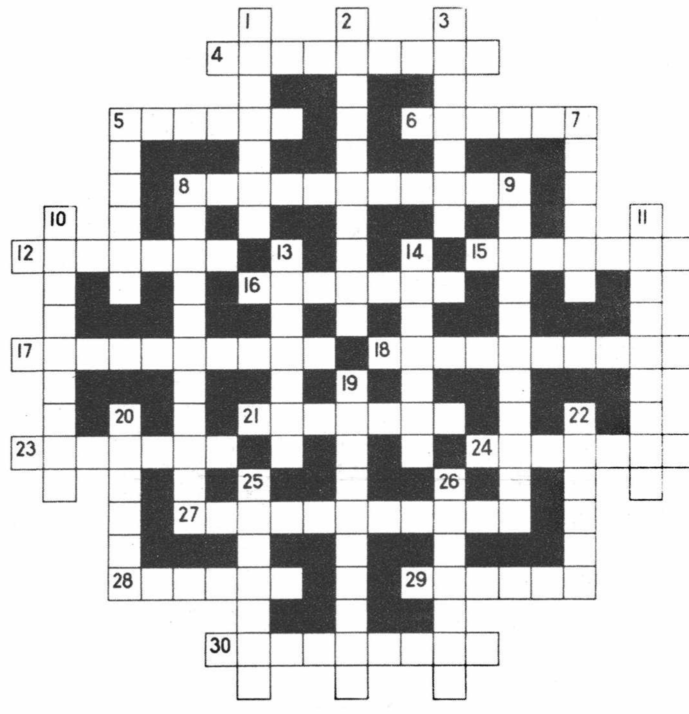
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Служащий. 5. Белый металл. 6. Планета. 8. Телеграмма по подводному кабелю. 12. Сорт крымских яблок. 15. Виднейший из «землепроходцев», открывший Камчатку. 16. Крупная водяная птица. 17. Чертежник. 18. Роман В. Иванова. 21. Рупор. 23. Наблюдательная вышка. 24. Одна из главных составных частей горных пород. 27. Учреждение. 28. Месяц. 29. Город в Узбекской ССР. 30. Химическая реакция.

По вертикали:

1. Город в Ленском золотопромышленном районе. 2. Русский композитор. 3. Необходимость выбора между двумя противоположными возможностями. 5. Береговые леса, затопляемые в половодье. 7. Минеральная вода. 8. Цветок. 9. Род портретной живописи. 10. Специалист по составлению географических карт. 11. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 13. Озеро в районе Валдайской возвышенности. 14. Областной город в РСФСР. 19. Основная, главная линия. 20. Опера Ж. Бизе. 22. Остров в архипелаге Антильских островов. 25. Часть света. 26. Советский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

1. Дрёмов. 4. Фарфор. 7. Вилюй. 8. Эгида. 10. Квас. 13. Арат. 14. Очеркист. 15. Натиск. 17. Опёнок. 19. Метеорология. 20. Гальванометр. 23. Ягдташ. 25. Скакун. 27. Косовица. 28. Лупа. 30. Баян. 31. Ткань. 32. Марал. 33. Японцы. 34. Ауксин.

По вертикали:

1. Дракон. 2. Маис. 3. Вьюрок. 4. Фугато. 5. Руда. 6. Росток. 7. Варта. 9. Арена. 11. Петрозаводск. 12. Нивелировщик. 16. «Светлана». 18. Придаток. 21. Адепт. 22. Шквал. 23. Яблоня. 24. Шканцы. 25. Салака. 26. Нанкин. 29. Акын. 30. Банк.

В этом номере на вкладках: репродукции картин И. Е. Репина «Надя Репина», И. И. Шишкина «Лесная чаща», Н. А. Касаткина «Добрый дедушка», И. М. Прянишникова «Ночные рыболовы» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 02860. Подп. к печ. 7/VII 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 506. Заказ № 1599. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Уралмаш

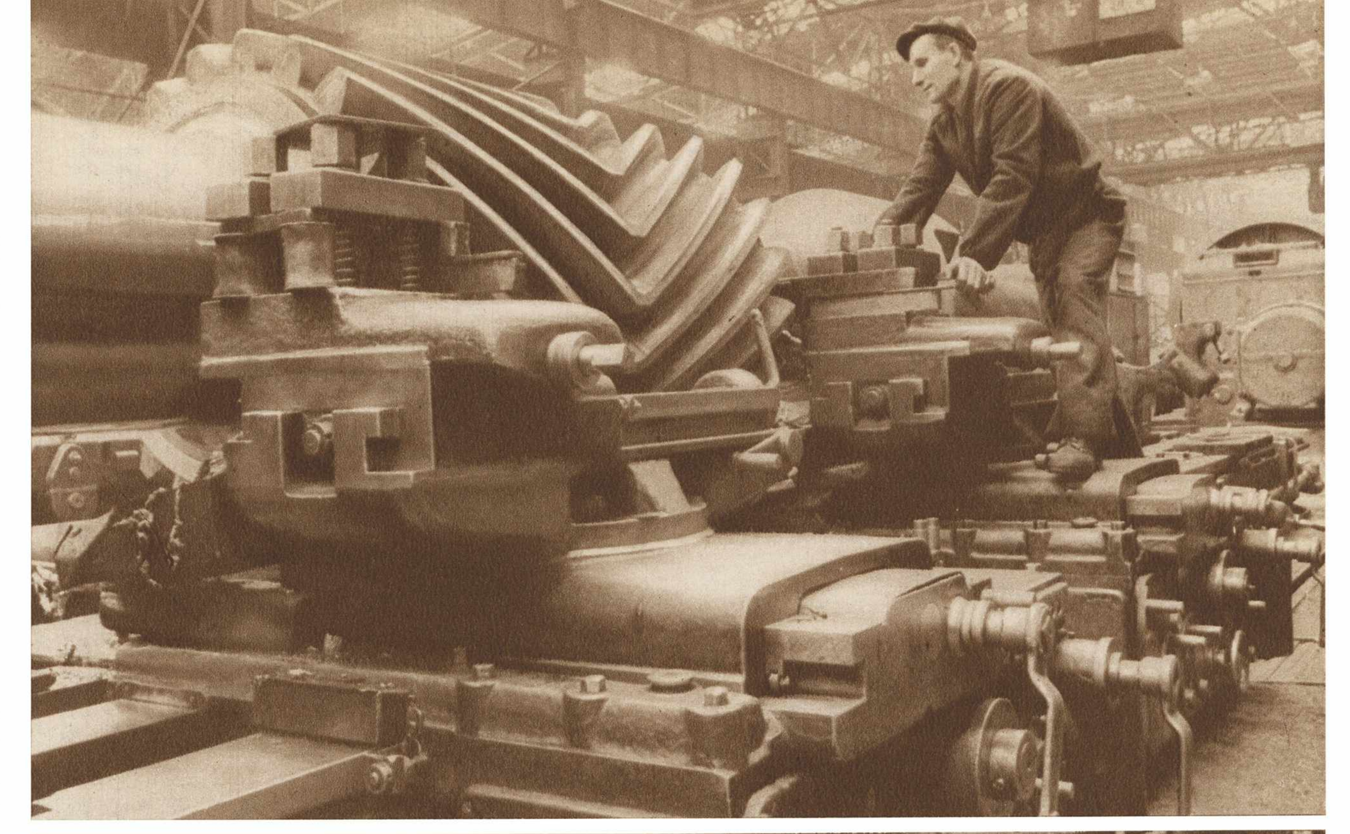
Двадцать пять лет назад, 15 июля 1928 года, на окраине Свердловска началось строительство Уральского завода тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе. А ровно через пять лет из заводских ворот вышла первая продукция с известной теперь всему Советскому Союзу маркой «УЗТМ».

...Из года в год, из месяца в месяц увеличивали уралмашевцы выпуск машин, осваивали производство новых агрегатов. В 1939 году завод был удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина. Огромную помощь фронту оказал завод в годы Отечественной войны. И еще два ордена — Красного Знамени и Трудового Красного Знамени — украсили фасад заводского здания.

В период послевоенного строительства Уралмаш освоил более 200 видов машин для самых различных отраслей народного хозяйства. С заводских конвейеров сходят нефтебуровые установки и балочные станы, блюминги и трубопрокатные агрегаты. Отсюда же на великую волжскую стройку пришел и первый шагающий экскаватор, знаменитый «ЭШ-1».

Много ценных производственных начинаний, широко подхваченных на заводах и фабриках, родилось в цехах и лабораториях Уралмаша. Имена инициаторов движения за комплексную стахановскую технологию — Т. Л. Олейникова и А. В. Поздеева, знатного стахановца-зубореза В. Т. Пономарева, главного конструктора «ЭШ-1» Б. И. Сатовского и многих других — известны в нашей стране.

Свой славный 20-летний юбилей коллектив Уральского завода тяжелого машиностроения встречает новыми трудовыми победами.

На снимках: вверху — в цехе крупных узлов обтачивают шевронный вал автомат-стана. Внизу — в цехе сборки, новая партия готовых стрел экскаватора «СЭ-3», предназначенных для строек пятилетки.

Фото Ю. Добронравова и Ф. Рыбакова.

Цена 3 руб.

